This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

10741

Volkonskii, S. M.

Кн. Сергѣй Волконскій.

2196
V

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
и
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ.

Типо-Л[illegible]ская, № 17.

Volkonskii, S. M.

Кн. Сергѣй Волконскій.

2196
V

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
и
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Р. Голике, Спасская, № 17.
1896.

DK42
V62

Александру Николаевичу

Пыпину.

Подъ сѣнью Вашихъ почтенныхъ трудовъ по исторіи русской письменности и русскаго самосознанія я прошелъ долгій путь отъ Владиміра Св. до Гоголя. Личное Ваше расположеніе и дружеское участіе служили мнѣ опорою въ моемъ трудѣ. Настоящее изданіе предпринято по Вашему настоянію, — позвольте мнѣ освѣтить первую его страницу Вашимъ уважаемымъ именемъ.

К. С. В.

Nationalliteratur will jetzt nicht viel sagen, die Epoche der Weltliteratur ist an der Zeit, und *jeder* muss jetzt dazu wirken, diese Epoche zu beschleunigen.

Goethe (1827).

(Національная литература въ наши дни уже не много что значитъ, эпоха всемірной литературы стоитъ на очереди, и *всякій* обязанъ содѣйствовать скорѣйшему наступленію этой эпохи).

Весною 1895 года я получилъ приглашеніе отъ Лоуэльскаго института въ Бостонѣ (Lowell Institute) прочитать курсъ лекцій по русской исторіи и русской литературѣ, при чемъ число лекцій было ограничено восемью [1]). Приглашеніе мною было принято

---

[1]) Въ 1839 году нѣкто Лоуэль пожертвовалъ значительную сумму на устройство въ Бостонѣ публичныхъ чтеній. «Институтъ», носящій имя учредителя, не учебное заведеніе, онъ, по волѣ завѣщателя, даже не владѣетъ помѣщеніемъ, а нанимаетъ залу. Въ настоящее время чтенія происходятъ въ большой залѣ Технологическаго Института (900 человѣкъ). Лоуэльская каѳедра одна изъ самыхъ популярныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Лекторы приглашаются со всѣхъ концовъ земли. Во времена квакерскія, когда театры были запрещены, Лоуэльскія лекціи привлекали представителей всѣхъ классовъ Бостонскаго общества; съ тѣхъ поръ какъ театры и концерты стали соперничать съ публичными чтеніями, составъ слушателей нѣсколько измѣнился, впрочемъ — не къ худшему: отхлынулъ нарядный элементъ, остался одинъ серьезный. Всякій, кому приходилось читать передъ ней, вспоминаетъ съ благодарностью Лоуэльскую публику—внимательную, отзывчивую, хотя и сдержанную («the cold Bostonian audience») въ сравненіи съ вулканическими проявленіями публики университетской.

и первая лекція назначена на 5 февраля 1896 г. За лѣто былъ написанъ курсъ. Въ Октябрѣ, съ Высочайшаго соизволенія, Г. Министру Народнаго Просвѣщенія угодно было возложить на меня оффиціальную командировку въ Соединенные Штаты. По прибытіи въ Америку, вслѣдъ за первой лекціей, мною были получены приглашенія отъ разныхъ учрежденій: университетовъ, другихъ учебныхъ заведеній, литературныхъ обществъ и т. д. Въ промежутокъ времени отъ 5 Февраля до 5 Мая эти лекціи были прочитаны, сполна или частично, въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Лоуэльскомъ институтѣ въ Бостонѣ, въ Гарвардскомъ университетѣ въ Кэмбриджѣ, въ Колумбіевскомъ университетѣ въ Нью-Йоркѣ, въ Вашингтоновскомъ литературномъ обществѣ въ Вашингтонѣ, въ Чикагскомъ университетѣ, въ Чикаго же публично по приглашенію университета, тамъ же по приглашенію литературнаго общества (Twentieth Century Club), тамъ же по приглашенію унитаріанской церкви, въ С.-Луисѣ публично по приглашенію художественной школы, въ Корнэлльскомъ университетѣ, въ Итакѣ по приглашенію гимназіи, наконецъ въ Нью-Йоркѣ прочитана уже наканунѣ отъѣзда благотворительная лекція въ пользу русской церкви.

Не мнѣ судить о впечатлѣніи, произведенномъ моими чтеніями; могу лишь,— и считаю долгомъ,—

поблагодарить заочно тѣхъ моихъ далекихъ друзей, которые своимъ вниманіемъ, поддержкой и горячимъ сочувствіемъ доставили мнѣ минуты неизрѣченнаго удовлетворенія. Знаю, что обязанъ этими минутами не себѣ, а тѣмъ великимъ именамъ нашей исторіи, которыхъ я былъ скромнымъ толкователемъ.

Какъ первое практическое слѣдствіе, явилась каѳедра славянскихъ нарѣчій при Гарвардскомъ университетѣ въ Кэмбриджѣ, основанная въ Апрѣлѣ 1896 г.

Англійскій текстъ лекцій въ настоящее время издается въ Бостонѣ и въ ближайшемъ будущемъ долженъ выйти отдѣльной книгой: «Pictures of Russian history and Russian literature». Lamson Wolffe & C°, Boston.

Предлагаемый трудъ представляетъ русскій текстъ читанныхъ въ Америкѣ лекцій.

Намѣренія и цѣль автора при составленіи курса изложены во вступительной лекціи. Считаю нужнымъ добавить лишь нѣсколько словъ для русскихъ читателей. Не льщу себя надеждой, что въ такомъ бѣгломъ очеркѣ, обнимающемъ въ восемь лекцій историческое и литературное развитіе Россіи отъ Рюрика до Льва Толстого, мои соотечественники найдутъ для себя что-нибудь новое: что крещеніе

Руси произошло при Владимірѣ Святомъ, что смутному времени былъ положенъ конецъ избраніемъ Михаила Романова, что Пушкинъ былъ романтикъ, а Гоголь основатель русскаго натурализма,—извѣстно всякому русскому. Единственный интересъ, какой настоящая книга можетъ имѣть для русскаго читателя, заключается, слѣдовательно, не въ фактахъ, а въ томъ, какъ эти факты изложены, освѣщены и представлены иностранцамъ. Здѣсь попрошу имѣть въ виду, что курсъ составлялся для публики, хотя и университетской, тѣмъ не менѣе съ вопросомъ совершенно не знакомой. Это весьма осложняло задачу составителя, такъ какъ приходилось сочетать два довольно трудно сочетаемыхъ условія: популярность, почти элементарность, изложенія фактической стороны и нѣкоторую серьезность въ постановкѣ вопросовъ, въ освѣщеніи фактовъ, въ обобщеніяхъ, выводахъ и т. д.; необходимо было снабдить курсъ всѣмъ тѣмъ, что способно заинтересовать людей, уже давно вышедшихъ изъ ученическаго возраста; приходилось дать нѣчто вродѣ гимназическаго учебника ad usum профессоровъ. Насколько задача выполнена, предоставляю судить читателю.

Курсъ снабженъ подстрочными примѣчаніями двоякаго рода. Одни даютъ библіографическія указанія по русской исторіи и русской литературѣ: желающій найдетъ болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ

для ознакомленія съ предметомъ. Такъ какъ книга предназначалась для иностранцевъ, то, понятно, указанія ограничиваются иностранной библіографіей [1]; русскія сочиненія упоминаются лишь, когда является надобность въ ссылкѣ. Другого рода примѣчанія направлены къ тому, чтобы освѣтить разбираемую эпоху или разбираемаго автора отзывами позднѣйшей русской критики: такъ подъ строкою Карамзинъ говоритъ о Сумароковѣ, Бѣлинскій о Державинѣ, А. Н. Пыпинъ о Бѣлинскомъ и т. д. Этимъ путемъ читателю сообщается заразъ двѣ величины,— значеніе того или другого автора въ современной ему средѣ и путь, пройденный русской мыслью послѣ него. Какой перечень историческихъ трудовъ, напримѣръ, дастъ болѣе наглядное представленіе объ успѣхахъ русской исторической науки, чѣмъ отзывъ Бѣлинскаго объ «Исторіи» Карамзина? Книга, появленіе которой Пушкинъ сравниваетъ съ открытіемъ Америки, черезъ двадцать пять лѣтъ, по словамъ Бѣлинскаго, уже вытѣснена изъ числа сочиненій, удовлетворяющихъ требованіямъ «современнаго» ума. Благодаря подстрочнымъ примѣчаніямъ печатная книга до нѣкоторой степени восполнитъ

---

[1]) Здѣсь считаю долгомъ принести благодарность библіотекарю Императорской Публичной Библіотеки отдѣла «Russica», К. Ѳ. Феттерлейну, любезную готовность котораго помочь указаніями знаетъ всякій, кому приходилось къ нему обращаться.

пробѣлы изустнаго изложенія, вызванные ограниченностью времени и неизбѣжною отсюда сжатостью разсказа [1]).

Изъ сказаннаго читатель усмотритъ, что задача автора была не въ томъ, чтобы *ознакомить* иностраннаго слушателя съ предметомъ (что невозможно въ восемь часовъ времени), а въ томъ, чтобы *заинтересовать* его. Развернуть передъ иноземцами все, что въ нашей отечественной исторіи есть высокаго, поучительнаго, живописнаго; показать имъ все что вызываютъ въ нашемъ умѣ великія имена нашей исторіи и нашей литературы и что составляетъ духовную пищу всякаго образованнаго русскаго; разоблачить въ твореніяхъ нашихъ поэтовъ и писателей лучшія стороны русской народной души; дать почувствовать иноземцамъ, что страна, о которой большинство изъ нихъ не знаетъ ничего, кромѣ разсказовъ о снѣгѣ, о волкахъ и о тайной полиціи, заключаетъ въ себѣ цѣлый имъ невѣдомый міръ духовныхъ радостей, — вотъ задача автора. Читатель увидитъ, что эта программа не сдѣлала его ни слишкомъ одностороннимъ, ни черезъ-чуръ оптимистичнымъ. Подчеркиваніе красоты въ жизни не значитъ искаженіе дѣйствительности, и внушить ино-

---

[1]) Въ англійскомъ текстѣ будетъ больше библіографическихъ указаній, чѣмъ въ русскомъ, такъ какъ онъ пополнился нѣкоторыми данными, собранными въ Америкѣ.

странцу любовь ко всему русскому также существенно, какъ внушить всякому русскому любовь ко всему человѣческому. Карамзинъ сказалъ: «Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, для выгоды человѣка, то мое, ибо и я человѣкъ». Такъ говорилъ Карамзинъ; но съ тѣхъ поръ мы выросли, и въ наши дни широкаго обмѣна международной мысли, когда національныя границы, такъ грозно оберегаемыя политикой, блѣднѣютъ въ совѣсти людской подъ всепрощающимъ крыломъ науки, искусства, религіи, мы можемъ перевернуть слова Карамзина и мы можемъ сказать иностранцу: «Да, мы люди, а не только русскіе, и то что есть хорошаго, высокаго, прекраснаго у насъ, то не можетъ не быть прекрасно для другихъ, и что русскій создалъ для блага человѣка, то ваше, ибо и вы люди».

Les Avants s. Montreux.
12-го Октября 1896 г.

Pour rien au monde je n'aurais voulu avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.

(Ни за что на свѣтѣ не желалъ-бы я имѣть иную исторію, чѣмъ исторію нашихъ предковъ, такую, какою Богъ намъ далъ ее).

Пушкинъ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!... нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

Тургеневъ.

Гдѣ только есть просвѣтъ въ небесную лазурь, гдѣ есть опасность, или ужасъ, или любовь,— тамъ красота.

Эмерсонъ.

Лекція I.

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ).

Иностранныя понятія о Россіи. Наша цѣль—изложеніе, не полемика. — Красота какъ проводникъ общественности. Націонализмъ или космополитизмъ? — Русская исторія съ птичьяго полета.

Намъ предстоитъ довольно трудная задача,—въ нѣсколько лекцій окинуть взоромъ длинную картину историческаго и литературнаго развитія цѣлой страны; страны, которая простирается отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, отъ Крымскихъ виноградниковъ, обращенныхъ къ Малой Азіи, до мерзлыхъ тундръ Чукотскаго носа, такъ близко подошедшихъ къ Аляскѣ, отъ снѣговъ и льдовъ Норвежскихъ береговъ до жгучихъ песковъ Средней Азіи у подножія Памира; страны, которая въ этихъ предѣлахъ представляетъ поверхность въ 406 т. кв. миль, т. е.—въ сорокъ два раза больше Франціи, или, чтобы прибѣгнуть къ астрономическому сравненію Гумбольдта—поверхность равную диску полной луны; страны, обнимаю-

щей седьмую часть земного шара, обладающей населеніемъ въ болѣе чѣмъ сто двадцать милліоновъ и считающей за собой болѣе чѣмъ тысячу лѣтъ исторіи.

Мы располагаемъ восемью часами, чтобы выполнить нашу программу. При такомъ условіи, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о полномъ курсѣ русской исторіи и литературы. Мы постараемся дать, по возможности, непрерывную цѣпь событій, но намъ, конечно, нельзя будетъ съ одинаковымъ вниманіемъ останавливаться на всѣхъ эпохахъ, которыя будутъ подлежать нашему изученію; да и въ тѣхъ эпохахъ, которымъ мы удѣлимъ наибольшее вниманіе, намъ невозможно будетъ обнять всю многосторонность исторической жизни: намъ нужно будетъ отъ каждаго времени отвлечь то, что составляетъ его отличительную черту, ибо полезнѣе, да и интереснѣе, познакомиться съ нѣсколькими существенными вопросами, чѣмъ «коснуться до всего слегка». Поэтому вамъ придется извинить меня, если окраска, самый пріемъ изображенія, будутъ различны въ разныхъ лекціяхъ, если напр. лекція о Петрѣ Великомъ будетъ представлять характеръ фактическій, тогда какъ въ лекціи о Екатеринѣ Великой прагматическая сторона будетъ отсутствовать, чтобы уступить мѣсто изображенію умственнаго и литературнаго движенія. Повторяю, полный курсъ не выполнимъ въ восемь часовъ времени; мы можемъ дать лишь *картины* изъ русской исторіи и литературы, конечно, связавъ ихъ цѣпью событій.

Но есть и другое обстоятельство, осложняющее нашу задачу; оно заключается въ томъ, что такъ мало еще извѣстно о Россіи за границей. Намѣреваясь обрисовать историческій ростъ нашего отечества предъ иностранными слушателями, я хорошо знаю, что втеченіе долгихъ историческихъ періодовъ мы будемъ подвигаться какъ бы во вновь открытой землѣ, факты будутъ для васъ новы, имена—незнакомы; и, можетъ быть, имя Петра Великаго, являющееся послѣ того какъ Россія просуществовала уже восемьсотъ лѣтъ, будетъ первымъ камнемъ, который я могу занять отъ вашего зданія всеобщей исторіи для постройки нашего зданія Русской исторіи.

Конечно, тѣ событія, которыя тѣсно сплетаются съ общей европейской исторіей, хорошо знакомы, но трудно предположить, чтобы ихъ внутренняя связь, ихъ мѣсто въ развитіи народа были предметомъ изученія для неспеціалиста-иностранца. Также точно, и еще въ большей степени,—въ литературѣ. Слава многихъ поэтовъ перешла границу нашего отечества, имена Гоголя, Тургенева, Достоевскаго перелетѣли за океанъ, и я не знаю, окруженъ ли въ какой другой странѣ большимъ блескомъ удивительный образъ Льва Толстаго, чѣмъ здѣсь, въ Америкѣ,—и тѣмъ не менѣе, взаимная связь и отношеніе этихъ авторовъ другъ къ другу не могутъ быть выведены изъ простого ознакомленія съ ихъ произведеніями. Въ какой мѣрѣ они за-

висятъ отъ общихъ литературныхъ теченій западной Европы, до какой степени могутъ быть приравниваемы къ тому или другому иностранному писателю,—все это возможно прослѣдить, но внутренняя послѣдовательность ихъ собственныхъ, мѣстныхъ литературныхъ школъ и въ особенности ихъ связь съ историческимъ, политическимъ и умственнымъ движеніемъ ихъ страны необходимо должны ускользнуть отъ вниманія иностраннаго читателя.

Такимъ образомъ, даже то, что вообще извѣстно по русской исторіи и литературѣ, собственно не даетъ понятія ни о странѣ, ни о народѣ, ни о жизни. Внезапный интересъ къ русскимъ писателямъ, пробудившійся въ послѣдніе двадцать лѣтъ, слишкомъ юнъ, для того чтобы вознаградить за долголѣтнее равнодушіе.

Если прослѣдить причины, по которымъ иностранцы такъ долго были, а во многихъ отношеніяхъ и теперь еще несвѣдущи относительно нашей родины, то можно ихъ свести къ тремъ. Первая причина—историческая. Лишь съ Петра Великаго, т. е. какихъ нибудь двѣсти лѣтъ съ небольшимъ, Россія принимаетъ дѣятельное участіе въ общеевропейской исторіи. До того—торговые договоры, обмѣнъ чрезвычайными посольствами и нѣсколько браковъ русскихъ княженъ съ иноземными государями въ самую раннюю эпоху нашей исторіи, были единственными случаями, когда Европа слышала о Россіи: Россія жила для себя и не заботилась о Европѣ.

Вторая причина—филологическая. Западная Европа была подѣлена между двумя великими семьями арійской группы: латинской и германской; ихъ долгое сожительство, торговыя сношенія, политическія столкновенія, помогли имъ узнать другъ друга,— всякій, хотя-бы онъ не зналъ ни одного изъ языковъ другой семьи, чувствовалъ свое единство со всѣми народами своей семьи, — полъ Европы была ему филологически сродни. Это, конечно, способствовало историческому воспитанію въ немъ духа международной общественности. Русскій языкъ, хотя и той же арійской группы, принадлежитъ къ славянской семьѣ, поэтому русскій не могъ чувствовать своего родства ни съ однимъ изъ народовъ западной Европы. Древняя латинская культура, послужившая великой объединительной силой въ сознаніи западноевропейскихъ народовъ, не захватила Россію въ свою эволюцію. Россія не имѣла прямого нравственнаго наслѣдія отъ античнаго міра; она получила нѣкоторую долю его чрезъ посредство Византіи, но она не участвовала въ общемъ совокупномъ ростѣ европейскихъ народовъ, и, пока она не завоевала себѣ силою то, что другимъ принадлежало по праву рожденія, ее не считали принадлежащею къ Европейской семьѣ. То недовѣріе, какое внушаетъ таинственность незнакомаго и труднодоступнаго языка, втеченіе долгаго времени, казалось, мѣшало Россіи пріобрѣсти то общественное равенство, которое остальные народы Европы признавали другъ за другомъ.

Третья причина заграничнаго невѣдѣнія относительно Россіи—психологическая. Одинъ изъ нашихъ писателей сказалъ: «Il suffit pour faire dire une sottise à un homme d'esprit Anglais ou Français qu'il ait à émettre une opinion sur la Russie. C'est un sujet qui le grise et qui trouble aussitôt son intelligence» [1]). Было бы несправедливо и неблагодарно съ нашей стороны распространять это правило на почтенные труды ученыхъ изслѣдователей или путешественниковъ, посвятившихъ много лѣтъ жизни изученію исторіи, литературы и государственнаго устройства нашей страны, — какъ М. Уолласъ, Ролстонъ, Леруа Больё, Рамбо и другіе, о которыхъ мы будемъ имѣть случай упомянуть, — но по отношенію къ обыкновенному путешественнику и заурядному романисту, надо признаться, что при всей своей строгости упомянутое сужденіе заключаетъ въ себѣ много правды. Люди обыкновенно составляютъ себѣ извѣстный запасъ апріористическихъ мнѣній о странѣ, и, когда они туда пріѣзжаютъ, то вмѣсто того, чтобы раскрыть свой умъ для воспріятія новыхъ впечатлѣній, новыхъ вліяній, они заняты лишь тѣмъ, что подмѣчаютъ малѣйшіе факты, могущіе служить под-

---

[1]) «Хотите, чтобы умный человѣкъ, нѣмецъ или французъ, сморозилъ глупость,—заставьте его высказать сужденіе о Россіи. Это предметъ, который его опьяняетъ и сразу помрачаетъ его мыслительныя способности». (Кн. Вяземскій «Lettres d'un vétéran russe»).

твержденіемъ ихъ заранѣе составленнаго мнѣнія: имъ нужно, во что бы то ни стало, чтобы дѣйствительность совпала съ ихъ ожиданіями. Я помню одну американку, которая откровенно признавалась, что она была совершенно разочарована въ русскихъ романахъ, изображающихъ русскую жизнь: то, что они описывали, было совсѣмъ не оригинально, лишено «мѣстнаго колорита», жизнь оказывалась такая же, какъ и вездѣ,—ей гораздо больше нравились англійскіе романы про Россію: «въ нихъ гораздо больше *русскаго*». Замѣчаніе характерно. «Русскій романъ», т. е. романъ изъ русской жизни, какъ онъ извѣстенъ въ англійской и французской литературѣ, пріобрѣтаетъ своего рода экзотическую прелесть: экзотизмъ снѣга, волковъ, агентовъ тайной полиціи съ вѣчно угрожающей Сибирью, придаютъ пріѣвшимся описаніямъ человѣческихъ страстей тотъ же самый лоскъ, какой иные писатели стараются придать имъ, перенося мѣсто дѣйствія своихъ повѣстей въ Среднюю Африку или Новую Зеландію. По странной наклонности ихъ пера, а можетъ быть и потому, что они поддѣлывались подъ вкусъ большинства своихъ читателей, эти авторы въ тѣхъ вещахъ, которыя они описывали,—вѣрно ли, ложно ли, въ данномъ случаѣ безразлично, — казалось, обращали свое вниманіе исключительно въ одну сторону; вотъ почему вышло, что имя нашей родины получило грустное свойство вызывать въ умѣ иностранца отвратительныя картины рабства, жестокости

и больше ничего. Мы не станемъ спорить,—мы здѣсь не для полемики,—не станемъ также останавливаться на сенсаціонныхъ извѣстіяхъ, распространяемыхъ ежедневною печатью тѣхъ странъ, которыя политически заинтересованы въ разжиганіи того, что нашъ философъ назвалъ живописнымъ именемъ «международнаго каннибализма» [1]). Что касается меня, я надѣюсь, я увѣренъ, что я стою передъ слушателями, которые не утратили божественнаго дара отзывчивости на прекрасное, которые вѣрятъ въ добрыя начала человѣческой природы, вѣрятъ въ ихъ торжествующій ходъ изъ мрака прошлаго къ свѣту будущихъ временъ и которые знаютъ, что исторія народа, скрижали, на которыхъ начертана лѣтопись многотруднаго пути, коимъ часть вселенской человѣческой семьи достигла своего народнаго самосознанія, — честная книга, что на листахъ ея они найдутъ и славныя имена, и примѣры доблести, и уроки, внушающіе уваженіе.

Отъ всего великаго, доблестнаго, прекраснаго,— гдѣ-бы и когда-бы оно ни проявлялось,— исходитъ возвышающая, воспламеняющая сила; и не пустое чувство узкаго патріотизма руководитъ мной, когда я говорю, что именно эта сила должна вести насъ въ предстоящемъ трудѣ; вовсе не для удовлетворенія національной гордости, вовсе не потому, чтобы я

---

[1]) Вл. Соловьевъ. «Нравственность и политика». («Національный вопросъ въ Россіи». Спб. 1891).

желалъ услаждать вашъ слухъ патріотическими рапсодіями, которыя, я знаю, не могутъ тронуть сердца иностранца, но потому, что эта возвышающая сила восторга есть единственный элементъ, дающій повѣствованіямъ о національной исторіи воспитательное значеніе съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Удовольствіе, которое мы испытываемъ, когда посвящаемъ другихъ въ исторію своей родины, не отъ того проистекаетъ, что мы усиливаемъ, подчеркиваемъ націонализмъ, или придаемъ абсолютную цѣнность тому, что имѣетъ лишь частное значеніе,— удовольствіе наше происходитъ отъ того, что отъ тѣхъ событій, которыя имѣютъ временное или мѣстное значеніе, мы отвлекаемъ вѣчные элементы нравственной и художественной красоты и, покинувъ почву нашихъ частныхъ интересовъ, — передаемъ ихъ въ ту общую сокровищницу науки и искусства, гдѣ нѣтъ собственности ни личной, ни народной.

«Красота, — говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей, — единственное духовное качество матеріи; слѣдовательно, красота единственное звено между этими двумя основными началами вселенной» [1]). Но въ такомъ случаѣ — какимъ могучимъ двигателемъ къ признанію всеобщаго родства людей съ природой и людей между собой является та способность къ отзывчивости на красоту, которую мы всѣ носимъ въ сердцахъ; и какое важное значеніе въ этомъ

---

[1]) Данилевскій.

сближеніи людей, основанномъ на отзывчивости къ прекрасному, должно принадлежать искусству вообще, какъ воплотителю красоты, и литературѣ въ частности, какъ самому многостороннему изъ искусствъ и наименѣе связанному пространствомъ. Литература больше всѣхъ другихъ искусствъ сотрудничаетъ христіанству въ великомъ дѣлѣ упраздненія тѣхъ преградъ, которыя встаютъ между отдѣльными людьми вслѣдствіе національныхъ различій.

Мы не будемъ разсматривать здѣсь, есть ли націонализмъ начало доброе или злое, есть ли патріотизмъ своего рода гордость и потому заслуживаетъ осужденія, или одинъ изъ видовъ преданности и любви и потому долженъ быть превозносимъ какъ добродѣтель; предоставимъ политикѣ охранять неприкосновенность географическихъ границъ и раскрашивать карту вселенной яркими красками народныхъ дѣленій, — искусство и наука будутъ продолжать свое дѣло: онѣ не допустятъ, чтобы умы, сердца и души людей оставались въ плѣну за этими границами. Да и можетъ-ли быть иначе? Народности ограничены мѣстомъ и временемъ, искусство и наука внѣ того и другого. Мы обыкновенно какъ будто не сознаемъ этого: мы всегда склонны ограничивать произведеніе художника его временемъ, его страной; это совершенно вѣрно съ точки зрѣнія творчества, но совершенно не вѣрно съ точки зрѣнія воспріятія. Положимъ, напримѣръ, мы беремъ Шекспира: конечно, прежде всего его про-

изведенія принадлежатъ Англіи и елизаветинскому періоду, но это, какъ я сказалъ, лишь съ точки зрѣнія творчества; съ точки же зрѣнія воспріятія они ваши столько же, сколько и мои, сколько всякого другого во всякое время, и отъ меня лишь зависитъ сдѣлать, чтобы они были еще больше моими, чѣмъ чьими бы то ни было. Какъ часто мы повторяемъ: «Шекспиръ принадлежитъ Англіи и елизаветинскому періоду», и мы даже не чувствуемъ невѣрности этого выраженія. Нѣтъ, Шекспиръ не *принадлежитъ* елизаветинскому времени: онъ жилъ и работалъ въ елизаветинское время, онъ не *принадлежитъ* Англіи, онъ родился въ Англіи, но онъ принадлежитъ вселенной, всякому человѣку, во всякой странѣ, во всякое время, начиная съ елизаветинскаго времени и до скончанія вѣковъ.

Велика можетъ быть сила искусства, если только раскрыть свое сердце его благотворному воздѣйствію. Но не будемъ позволять, чтобы политическое недоброжелательство, національная щепетильность, церковныя недоразумѣнія, предубѣжденіе противъ эпохи, страны, или человѣка заползали между нашимъ сердцемъ и произведеніемъ искусства: все это ядовитыя чувства, но жало ихъ обращено противъ насъ же самихъ, оно безсильно противъ искусства, какъ и противъ науки, ибо наука и искусство не уязвимы и въ своихъ ясныхъ высотахъ проносятся поверхъ пресмыкающейся узкости людскихъ предубѣжденій. Нѣтъ, пусть померкнутъ всякія человѣ-

ческія разности предъ лицемъ искусства и науки, какъ онѣ меркнутъ въ нашей совѣсти, когда мы бросаемся на спасенье погибающаго.

Два противоположныхъ теченія въ наши дни оспариваютъ другъ у друга первенство надъ направленіемъ человѣческой мысли: націонализмъ и космополитизмъ. Въ послѣднее время сторонники того и другого дошли до послѣднихъ предѣловъ нелогичности неразумія, но не думается ли вамъ, что въ вопросахъ искусства и науки бурѣ пора бы утихнуть? Когда люди спорятъ о томъ, національны-ли или космополитичны искусство и наука, мнѣ это кажется также безполезно, какъ спорить о томъ, принадлежитъ-ли рѣка—горѣ или океану. Несомнѣнно, что лучшія созданія художественнаго творчества всегда были и индивидуальны, и національны, но что̀ прежде всего свидѣтельствуетъ о ихъ совершенствѣ? — это то, что они были приняты другими народами и стали всеобщи. Созданія человѣческаго разума не остаются пригвожденными къ той почвѣ, на которой они выросли,—они поднимаются, а во слѣдъ за ними возвышаемся и мы: мѣстное, народное, мало-по-малу претворяется въ художественное, общечеловѣческое, и самый націонализмъ такимъ образомъ выводитъ насъ на путь универсализма. Вотъ почему мы не погрѣшаемъ противъ человѣчества, когда любимъ нашу родину, подобно тому какъ не измѣняемъ нашей родинѣ, когда любимъ человѣчество. Какъ будущій дубъ содержится въ

желудѣ, такъ вселенское значеніе благороднаго чувства уже заключено въ его національной цѣнности.

Вотъ мысли, которыя я желалъ установить, прежде чѣмъ приступить къ нашему предмету. Надѣюсь, что мои слушатели ихъ раздѣляютъ, такъ какъ лучшее ручательство за согласную работу есть согласіе намѣреній и чувствъ.

Въ бѣглыхъ чертахъ проставимъ вѣхи нашего разсказа.

Въ туманномъ сумракѣ тѣхъ отдаленныхъ временъ, гдѣ грань между былью и вымысломъ только начинаетъ обозначаться, имя Рюрика является исходной точкой русской исторіи. Норманскій князь, приглашенный славянскими племенами, жившими въ равнинахъ между Чернымъ и Балтійскимъ морями, оставляетъ свою родину, Норвегію, приводитъ съ собой своихъ родичей, свою дружину и переноситъ имя своего норманскаго племени—Русь. Это было въ 862 г. Онъ основывается въ Новгородѣ и полагаетъ начало династіи, которая процарствовала до конца шестнадцатаго столѣтія. Преемники Рюрика переносятъ столицу на югъ, въ Кіевъ, на высокій живописный берегъ Днѣпра. Главное событіе этого періода — введеніе христіанства при Великомъ Князѣ Кіевскомъ Владимірѣ въ 987 г. Многочисленные монастыри возникаютъ въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ; въ нихъ закипаетъ живая работа, переводятся и переписываются священныя

книги, въ нихъ сосредоточивается вся духовная и умственная жизнь. Но страна страдаетъ отъ постоянныхъ раздоровъ князей, враждующихъ ради обладанія кіевскимъ великокняжескимъ престоломъ, и отъ разрушительныхъ набѣговъ разныхъ азіатскихъ кочующихъ племенъ, какъ Печенѣги, Половцы и, наконецъ, Татары, которые обрушиваются на страну и порабощаютъ ее въ началѣ XII вѣка. На мрачномъ фонѣ междоусобныхъ смутъ, два свѣтлыхъ образа изъ этой эпохи запечатлѣлись въ народной памяти: Ярославъ Мудрый, собравшій воедино судебные обычаи, жившіе въ народѣ, и оставившій въ «Русской Правдѣ» первый образчикъ письменнаго законодательства, и Владиміръ Мономахъ — гроза непокорныхъ князей и любимецъ народа; мы познакомимся съ его высокими душевными качествами, когда будемъ говорить о знаменитомъ памятникѣ нашей древней письменности, извѣстномъ подъ именемъ «Поученія Владиміра Мономаха», одномъ изъ самыхъ трогательныхъ произведеній въ средневѣковой литературѣ.

Татарское иго глубокой ночью ложится на нашу землю. Всякая попытка къ независимой политической жизни пресѣкается; тѣ свѣжіе зародыши внутренняго народнаго развитія, которые сказались въ монастырскомъ движеніи и въ политической мудрости упомянутыхъ князей, задавлены, и всякая возможность преуспѣянія и просвѣщенія отнимается на цѣлыя двѣсти лѣтъ. Но національное чувство

уже глубоко сидѣло въ сердцахъ. Въ то время какъ старый Кіевъ со своимъ акрополемъ монастырей, церквей и колоколенъ понемногу теряетъ всякое политическое значеніе, встаетъ другой акрополь— «бѣлокаменная», «златоглавая» Москва. Подъ управленіемъ ряда мудрыхъ и осторожныхъ князей она растетъ тихо, но твердо; другимъ князьямъ въ концѣ концовъ остается признать ея первенство, какъ единственное средство къ спасенію отъ варварскаго ига. Москва становится центромъ народнаго самосознанія, въ лѣтописяхъ она упоминается съ эпитетами: «сердце Россіи», «собирательница земли Русской».

Въ 1380 году, на берегахъ Дона, Великій Князь Дмитрій одерживаетъ первую побѣду надъ Татарами. Освобожденіе началось; — сто лѣтъ спустя, при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III ненавистное иго окончательно свергнуто. Тяжелый трудъ созиданія исполненъ, инкубаціонный періодъ конченъ, княжество Московское стоитъ твердо, опираясь на признаніе народное, и въ 1547 г. Іоаннъ IV, прозванный Грознымъ, вѣнчается первымъ Царемъ Московскимъ. Мы остановимся въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ на этомъ удивительномъ образѣ, имя котораго стало синонимомъ ужаса; мы еще вернемся къ этому кровожадному деспоту въ монашеской рясѣ, который зналъ наизусть Священное Писаніе, и жертвы котораго считаются тысячами, къ этому несчастному дѣтоубійцѣ, жившему среди крови

своего историческаго развитія; призвавъ къ жизни всѣ силы, дремавшія въ его нѣдрахъ, сквозь смуту тѣхъ временъ онъ самъ выходитъ на путь своего историческаго призванія; въ то время какъ престолъ стоитъ незанятый, патріархъ умираетъ голодной смертью въ польской темницѣ, старое дворянство раззорено, войско разсѣяно или выродилось въ разбойничьи шайки, въ то время какъ Москва разрушена пожарами, а Кремль занятъ польскимъ отрядомъ,— народъ встаетъ и самъ себя спасаетъ.

Трогательную картину представляетъ Михаилъ Романовъ, шестнадцатилѣтній юноша, раздѣляющій обязанности и почести царскаго сана съ престарѣлымъ отцомъ, Патріархомъ Филаретомъ. Плодотворное и благотворное сотрудничество. Съ большою заботливостью приступлено къ излѣченію внутреннихъ ранъ; «Земскій Соборъ» изъ представителей народныхъ нѣсколько разъ созывается въ Москвѣ. Съ иностранными государствами заводятся сношенія: то обмѣнъ почетныхъ посольствъ, то торговые договоры,— съ Лудовикомъ XIII французскимъ, съ Густавомъ Адольфомъ шведскимъ, съ Яковомъ англійскимъ, съ Христіаномъ IV датскимъ.

Понемногу начинаютъ проникать иноземная наука, иноземное ремесло. При сынѣ Михаила, Алексѣѣ, является наплывъ голландскихъ, англійскихъ и иныхъ купцовъ: нѣмецкая актерская труппа, астрономъ изъ Голштиніи; позднѣе—швейцарскій инженеръ, шотландскій генералъ; въ нѣсколько лѣтъ

собраться, — и уже силамъ народнымъ, казалось, было суждено погибнуть подъ натискомъ нахлынувшихъ враговъ. Но когда Москва, поставленная въ необходимость выбирать между новымъ самозванцемъ и иноземнымъ царемъ, передается Владиславу, сыну короля польскаго Сигизмунда, — весь запасъ народной гордости встаетъ въ негодованіи. Изъ Нижняго-Новгорода на Волгѣ раздается призывъ къ освобожденію. Купеческій сынъ, мясникъ Мининъ, огненной рѣчью поднимаетъ населеніе. Цѣною величайшихъ жертвъ составляется новое ополченіе, и когда нуженъ вождь, — князь Пожарскій, отличившійся во многихъ сраженіяхъ и въ то время лѣчившійся отъ недавнихъ ранъ, приглашается стать во главѣ народнаго войска. Великую и славную картину являетъ этотъ народъ, который не всилу какихъ-либо принудительныхъ мѣръ, не всилу какого-нибудь политическаго установленія, но добровольнымъ актомъ общаго довѣрія, въ самую трудную годину своей жизни, встаетъ какъ одинъ человѣкъ и отдаетъ себя подъ начало одного человѣка. Во главѣ побѣдоноснаго войска Мининъ и Пожарскій вступаютъ въ освобожденную Москву; грамоты разсылаются во всѣ концы, представители земли собираются въ столицу, и 21 Февраля 1613 г. Михаилъ Романовъ избирается на престолъ. Такъ народъ, который даже его собственные вожди считали сломленнымъ и уничтоженнымъ, нечеловѣческимъ усиліемъ самъ возстановляетъ порванную нить

бѣгломъ очеркѣ? Развѣ не встаетъ онъ предъ вами, какъ сказочное воплощеніе совокупной жизни цѣлой страны, какъ эпическое олицетвореніе дѣвственныхъ силъ, дремавшихъ въ народной громадѣ и вдругъ пробуждающихся къ жизни въ единичномъ человѣческомъ сознаніи? То неясное, почти безотчетное, стремленіе къ открытому морю, которое сквозь предыдущіе вѣка отмѣчено кровопролитными войнами, на сѣверѣ—противъ Шведовъ, на югѣ—противъ Турокъ, пріобрѣтаетъ такое усиленное выраженіе въ личности Петра, что за тридцать шесть лѣтъ его царствованія выполнено больше, чѣмъ даже могло сниться его предшественникамъ. Онъ разрушаетъ стѣну, отдѣлявшую Россію отъ остальнаго міра; по выраженію того-же поэта, онъ «прорубаетъ окно въ Европу»; онъ отмѣчаетъ ту грань въ исторіи народа, когда изъ періода народнаго чувства онъ входитъ въ періодъ народной мысли, когда его собственныя силы, обогащенныя и увеличенныя историческимъ наслѣдіемъ другихъ народовъ, начинаютъ сказываться въ великой равнодѣйствующей міровыхъ силъ, когда онъ познаетъ, что онъ уже принадлежитъ не одной своей землѣ, а вселенной. Въ 1721 году Московское Царство становится Россійской Имперіей.

Въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ мы не можемъ ни останавливаться на практической сторонѣ преобразованія, ни обнять все его значеніе; да оно было бы и несвоевременно: намъ нужно узнать и усвоить

все, что было раньше, чтобы понять и оцѣнить то, что наступило послѣ.

Тѣмъ не менѣе, я все же желалъ бы вамъ дать одно впечатлѣніе, чисто внѣшняго характера. Считаете ли вы, что описаніе одежды, прически, обстановки, заслуживаетъ пренебреженія? я не нахожу. По моему эти подробности помогаютъ намъ поставить событіе на свое мѣсто, иногда онѣ помогаютъ намъ припомнить забытый фактъ,—это все равно, что гвоздь, придерживающій картину; но онѣ имѣютъ и другое значеніе: одна подробность такого рода способна вызвать въ памяти цѣлую эпоху, картина можетъ вырости изъ одной черточки. Кто не знаетъ, напримѣръ, какъ много воскрешаютъ въ памяти такія слова какъ «тога», «шпора», «жабо», «пудренный парикъ»? Каждое изъ этихъ словъ представляетъ какъ будто сжатый томъ, экстрактъ, который наполняетъ закоулки нашей памяти массою подробностей, не высказанныхъ, но подразумѣваемыхъ. Это сбереженіе труда, основанное на силѣ ассоціаціи, есть одна изъ самыхъ цѣнныхъ способностей нашего ума. Итакъ, не пренебрегайте внѣшними подробностями, а возьмите и перелистуйте какую-нибудь книжку съ портретами русскихъ государей. Когда вы дойдете до XVIII вѣка, вы подумаете, что это другая книжка, изображающая иной міръ, а между тѣмъ это лишь двѣ части того же тома; онѣ раздѣлены одной только страницей, но подъ портретомъ на этой страницѣ неряшливымъ и спѣшнымъ

почеркомъ начертана латинская подпись: «Petrus». Онъ обыкновенно бываетъ изображенъ въ тѣхъ рыцарскихъ доспѣхахъ, въ которыхъ европейскіе государи того времени любили, чтобы ихъ изображали; они знали, что они были послѣдніе, которые еще могли явиться предъ глазами потомковъ въ такомъ видѣ и не казаться ряженными,—ужъ послѣ нихъ рыцарскія латы навсегда смѣняются мундиромъ. Гораздо рѣже изображается онъ въ своемъ каждодневномъ платьѣ, въ длиннополомъ коричневомъ сюртукѣ и шароварахъ,—въ томъ знаменитомъ одѣяніи, которое объѣхало всю Европу, побывало при всѣхъ дворахъ, на голландскихъ и англійскихъ верфяхъ и о которомъ Сенъ-Симонъ упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, описывая пріѣздъ Петра въ Парижъ, его встрѣчу съ маленькимъ Лудовикомъ XV, когда, вопреки всѣмъ обычаямъ, царь поднялъ ребенка на руки и поцѣловалъ короля Франціи.

Но возьмите теперь послѣднюю страницу передъ Петромъ; она, по всей вѣроятности, изображаетъ или брата его Іоанна, или же сестру, знаменитую царевну Софію.

Посмотрите на нихъ; какъ далеки они отъ нашего времени, эти юныя сосредоточенныя лица; а дальше,—вотъ отецъ ихъ, Алексѣй, вотъ ихъ дѣдъ, Михаилъ; всмотритесь въ нихъ,—это послѣдніе представители сей длинной портретной галлереи; посмотрите, какая византійская важность, какая, точно

церковная, пышность парчевыхъ облаченій, какъ внушительны эти длинныя бороды подъ знаменитой Шапкой Мономаха, отороченной мѣхомъ и увѣнчанной крестомъ. А мать Петра Великаго,—эта почтенная боярыня въ шубкѣ, въ мѣховой шапочкѣ, въ бѣломъ шелковомъ платкѣ вокругъ пріятнаго, умнаго лица....

И теперь вернитесь опять къ Петру и переверните еще страницу. — Еслибы, перелистывая иллюстрированный томъ французской исторіи, вы отъ Карла Великаго перескочили прямо къ пудреннымъ маркизамъ Лудовика XV, переходъ былъ бы не болѣе рѣзокъ. Кто эта полная барыня во французскомъ вырѣзномъ платьѣ, съ чернымъ локономъ, скользящимъ по голому плечу, съ алмазной коронкой на головѣ,—круглое румяное лицо, какъ полный мѣсяцъ, съ пріятной улыбкой на чувственныхъ губахъ? Это жена Петра Великаго, императрица Екатерина I (какая разница съ его матерью!). А слѣдующій за ней, этотъ юноша въ большомъ парикѣ—неинтересное болѣзненное лицо? Это Петръ II, внукъ Петра Великаго...

Однако мы не можемъ перебрать всѣхъ этихъ государей и государынь, смѣнявшихъ другъ друга съ такой быстротой послѣ смерти Петра (въ 1725 году); за исключеніемъ его дочери, императрицы Елизаветы, его непосредственные преемники слишкомъ незначительны, и всѣ они отодвигаются на задній планъ предъ образомъ Екатерины Великой. 28 Іюня

1762 года, вслѣдствіе дворцовой революціи, Екатерина, бывшая принцесса Ангальтъ-Цербтская, а тогда супруга Петра III, провозглашена императрицей; Петръ заключенъ въ пригородный дворецъ, но при томъ особливомъ расположеніи къ своевременности, какое исторія часто выказывала въ доброе старое время, низложенный императоръ умираетъ черезъ семь дней. Начинается блестящее царствованіе «Сѣверной Семирамиды». Окруженная толпой даровитыхъ сподвижниковъ въ политикѣ, дипломатіи, литературѣ, она ведетъ свою страну по пути, предначертанному великимъ преобразователемъ и осуществляетъ ея окончательное водвореніе въ семьѣ европейскихъ державъ. Пышность и блескъ этого царствованія дали пищу первымъ вдохновеннымъ страницамъ нашей литературы. Драпируясь въ живописныя складки античной тоги, псевдоклассическая поэзія звонко трубитъ славу Россіи, и на французскій ладъ воспѣваетъ доблести императрицы въ звучныхъ русскихъ стихахъ. Юный и могучій языкъ, который только началъ отрѣшаться отъ устарѣлыхъ славянскихъ формъ, съ невѣроятной быстротой идетъ къ своему окончательному освобожденію. Державинъ, маститый пѣвецъ Екатерины, переживаетъ императрицу и, перейдя чрезъ порогъ нашего столѣтія, на краю своей могилы привѣтствуетъ юнаго поэта, который скоро подниметъ русскій языкъ на послѣднюю степень совершенства. Пушкинъ, привѣтствуемый Держави-

нымъ,—генезисъ и эволюція всей русской литературы въ этихъ трехъ словахъ...

Послѣдніе три года XVIII столѣтія заняты царствованіемъ сына Екатерины, Павла I. Въ этомъ краткомъ царствованіи есть одна легендарная страница, и, хотя ее скорѣе можно бы отнести въ «приложенія», чѣмъ въ самый текстъ русской исторіи, тѣмъ не менѣе страница эта одна изъ самыхъ славныхъ въ русской военной лѣтописи. Въ 1799 г. фельдмаршалъ графъ Суворовъ, одинъ изъ сподвижниковъ предъидущаго царствованія, становится во главѣ арміи, которая предпринимаетъ освобожденіе австрійскихъ владѣній въ Италіи отъ французскаго владычества. Двѣ недѣли послѣ своего пріѣзда Суворовъ совершаетъ торжественный въѣздъ въ Миланъ; затѣмъ Туринъ взятъ, въ шесть недѣль времени вся Сѣверная Италія очищена; два французскихъ генерала, Моро и Макдональдъ, разбиты одинъ послѣ другаго; Мантуа захвачена, генералъ Жубэръ убитъ при Нови и 4500 французовъ взято въ плѣнъ. Италія освождена. Но французскія войска угрожаютъ Австріи изъ Швейцаріи. Съ величайшими трудностями, цѣною двухъ тысячъ человѣкъ, Суворовъ переходитъ черезъ С.-Готардъ; каждый шагъ завоевывается кровью, у знаменитаго Чертова моста борьба становится отчаянной, но и онъ взятъ и перейденъ: на другой сторонѣ измученное войско въ менѣе чѣмъ двадцать тысячъ человѣкъ наталкивается на непріятеля въ шестьдесятъ тысячъ,—но Массена по-

бѣжденъ, какъ и другіе, и русская армія наконецъ соединяется съ Австрійской—босоногая, но увѣнчанная лаврами. Много ли путешественниковъ, переѣзжая С.-Готардъ въ удобномъ вагонѣ, сознаютъ при видѣ полуразрушеннаго моста, висящаго надъ голубою бездной туманнаго ущелья, что они созерцаютъ памятникъ русской военной славы? Три будущихъ Наполеоновскихъ маршала разбиты, да при какихъ условіяхъ! А самъ Наполеонъ? Къ сожалѣнію, Буонапартэ былъ въ Египтѣ въ это время; старый фельдмаршалъ, зорко слѣдившій за успѣхами юнаго полководца, говорилъ: «далеко малый шагаетъ»; но исторія, конечно, отказала потомству въ одномъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ, не позаботившись свести Суворова съ Наполеономъ... Какъ я сказалъ, Суворовскій походъ, какъ не имѣющій внутренней связи съ народной жизнью, слѣдуетъ записать скорѣе на поляхъ, чѣмъ на страницахъ русской исторіи; если же мы остановились на немъ нѣсколько долѣе, чѣмъ позволяетъ быстрота нашего разсказа, то это потому, что подобнаго рода вмѣшательства въ дѣла другихъ, съ огромной тратой силъ и безъ явной пользы для себя, составляло особенность русской дипломатіи въ нынѣшнемъ столѣтіи; ей положенъ конецъ лишь въ царствованіе покойнаго Императора Александра III.

Мы вступаемъ въ XIX столѣтіе съ воцареніемъ старшаго сына Павла, Александра I. Его странный, необъяснимый образъ, чьи личныя качества

оказывали такое обворожительное дѣйствіе на современниковъ и оставляютъ потомство столь равнодушнымъ, связанъ съ памятнымъ 1812 годомъ,—съ годомъ «отечественной войны», какъ зовутъ въ нашей исторіи эпоху Наполеоновскаго нашествія. Эта година всегда будетъ въ памяти всякаго русскаго выраженіемъ личнаго самозабвенія въ общемъ сознаніи народнаго единства; взрывъ патріотическаго чувства, въ то время воспламенившаго всѣ слои общественные, былъ превзойденъ лишь разъ—двѣсти лѣтъ ранѣе, въ то «смутное время», о которомъ мы упомянули выше. Красивый образъ Александра I становится нераздѣльнымъ съ тѣми событіями, которыя развертывались въ Европѣ отъ 1805 до 1815 годовъ. Какой-то праздничный духъ, непрерывный парадъ, сопутствуетъ ему сквозь эту вереницу коалицій и конгрессовъ; но это не измѣняетъ той невозмутимой, почти безразличной ясности, которой дышитъ его взоръ. Въ европейской борьбѣ противъ Наполеона Александръ становится вершителемъ; восторгъ народовъ, освобожденныхъ изъ-подъ ига «Цезаря», окружаетъ его мистическимъ сіяніемъ; восторгъ не знаетъ границъ, когда во главѣ соединенныхъ армій, въ сопровожденіи императора Австрійскаго и короля Прусскаго, онъ вступаетъ въ Парижъ; восторгъ, наконецъ, достигаетъ высшей точки, когда послѣ конгрессовъ въ Вѣнѣ, Лайбахѣ, Веронѣ, послѣ посѣщенія Лондона, онъ возвращается домой и, когда на всемъ пути по этимъ

странамъ, умиротвореннымъ и возстановленнымъ въ прежнихъ границахъ, его осѣняютъ тріумфальныя арки съ надписью «Alexandro Benedicto».

А дома это было то время, когда Карамзинъ воздвигалъ свой великолѣпный памятникъ—«Исторію Государства Россійскаго», когда Жуковскій порывалъ съ традиціями псевдоклассицизма и настраивалъ свою лиру согласно своимъ романтическимъ наклонностямъ, когда Пушкинъ спускался въ глубь народной души и извлекалъ на свѣтъ первые образчики самостоятельнаго русскаго творчества. Великое умственное броженіе началось и идетъ такъ быстро, что въ какія-нибудь сорокъ лѣтъ русская литература осуществляетъ и свой восходъ и самый яркій полдень. Голоса въ пользу освобожденія крестьянъ начинаютъ раздаваться все громче; къ сожалѣнію при воцареніи Николая I они прорываются въ формѣ насильственной революціи и подавляются вооруженной силой. Тѣмъ временемъ пробужденіе умовъ порождаетъ разнообразное теченіе мнѣній; нѣмецкая философія смѣняетъ французскія идеи XVIII вѣка, гегеліанство переступаетъ черезъ нашу границу и со своимъ «нимбомъ непогрѣшимости» воспламеняетъ сердца молодого поколѣнія, ростущаго въ идеалистической атмосферѣ романтизма. Возникаютъ литературныя общества и въ своихъ многочисленныхъ журналахъ наполняютъ воздухъ шумными спорами. Двѣ основныя теоріи здѣсь впервые обозначаются яркими красками: «славянофилы», сторон-

ники національной культуры, обвинители Европы, и «западники», — сторонники единой, европейской культуры, защитники универсализма. Эти два направленія съ тѣхъ поръ расходятся въ своихъ рѣшеніяхъ любого важнаго вопроса народной жизни: призваніе Россіи, значеніе преобразованія Петра, всѣ событія нашей исторіи, даже до вопроса о норманскомъ происхожденіи Рюрика, становятся какъ-бы лезвіями, которыя разсѣкаютъ на двое русскую критическую мысль. При бурномъ скрещиваніи мнѣній новые литературные пути сказываются все найстойчивѣе и опредѣленнѣе: Гоголь, сбросивъ покровъ искусственной условности, обнажаетъ жалкую наготу человѣческой природы и полагаетъ начало русской «натуральной» школѣ; Лермонтовъ даетъ волю горькому разочарованію своего романтическаго пессимизма и, прибавивъ его къ нѣсколько эпикурейской лирикѣ Пушкина, пополняетъ струны русской лирической поэзіи; Кольцовъ идетъ къ самому корню народной рѣчи и въ своихъ стихотвореніяхъ полагаетъ начало литературѣ въ народномъ духѣ.

Тревога, вызванная въ оффиціальныхъ кругахъ революціоннымъ движеніемъ 1848 года въ западной Европѣ, послѣ того — невзгоды Крымской войны, на время пріостанавливаютъ свободное развитіе этого литературнаго движенія, но имена Тургенева и Толстого уже встаютъ. Императоръ Александръ II восходитъ на престолъ въ 1855 году, а 19-го Фев-

раля 1861 г. обнародовано освобожденіе крестьянъ. Блестящая семья писателей и поэтовъ этого времени всѣ дышали тѣмъ животворящимъ воздухомъ, который окружалъ престолъ, пока знаменитая комиссія подъ предсѣдательствомъ графа Ростовцева помогала Монарху въ исполненіи его предначертаній.

Одинъ актъ въ исторіи девятнадцатаго столѣтія сравнимъ съ этимъ актомъ императора Александра II: и другая страна также освободила милліоны людей отъ рабства, но то, что въ республикѣ было достигнуто путемъ четырехъ-лѣтняго кровопролитія и цѣною междоусобной войны, то было выполнено въ Россіи нѣсколькими просвѣщенными людьми, работавшими въ направленіи, указанномъ ихъ просвѣщеннымъ государемъ. И не простая случайность, не капризъ судьбы, но верховная воля Провидѣнія пожелала, чтобы имя Царя-Освободителя въ американскихъ сердцахъ было неразрывно связано съ памятью вашей войны (national war) [1]); духъ, способствующій выполненію великихъ дѣлъ, которыми человѣчество подвигается на пути своего призванія,

---

[1]) Во время войны за освобожденіе негровъ нѣсколько русскихъ военныхъ судовъ появилось въ атлантическихъ водахъ и крейсировало вдоль американскаго берега. Былъ ли это оффиціальный маневръ, до сихъ поръ не совсѣмъ ясно американскимъ историкамъ и дипломатамъ, но народъ увидѣлъ въ этомъ демонстрацію противъ вмѣшательства Англіи и навсегда сочеталъ въ своей памяти имя Александра II съ однимъ изъ славнѣйшихъ событій своей исторіи.

одинъ вездѣ, во всякой странѣ, во всякомъ народѣ, какъ и во всякомъ человѣкѣ; и нѣтъ такихъ далекихъ географическихъ предѣловъ, нѣтъ такихъ высокихъ политическихъ преградъ, нѣтъ такихъ глубокихъ національныхъ различій, чтобы когда-нибудь раздробилось единство общечеловѣческой души или чтобы сознаніе этого единства могло быть кѣмъ-нибудь искоренено въ человѣческомъ умѣ. Вамъ извѣстна трагическая кончина Александра II въ 1881 г.; съ этого года начинается царствованіе императора Александра III, кончину котораго мы оплакивали полтора года тому назадъ.

Мы подошли къ современной исторіи. Въ слѣдующій разъ мы вернемся въ туманную даль лѣтописныхъ сказаній и народныхъ былинъ.

Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть.

Заглавіе Несторовой лѣтописи (XII в.).

Лекція II (862—1224).

Два голоса изъ древности (Геродотъ и Тацитъ). Востокъ и Западъ въ судьбѣ европейскихъ народовъ.—Начало Россіи. Норманская теорія. Кіевъ и Византія. Владиміръ Св. и крещеніе Руси.—Роль монастырей. Духовная литература. Несторъ и лѣтописи. Народная литература. Духовные стихи, эпическая поэзія. «Слово о полку Игоревѣ». — Вѣче. Князь. Ярославъ Мудрый и «Русская Правда». Владиміръ Мономахъ и его «Поученіе».— Сношенія съ Европой въ до-монгольскій періодъ.

Государи въ средніе вѣка любили выводить свою родословную изъ древности и ставить свои имена въ непосредственную связь съ именами Августа и Цезаря. Новѣйшіе историки любятъ происходить отъ Геродота и всѣми средствами стараются выцарапать что только возможно со страницъ маститаго «Отца Исторіи». (Увѣрены-ли вы, что мы не встрѣтимъ его имени въ первой главѣ какого-нибудь труда по исторіи Аргентинской республики?...). Что касается русскихъ изслѣдователей, то, восходя къ

Повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская земля стала есть.

Заглавіе Несторовой лѣтописи (XII в.).

Лекція II (862—1224).

Два голоса изъ древности (Геродотъ и Тацитъ). Востокъ и Западъ въ судьбѣ европейскихъ народовъ.—Начало Россіи. Норманская теорія. Кіевъ и Византія. Владиміръ Св. и крещеніе Руси.—Роль монастырей. Духовная литература. Несторъ и лѣтописи. Народная литература. Духовные стихи, эпическая поэзія. «Слово о полку Игоревѣ».—Вѣче. Князь. Ярославъ Мудрый и «Русская Правда». Владиміръ Мономахъ и его «Поученіе».—Сношенія съ Европой въ до-монгольскій періодъ.

Государи въ средніе вѣка любили выводить свою родословную изъ древности и ставить свои имена въ непосредственную связь съ именами Августа и Цезаря. Новѣйшіе историки любятъ происходить отъ Геродота и всѣми средствами стараются выцарапать что только возможно со страницъ маститаго «Отца Исторіи». (Увѣрены-ли вы, что мы не встрѣтимъ его имени въ первой главѣ какого-нибудь труда по исторіи Аргентинской республики?...). Что касается русскихъ изслѣдователей, то, восходя къ

этому источнику, они не находятъ подходящихъ этнографическихъ данныхъ; но, если ихъ предки Геродотомъ не упоминаются, зато по крайней мѣрѣ упоминается ихъ страна. Когда маститый историкъ, переплывъ Геллеспонтъ, причалилъ у тѣхъ греческихъ колоній, которыя процвѣтали на берегахъ нынѣшняго Крыма и вдоль Азовскаго моря, онъ увидѣлъ богатые города, великолѣпные храмы, посвященные богамъ родной Эллады; а за этими городами онъ увидѣлъ страну съ безбрежными степями, съ широкими рѣками, — и на этихъ степяхъ кочевыя полчища Скиѳовъ бродили и пасли свои стада... Изъ всего этого уцѣлѣли однѣ только безбрежныя степи и широкія рѣки. Драгоцѣнное наслѣдіе греческихъ колоній лежитъ за стеклянными витринами Керченскаго музея въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Петербургѣ [1]), а Скиѳы уничтожены и смѣтены сперва Сарматами, а потомъ тѣми безчисленными племенами кочевниковъ, которыя Азія, подобно губительнымъ вѣтрамъ, высылала на Европу изъ глубины своихъ пустынь. Такъ обрывается нить, связующая насъ съ Геродотомъ.

---

[1]) О раскопкахъ въ южной Россіи: «Antiquités du Bosphore Cimmérien conservées au Musée Impérial de l'Hermitage» 3 vols. S.-Pétersbourg. 1854. «Comptes rendus de la Commission Impériale Archéologique pour les années 1859—1883», avec Atlas in F°. St.-Pétersbourg. 1860—1883. «Recueil d'Antiquités de la Scythie, publié par la Commission Imp. Arch.». St.-Pétersbourg. 1866 — 1870. N. Kondakov et C-te I. Tolstoy «Antiquités de la Russie méridionale». Paris. 1891.

Азіатскія кочевыя племена продолжаютъ свои набѣги на юго-восточныя равнины Европы отъ Геродотовскихъ временъ вплоть до XIII вѣка. Главнѣйшія изъ этихъ нашествій: Гунны въ V вѣкѣ, Авары, отбитые Карломъ Великимъ въ VIII вѣкѣ, и Монголы, съ вторженіемъ которыхъ начинается Татарское иго Россіи въ 1224 году. Но задолго до этого времени, еще въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія, азіатскія племена встрѣчаютъ на своемъ пути новый народъ, жившій при самомъ входѣ въ западную Европу, у подножія Карпатовъ, вдоль нижняго теченія Дуная. Это были Славяне. Тацитъ зналъ ихъ предковъ на юго-западномъ берегу Балтійскаго моря. Описывая ихъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ, — причислить-ли ихъ къ азіатскимъ или къ европейскимъ племенамъ, и тутъ же отвѣчаетъ: къ послѣднимъ, ибо они строятъ дома, носятъ щиты, сражаются пѣшіе, а это все противно обычаямъ Сарматовъ, которые живутъ въ повозкахъ и сражаются конные [1]). Такимъ образомъ великій римскій историкъ предвосхищаетъ свидѣтельства антропологіи,

---

1) C. C. Tacitus. «De moribus Germanorum» cap. XLVI. «Venedi multum ex moribus taxerunt... inter Germanos potius referuntur, quia et dominos fingunt etc...». Въ отождествленіи Венедовъ со Славянами ссылаемся на Соловьева («Исторія Россіи», т. I. гл. III), который самъ опирается на: Plinii «Hist. Nat.». l. IV. cap. 13, Tacit. «Germ.» VI, c. 7, Ptolem. «Georg.» I. Ш. c. 5. I. V. c. q., Marciani «Peripl. in Geogr. veter. Script. graec. minor». ed. Hudson. I. 54—57. Jornandes «De Gethar. orrigine et rebus gestis». c. 5.

сравнительнаго языкознанія и другихъ новѣйшихъ наукъ, благодаря проницательности взгляда и непредубѣжденности своихъ сужденій. Какъ далекъ отъ этого ранняго приговора исторіи отзывъ того нѣмца, который въ началѣ нашего столѣтія дѣлилъ человѣчество на *людей* и *русскихъ*. Но Клингеръ былъ поэтъ, не историкъ и не филологъ. Историки знаютъ теперь, что Славяне вмѣстѣ съ Греками, Латинянами, Германцами, принадлежатъ къ великой индо-арійской семьѣ, которая въ незапамятныя времена двинулась изъ Индіи чрезъ Среднюю Азію и Кавказъ— на западъ [1]); филологи же знаютъ, что среди европейскихъ языковъ славянскія нарѣчія одни изъ самыхъ близкихъ къ старому индо-иранскому корню [2]).

Какъ видите, Тацитъ не упоминаетъ о движеніи славянъ *изъ* Азіи; онъ ихъ застаетъ уже утвердившимися въ Европѣ, когда они, напротивъ того, составляютъ одинъ изъ элементовъ, которыми Европа борется противъ азіатскаго вторженія [3]). О времени

---

[1]) О славянахъ: Zeuss «Die Deutschen und die Nachbarstaemme» M. 1837. Sourovetsky (нѣм. перев. Шафарика) «Ueber die Abkunft der Slaven». Ofen. 1828.

[2]) О славянскомъ языкѣ: Miklosich «Lautlehre der altslavonischen Sprache». «Formlehre der altslavonischen Sprache». Wien. 1850. «Slavische Bibliothek». 2 B. Wien. 1851—1858.

[3]) «Древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясные слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ». (Соловьевъ «Исторія Россіи», т. I, гл. III). См.: Schaffarik «Slavische Alterthuemer» 2 B. Leipzig. 1843—44.

ихъ выхода изъ общей индо-арійской колыбели на западъ ничего не извѣстно, и первое самостоятельное ихъ движеніе, отмѣченное исторіей, есть на-оборотъ — переселеніе ихъ со склоновъ Карпатскихъ въ долины Днѣстра и Днѣпра, слѣдовательно,—движеніе на востокъ [1]). Это знаменательно въ глазахъ всякаго, кто задумывался надъ судьбой народовъ въ связи съ переселенческимъ движеніемъ человѣческихъ рассъ.

Движеніе человѣчества всегда шло съ востока на западъ; и не только люди, — животныя и растенія, по свидѣтельству естественныхъ наукъ, шли по тому-же направленію, «по направленію солнца», говоря обыкновеннымъ языкомъ. Многіе видятъ залогъ успѣшности колонизаціи въ томъ, чтобы сознательно сообразоваться съ этимъ всеобщимъ движеніемъ природы съ востока на западъ [2]). Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о колоніяхъ, который можно и оспаривать, да который насъ въ данномъ случаѣ и не занимаетъ, мы должны признать, что при передвиженіяхъ европейскихъ народовъ въ предѣлахъ европейскаго материка западное направленіе становилось источникомъ усиленія, обогащенія; какъ и всякое дѣйствіе, согласное съ законами природы, оно вызывало ростъ народныхъ силъ, тогда какъ

---

[1]) Соловьевъ, op. cit.

[2]) Basile Conta. «Théorie de l'ondulation universelle». Paris. 1895. (Греческія колоніи въ Малой Азіи представляютъ, можетъ быть, единственное противорѣчіе общему закону).

движеніе на востокъ всегда требовало огромныхъ матеріальныхъ жертвъ. Также точно и съ точки зрѣнія нравственной: западное направленіе для европейскихъ народовъ всегда оказывалось источникомъ духовнаго и умственнаго роста, въ то время какъ востокъ требовалъ дѣлежа духовныхъ силъ; мы бы могли охарактеризовать оба направленія, сказавъ, что движеніе европейскаго народа на востокъ есть движеніе воспитательное, движеніе же на западъ—самовоспитательное. Мы не можемъ останавливаться слишкомъ долго на этомъ вопросѣ, бросающемъ такой интересный свѣтъ на судьбу Россіи; я лишь хотѣлъ привлечь на него вниманіе тѣхъ изъ моихъ слушателей, которые интересуются философіей исторіи: кто посмотритъ на исторію Россіи съ точки зрѣнія западнаго и восточного теченій человѣческихъ рассъ, тотъ увидитъ, что онъ прикоснулся къ самому коренному вопросу этого народа, который въ началѣ VII вѣка двинулся съ нижняго теченія Дуная, а въ концѣ XIX является посредникомъ между Китаемъ и Японіей.

Въ своемъ движеніи на востокъ древніе славяне шли постепенно и втеченіе двухъ вѣковъ основали послѣдовательно нѣсколько государствъ, одно восточнѣе другого; такъ образовались: Само, Харватское, Сербское, Великое Моравское и, наконецъ, Русское государство. Вы помните, что 862 годомъ обозначается начало нашей исторіи; событіе, связанное съ этимъ годомъ, извѣстно подъ именемъ «призванія

князей». Вотъ что лѣтописецъ передаетъ о началѣ нашего государства. Племена, жившія вдоль Днѣпра и его притоковъ, утомленныя междоусобіями и набѣгами кочевыхъ сосѣдей, рѣшаются послать ходоковъ за море, въ Норвегію, чтобы выбрать себѣ государя у Варяговъ. «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ,—придите княжить нами». Такъ сказали посланные, когда предстали предъ лицо Рюрика, князя норманскаго племени Русь. И князь Рюрикъ пришелъ, основался въ Новгородѣ и положилъ начало русскому государству [1]).

Это событіе одно изъ тѣхъ больныхъ мѣстъ нашей исторіи, которыя вызываютъ нескончаемые споры. «Національная партія» чувствуетъ себя оскорбленной въ своемъ патріотизмѣ этой «Норманскою теоріей», которая дѣлаетъ иностранцевъ основателями русскаго государства. Ломоносовъ въ прошломъ столѣтіи первый поднялъ тревогу, и съ тѣхъ поръ споры не прекращались. Мы не станемъ разбирать докучныя препирательства о томъ, есть ли слово «варягъ» названіе племени или военный терминъ, происходитъ ли Рюрикъ изъ Норвегіи или изъ нынѣшней Пруссіи, норманъ ли онъ или сла-

---

[1]) О началѣ русскаго государства: W. Thomsen «Ursprung des russischen Staates» 1879. A. A. Kunik «Die Berufung der Schvedo-Russen durch die Finnen und Slowenen» St.-Petersbourg 1844—45. Ewers «Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen». Krug «Forschungen» 2 B. St.-Petersb. 1848.

вянинъ; но мы лишь спросимъ, развѣ ужъ такъ унизительно начинать свою исторію съ иноземнаго владычества? Какой европейскій народъ начинаетъ иначе? Англо-Саксы, Франки и Кельты, Германцы и Римляне: всѣ народы Европы—результатъ нашествій, столкновеній, сліяній; подумаешь, что природа не допускаетъ національнаго самозарожденія. Древніе Римляне были не безъ гордости, и тѣмъ не менѣе ихъ національное чувство не воспрепятствовало народному воображенію связать начало ихъ государственности съ утвержденіемъ въ Альбалонгѣ Энея, несчастнаго изгнанника изъ разрушенной Трои: они знали, что даже самая фантастическая легенда все же зиждется на законахъ природы.

Варяги не были новыми пришельцами въ странѣ. Когда преемники Рюрика покинули Новгородъ и перенесли столицу въ Кіевъ, они нашли тамъ немало соплеменниковъ, ибо съ давнихъ поръ Днѣпръ сталъ торговой дорогой изъ Скандинавіи къ Черному морю и къ богатой столицѣ Византіи; этотъ дивный городъ, разцвѣтшій подъ небомъ Юга, расположенный при сліяніи кипучаго Запада съ лѣнивымъ, созерцательнымъ Востокомъ, оказывалъ такое притягательное дѣйствіе на этихъ сыновъ Сѣвера, что ранній періодъ нашей исторіи весь полонъ набѣгами на Царьградъ. Этимъ полу-военнымъ, полу-торговымъ сношеніямъ съ Византіей суждено было привести къ важнымъ послѣдствіямъ. Паскаль сказалъ: «Les fleuves

sont des chemins qui marchent» [1]);—вверхъ по Днѣпровскому водному пути проникло въ Россію христіанство.

Оно явилось къ намъ не вдругъ. Уже въ первые годы X вѣка оно начало проникать единичными случаями; въ половинѣ столѣтія въ Кіевѣ была уже церковь, посвященная пророку Ильѣ. Въ 957 году княгиня Ольга, мать княжившаго въ то время Святослава (Рюрикова внука), отправилась въ Царьградъ, чтобы принять святое крещеніе; самъ императоръ былъ ея воспреемникомъ. Сынъ ея не согласился оставить вѣру своихъ отцовъ, но ея внукъ, князь Владиміръ, послалъ пословъ въ иноземныя государства, чтобы изслѣдовать другія вѣры. Когда послы вернулись къ своему князю, то сказали: «Кто разъ отвѣдалъ сладкаго, уже не можетъ принимать горькаго; такъ мы не можемъ забыть священнаго служенія грековъ, видѣннаго въ Константинополѣ». Служба, произведшая такое глубокое впечатлѣніе на пословъ Владиміра, была торжественная литургія, отслуженная патріархомъ Константинопольскимъ подъ сводами святой Софіи въ присутствіи обоихъ императоровъ.

Владиміръ рѣшилъ принять христіанство и просить византійскихъ императоровъ, Константина и Василія, помочь ему въ дѣлѣ крещенія своего народа. Но ему не хотѣлось выступать въ роли простого просителя; и вотъ онъ предпринимаетъ походъ противъ Корсуня (древній Херсонесъ), греческой ко-

---

[1]) «Рѣки—движущіяся дороги».

лоніи на берегу Крыма: онъ намѣревался, въ случаѣ удачнаго исхода, сдѣлать изъ новой религіи своего рода военную контрибуцію. Предпріятіе удалось вполнѣ; Корсунь взятъ, а послы отправляются въ Царьградъ съ порученіемъ просить у императоровъ отъ имени князя Владиміра руки сестры ихъ Анны. Императоры ставятъ необходимымъ условіемъ со своей стороны принятіе Владиміромъ христіанства, и, когда великій князь изъявляетъ согласіе, пріѣзжаетъ изъ Константинополя греческій епископъ. Прекрасная церковь не вдалекѣ отъ Севастополя осѣняетъ въ наши дни каменную купель, въ которой креститель Россіи принялъ святое крещеніе. Когда Владиміръ возвратился въ Кіевъ, все населеніе было собрано на берегу Днѣпра; люди вошли въ рѣку, раздѣлились на группы, каждой группѣ было нарѣчено особое имя, и всѣ были крещены въ христіанскую вѣру. Это было въ 987 году. Когда въ слѣдующемъ столѣтіи разногласія между Константинополемъ и Римомъ привели къ великому раздѣленію церквей, Россія, какъ крестница Византіи, послѣдовала за ней, и съ той поры не признаетъ главенства папы.

Владиміръ сдѣлался убѣжденнымъ и дѣятельнымъ христіаниномъ. Благодаря ему церкви, соборы, монастыри встаютъ на живописномъ берегу Днѣпра, и Кіевъ становится, и остается до сего дня, мѣстомъ поклоненія, куда тянутся паломники со всей земли Русской. Послѣ смерти великій князь Владиміръ, причисленный къ лику святыхъ, становится однимъ

изъ самыхъ чтимыхъ угодниковъ, но онъ становится также центромъ народной поэзіи. Построимъ на этомъ двойномъ характерѣ владиміровой памяти нашъ дальнѣйшій разсказъ: разсмотримъ сперва, какого рода дѣятельность возникла подъ вліяніемъ вновь принятой религіи, а затѣмъ перейдемъ къ проявленію народныхъ творческихъ силъ въ эпической поэзіи.

Первымъ распространителемъ христіанскаго ученія было греческое духовенство; проводникомъ его въ народное сознаніе былъ славянскій переводъ Священнаго Писанія, исполненный за сто лѣтъ передъ тѣмъ для Моравовъ двумя греками,—братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ [1]); очагами, откуда христіанство распространялось, были монастыри. Мы съ трудомъ можемъ представить себѣ значеніе монастыря въ тѣ времена, въ странѣ, гдѣ не было школъ, гдѣ не было признаковъ просвѣщенія, въ странѣ, народное самосознаніе которой только еще просыпалось, большая часть которой лежала въ глубокой тьмѣ язычества, а населеніе которой было въ полномъ разгарѣ поэтическаго творчества, слѣдовательно, создавало тѣ самыя пѣсни, которымъ предстояло сдѣлаться свѣтскими сотрудниками духовенства въ дѣлѣ воспитанія послѣдующихъ поколѣній. Монастырь—вершина всего въ тѣ времена; онъ—источникъ нравственности, источникъ мудрости, даже источ-

---

[1]) Louis Léger «Cyrill et Méthode». Paris 1868.

никъ свѣтской власти, ибо, за исключеніемъ чисто военныхъ вопросовъ, совѣты святыхъ мужей, жившихъ въ молитвѣ и постѣ, выслушивались и принимались князьями. Князья сами тяготѣютъ къ монастырю. Духовная и свѣтская власть взаимно притягиваютъ одна другую. Будучи въ числѣ первыхъ, кто воспользовался преимуществами просвѣщенія, князья, какъ бы по праву умственной аристократіи, становятся непосредственными продолжателями духовенства за стѣной монастыря; князь самъ часто походитъ на монашествующаго воина или на воинствующаго монаха. Таковы ужь условія жизни въ раннія времена народнаго дѣтства: человѣкъ не можетъ обезпечить своихъ физическихъ потребностей иначе, какъ сражаясь, онъ не можетъ прочитать книги иначе, какъ поступивъ въ монастырь; постепенное ослабленіе этихъ двухъ крайностей мы называемъ цивилизаціей и измѣряемъ степень ея легкостію, съ какой физическія и нравственныя потребности удовлетворяются, не мѣшая другъ другу.

Литература, возникшая въ монастыряхъ, состояла и изъ переводовъ съ греческаго, и изъ самостоятельныхъ сочиненій, при чемъ первые служили образцами для вторыхъ. Она была церковнаго характера: житія святыхъ, проповѣди, описанія паломничествъ. Всѣ эти произведенія представляютъ довольно странное сочетаніе нѣкотораго намѣреннаго дидактизма (неизбѣжнаго во всякой литературѣ подражательнаго характера) съ безъ-

искусственной искренностью и свѣжестью, которыя прорываются сквозь строгія формы, занесенныя иноземными учителями [1]).

Среди тяжеловѣсныхъ образчиковъ церковнаго краснорѣчія того времени слово епископа Иларіона (1051) «О законѣ и благодати» стоитъ совершенно особнякомъ и представляетъ своего рода литературный феноменъ. По словамъ критика, достоинства этого произведенія таковы, что, еслибы его перевести на нынѣшній русскій языкъ, его бы можно было принять за одну изъ торжественныхъ рѣчей Карамзина [2]).

Большой прелестью вѣетъ отъ описанія паломничества въ Іерусалимъ игумена Даніила. Благочестивый монахъ записываетъ все, что видѣлъ на пути, для того чтобы доставить духовное удовлетвореніе тѣмъ, кто пожелалъ бы умственно совершить паломничество въ Іерусалимъ, «ибо многіе, говоритъ онъ, сидя дома, своими милостынями и добрыми дѣлами достигаютъ св. мѣстъ». Любопытны историческія подробности его пребыванія въ Палестинѣ: благосклонность короля Балдуина Іерусалимскаго, пригласившаго русскаго паломника сопровождать его въ походъ противъ Дамаска; трогательна постоянная память о своихъ, оставшихся дома, трогателенъ разсказъ о томъ, какъ онъ пошелъ на базаръ, какъ купилъ большое стеклянное

---

[1]) P. Schaffarik «Uebersicht der aeltesten Kirchenslavischen Literatur». Leipzig 1848.

[2]) Голубинскій «Ист. Русской Церкви» 2 т. Москва 1880.

вянъ. Двѣсти шестьдесятъ лѣтъ нашей исторіи описаны имъ, отъ 850 до 1110 года; о послѣднихъ сорока годахъ онъ говоритъ какъ очевидецъ [1]). Несторову примѣру слѣдовали многіе, другіе же просто списывали и располагали въ хронологическомъ порядкѣ отрывки чужихъ лѣтописей, желая, по выраженію одного изъ нихъ, «собрать всѣ эти цвѣты въ одну словесную корзину». Такимъ образомъ непрерывная нить погодной записи тянется сквозь всю нашу исторію, пропадая въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія [2]). При постоянномъ переписываніи, конечно, не могло не образоваться нѣкотораго наслоенія поверхъ первоначальнаго текста; позднѣйшія изслѣдованія подорвали достовѣрность многихъ сказаній о древнѣйшемъ періодѣ, но они всетаки продолжаютъ жить на днѣ нашихъ историческихъ вѣрованій: наука можетъ намъ доказывать какъ дважды два четыре, что прежде чѣмъ дойти до человѣческаго образа мы были молюсками, — это никогда не помѣшаетъ намъ восхищаться фресками Рафаэля, изображающими шесть дней творенія [3])...

---

[1]) Французскій переводъ Louis Léger. Paris, Leroux 1884.

[2]) Русскія лѣтописи на цѣлый вѣкъ старше первой французской хроники—Виллъ Ардуина († 1213) и первой итальянской хроники—Маттео Спинелла (1247—1268). Одна изъ древнѣйшихъ нѣмецкихъ хроникъ относится къ XIV вѣку (Іоганнъ Ридезель † 1341). Лѣтописи, современныя Нестору, писались на двухъ только языкахъ: по-гречески въ Византіи, въ остальной Европѣ—по-латыни.

[3]) Однимъ изъ лучшихъ изслѣдованій о русскихъ лѣтопи-

Трудно тому, кто не знакомъ съ текстомъ, составить себѣ понятіе о впечатлѣніи, производимомъ нашими лѣтописями; простота и величавость языка, [1]) при полнѣйшемъ отсутствіи литературнаго усилія и всякаго личнаго элемента, [2]) полны такой силы, что нѣсколько выдержекъ лѣтописнаго разсказа, вставленныхъ въ русскій текстъ, сообщаютъ своеобразную важность самому простому учебнику русской исторіи. [3])

Таковы были главнѣйшія проявленія духовной жизни, развившейся на почвѣ привнесеннаго византійскаго христіанства. Прослѣдимъ ихъ теперь за порогомъ монастыря и посмотримъ, что произошло отъ ихъ встрѣчи съ дѣйствовавшими въ народѣ родниками поэтическаго творчества.

Мы сказали выше, что христіанство застало народное воображеніе въ полномъ разгарѣ силъ; это произвело довольно странное столкновеніе, или скорѣе—сліяніе, цѣною поперемѣнныхъ уступокъ, но-

---

сяхъ остается трудъ Шлецера: «Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavischen Grundsprache verglichen, uebersetzt und erclaert» 5 B. Goettingen 1805—9.

[1]) Fr. Miklosich «Ueber die Sprache der aeltesten Russischen Chronisten, vorzueglich Nestor's». Wien 1855.

[2]) Отсутствіе авторской личности, спокойствіе и безпристрастіе отличаютъ русскую лѣтопись отъ западныхъ хроникъ Виллъ Ардуина, Жуанвиля, Фруассара, Дж. Виллани и др.

[3]) По мнѣнію одного изъ нашихъ критиковъ, нашъ лѣтописный слогъ могъ выработаться лишь подъ вліяніемъ постояннаго чтенія Библіи. (Шевыревъ. «Ист. Русской Словесности» 4 т. Москва. 1860).

вой религіи и прежняго обоготворенія силъ природы. Жизнь народа была полна обрядовъ, которыми онъ сопровождалъ всѣ выдающіяся событія отъ рожденія до смерти; все это не могло быть вдругъ искоренено; не будучи въ состояніи разстаться со своими обычаями, наши предки цѣликомъ перенесли ихъ въ свою новую вѣру. Многіе обряды, какъ пляски, пѣніе извѣстныхъ пѣсенъ, прыганіе чрезъ костры, собираніе извѣстныхъ травъ, были пріурочены къ христіанскимъ праздникамъ, при чемъ простое созвучіе въ именахъ христіанскаго святого и языческаго бога часто было достаточнымъ основаніемъ для такой замѣны [1]).

Всѣ праздненства въ честь лѣта отнесены къ Иванову дню (24-го Іюня), пророкъ Илья занялъ мѣсто бывшаго бога грома, и до сего дня народное суевѣріе отождествляетъ громъ съ катаніемъ его огненной колесницы. Понемногу эти объясненія изгладились изъ народной памяти: то, что было обрядомъ много вѣковъ тому назадъ, продолжаетъ жить, какъ простая забава, утратившая миѳологическій смыслъ, и только связанная съ извѣстнымъ днемъ или временемъ года. Но духовенству долго пришлось бороться противъ того, что оно называло выразительнымъ и жуткимъ именемъ «двоевѣрія».

---

[1]) О славянской миѳологіи: Louis Léger «Esquisse sommaire de la mythologie slave» въ «Nouvelles études slaves» 2-e série. Paris 1886. D-r Gr. Krek. «Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte» Gratz 1887 (введеніе).

Удивительно, что, не смотря на эту живучесть обрядовой стороны язычества, творческая способность народнаго духа была направлена въ сторону христіанства: можно сказать, что прежняя вѣра владѣла памятью народа, христіанство же завладѣло его воображеніемъ. И эта сторона вопроса слишкомъ мало принимается во вниманіе тѣми, кто подчеркиваетъ недостаточность христіанскаго просвѣщенія въ тѣ времена и обвиняетъ тогдашнее духовенство въ бездѣйствіи. Цѣлая область, созданная народнымъ творчествомъ, нѣчто вродѣ «религіознаго эпоса», встаетъ предъ нами, чтобы свидѣтельствовать, что, какова бы ни была бѣдность миссіонерскихъ средствъ того времени, какъ бы смутны ни были первыя представленія о христіанской нравственности, — христіанство въ лицѣ своихъ основателей и въ событіяхъ своей исторіи стало постояннымъ спутникомъ народной мысли; какъ ни фантастичны иногда сюжеты этихъ пѣсенъ, какъ ни поверхностно въ нихъ пониманіе христіанскаго духа, — онѣ распространяли имена и факты, онѣ дѣлали ихъ знакомыми, близкими, онѣ уготовляли принятіе духа закона; это было точно самовоспитаніе большого ребенка, — народное воображеніе сдѣлалось миссіонеромъ народнаго вѣрованія.

Изъ этихъ многочисленныхъ «духовныхъ стиховъ» упомянемъ хотя бы трогательный «Плачъ Адама», начинающійся съ отчаяннаго возгласа

человѣка, полнаго сознаніемъ непоправимости своей потери:

Раю мой, раю,
Прекрасный мой раю!
Мене бо ради,
Раю, сотворенъ бысть,
А Еввы ради,
Раю, заключенъ бысть!

Іосифъ, Саломонъ, главнѣйшія событія новозавѣтной исторіи,—Благовѣщеніе, Іоаннъ Предтеча, Крещеніе Господне, Рождество,—всѣ были обработаны въ поэтической формѣ. Любопытную космогоническую картину развертываетъ такъ называемая «Голубиная книга». Съ неба сваливается огромная книга, и разные цари земные, отъ Давида до Владиміра, собираются вокругъ нея и изъ ея страницъ узнаютъ все, что происходитъ въ мірѣ, «даже въ глубинахъ». Странная географія получается изъ этой исторіи, полной анахронизма, гдѣ Іерусалимъ является какъ «пупъ земли», рѣка Іорданъ вытекаетъ изъ озера Ильменя, того самаго, на берегу котораго основался Рюрикъ. [1])

Рядомъ съ этой поэзіей, представляющей, очевидный результатъ церковнаго, книжнаго вліянія, мы видимъ могучій разцвѣтъ самостоятельной народной поэзіи. Главнымъ мотивомъ такъ называе-

---

[1]) О русскихъ духовныхъ стихахъ и апокрифической литературѣ: M. Gastner «Ilchester lectures on Greco-Slavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle-ages». London 1887.

маго Кіевскаго героическаго цикла служила борьба противъ азіатскихъ кочевыхъ племенъ, или, какъ выражается одинъ изъ нашихъ изслѣдователей, «борьба со степью». Мы здѣсь соприкасаемся съ однимъ изъ проявленій вѣковой борьбы Европы и Азіи, борьбы, начавшейся подъ стѣнами Трои и остающейся неразрѣшенной до сихъ поръ. Илья Муромецъ самый типичный и излюбленный изъ кіевскихъ богатырей: герой-крестьянинъ, не воинъ; съ врожденнымъ отвращеніемъ ко всякой несправедливости, никогда не кичась своими подвигами, онъ разъѣзжаетъ себѣ на своемъ конѣ и съ той сверхъестественной силой, которою однажды двое каликъ перехожихъ надѣлили его при помощи чудодѣйственнаго напитка, онъ борется противъ зла, защищаетъ слабыхъ, заступается за страждующихъ; добродушный, веселый, добрый товарищъ, онъ становится любимцемъ среди знатныхъ воиновъ, составляющихъ дружину великаго князя Владиміра. Если Илья—душа кіевскаго эпоса, то Владиміръ—центръ его. Гостепріимный дворъ великаго князя, гдѣ разъ въ недѣлю столъ бывалъ накрытъ для бояръ, а для бѣдныхъ двери кухни всегда были открыты, служилъ мѣстомъ встрѣчи всѣмъ богатырямъ: къ услугамъ своего князя несутъ они свою силу, ради его славы сражаются и подвизаются, ибо «Владиміръ Красное Солнышко»—всеобщая радость и надежда, онъ свѣтъ родной земли, улыбка народа; другіе князья въ народной памяти почти что не суще-

ствуютъ, онъ одинъ на всю Россію, и столѣтія спустя послѣ его смерти онъ все еще великій князь кіевскій. Такъ, предвосхищая исторію, народное воображеніе еще въ кіевскій періодъ угадало то единство страны, которое было осуществлено лишь въ московскій періодъ [1]).

Отличительная черта русскаго эпоса заключается въ томъ, что, въ то время какъ въ западной Европѣ народная пѣснь сдѣлалась достояніемъ личной поэзіи и такимъ образомъ попала въ печать уже не въ видѣ народнаго созданія, а въ видѣ литературнаго произведенія, наша пѣснь сохранила свою дѣвственную свѣжесть до самаго того времени, какъ она попала въ книгу. Записываніе нашихъ пѣсенъ началось въ прошломъ вѣкѣ, хотя въ то время—безъ особеннаго успѣха; только къ срединѣ нынѣшняго столѣтія нѣсколько ревностныхъ изслѣдователей углубились въ наши сѣверныя губерніи и тамъ напали на положительно неисчерпаемыя богатства народной поэзіи; такъ что лишь въ семидесятыхъ годахъ русскій эпосъ сдѣлался вполнѣ доступенъ наукѣ. Въ сорокъ восемь дней нѣкто Гиль-

[1]) О русской народной поэзіи: W. R. S. Ralston «Russian folk-tales». London. 1873. «Songs of the Russian people». London 1872. I. Fl. Hapgood «The epic songs of Russia». New-York 1886. Rambaud «La Russie épique». Paris. 1876. Tiander «Russische Volks-Epopeen». St.-Pétersburg. 1894. Bodenstedt. «Die poetische Ukraine». 1845. По древне-русской филологіи много цѣнныхъ свѣдѣній въ издаваемомъ проф. Ягичемъ въ Вѣнѣ «Archiv fuer slavische Philologie».

фердингъ, которому мы обязаны наиболѣе цѣнными открытіями въ этой области, напалъ на семьдесятъ крестьянскихъ «сказителей» и записалъ болѣе трехъ сотъ пѣсенъ. Это было въ Олонецкой губерніи, на дальнемъ сѣверѣ Россіи, тогда какъ въ Кіевской губерніи, на родинѣ ихъ, не было записано ни одной былины. Чѣмъ объяснить это переселеніе народной пѣсни? зачѣмъ это бѣгство въ недоступные лѣса? Можетъ быть, духовенство смотрѣло неблагосклонно на то, что считало мірской забавой; можетъ быть, когда начались тѣ войны и междоусобія, которыми терзались Кіевъ и Москва, народъ вручилъ свои пѣсни далекимъ сѣвернымъ окраинамъ; а можетъ быть, онѣ и сами предчувствовали, что лучше бѣжать и скрыться въ дикихъ лѣсахъ, прежде чѣмъ нагонитъ и разсѣетъ ихъ пронзительный свистокъ цивилизаціи, отъ приближенія котораго столько пѣсенъ замерло, поблекло столько грезъ...

Намъ слѣдуетъ упомянуть о единственномъ образцѣ личнаго поэтическаго творчества, дошедшемъ до насъ изъ до-монгольскаго періода, не потому что онъ единственный, но потому что такъ велика его поэтическая сила, что до сего дня онъ остается однимъ изъ лучшихъ украшеній нашей литературы. «Слово о Полку Игоревѣ» повѣствуетъ о неудачномъ походѣ князя Игоря въ 1185 году противъ Половцевъ, одного изъ кочевыхъ народовъ-сосѣдей, о его пораженіи, о томъ, какъ жена его Ярославна томилась въ ожиданіи горевала и плакала на путивльской го-

родской стѣнѣ, о его бѣгствѣ изъ плѣна и возвращеніи домой. Удивительное впечатлѣніе, производимое этимъ простымъ разсказомъ, происходитъ отъ того дикаго, порывистаго, необузданнаго поэтическаго дыханія, которое насквозь проникаетъ силою миѳологическаго воображенія все, къ чему ни прикоснется: день, заря, сумерки, вѣтеръ, степь, рѣка, трава, все становится одушевленнымъ, и живетъ, и чувствуетъ, и сливается въ общее сердцебіеніе съ человѣкомъ. Новому романтизму съ его попытками одушевить природу при помощи забытыхъ призраковъ, взятыхъ изъ старыхъ легендъ, никогда не удавалось съ такою силой заставить насъ увѣровать въ сліяніе природы съ человѣкомъ, какъ этой древней пѣснѣ, гдѣ трава сохнетъ отъ тоски. Привожу на удачу слѣдующіе нѣсколько стиховъ, описывающихъ начало сраженія:

Чу! Стрибожьи [1]) чада понеслися,
Вѣютъ вѣтры, ужь наносятъ стрѣлы,
На полки ихъ Игоревы сыплютъ...
Помутились, пожелтѣли рѣки,
Загудѣло поле, пыль поднялась,
И сквозь пыли ужь знамена плещутъ...

Поразительно описаніе степи [2]), военнаго стана, шумъ травы, когда убираются палатки, скрипъ те-

---

[1]) Миѳологическое божество, отецъ вѣтровъ, нѣчто вродѣ греческаго Эола.

[2]) «За семь съ половиною вѣковъ прежде, чѣмъ Гоголь накинулъ намъ своею широкою кистью южно-русскія степи, тво-

лѣгъ, уподобляемый шуму лебединыхъ крыльевъ: ничто не оставлено безъ наблюденія и все способствуетъ умноженію жизни. «Слово о Полку Игоревѣ» было открыто въ 1795 году; текстъ, списокъ XIV столѣтія, погибъ во время большого московскаго пожара при Наполеонѣ въ 1812 г. [1]); авторъ не извѣстенъ, но несомнѣнно современникъ описываемыхъ событій. Всѣ изслѣдователи (кромѣ тѣхъ немногихъ, которые стоятъ за его подложность) согласны въ томъ, что произведеніе это составляетъ отрывокъ изъ цѣлаго цикла военнаго эпоса, процвѣтавшаго среди княжескихъ дружинъ [2]).

Мы покончили съ поэтическими произведеніями того времени; послѣднее приводитъ насъ опять къ исторіи.

Политическая власть въ тѣ времена имѣла двухъ представителей: князя и такъ называемое «вѣче», народное собраніе. Ихъ взаимное отношеніе не было твердо установлено и въ значительной степени зависѣло отъ личнаго характера того или другого князя; сильный князь держалъ вѣче въ рукахъ, сла-

---

рецъ Слова о Полку Игоревѣ уже далъ намъ вкусить красоту ихъ природы въ своемъ произведеніи». Шевыревъ. «Ист. русской словесности». Москва. 1860.

[1]) Списокъ былъ найденъ въ бумагахъ Екатерины Великой.

[2]) Французскіе переводы: Eichhorf. «Histoire de la langue et de la litterature des Slaves». Paris. 1839. Mickevicz. «Les Slavons». 1849. Rambaud. «La Russie épique». Paris. 1876. Barghon Fort Rion. Paris. 1876. Нѣмецкій переводъ съ славянскимъ текстомъ, словаремъ и объясненіями: D-r August Boltz. Berlin. 1854.

бый подчинялся ему и даже бывалъ изгоняемъ. Вѣче не имѣло опредѣленнаго устройства; народъ сходился на звонъ колокола, собирался на городской площади; вѣдѣнію собранія подлежали вопросы войны и мира; обсужденія не записывались, и разногласія часто рѣшались въ рукопашную. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ въ Новгородѣ и Псковѣ, вѣче развилось до значительной политической силы и даже добилось полной независимости на республиканскихъ началахъ. Подъ вліяніемъ татарскаго ига оно теряетъ свое значеніе и вымираетъ съ постепеннымъ поглощеніемъ удѣльныхъ княжествъ Москвою.

Русскій князь до-монгольскаго періода представляетъ типъ, уже не повторяющійся въ послѣдующей исторіи. Норманнъ или нѣтъ, только онъ сохраняетъ до XIII вѣка тотъ же самый духъ предпріимчивости, который одушевлялъ товарищей Вильгельма Завоевателя, ту же самую жажду военной славы, которая подвигнула этихъ сыновъ Сѣвера вставить между страницами исторіи сказочный эпизодъ Норманскаго королевства въ Сициліи. Условія страны, къ сожалѣнію, слишкомъ способствовали проявленію ихъ воинственности. Къ срединѣ XI вѣка потомство Рюрика разрослось въ многочисленную семью; каждый членъ этой семьи имѣлъ свое собственное удѣльное княжество, но рѣдко кто бывалъ доволенъ своимъ удѣломъ, и не легко было великому князю кіевскому держать ихъ всѣхъ въ повиновеніи. По-

ложеніе осложнялось еще вслѣдствіе страннаго порядка престолонаслѣдія, всилу котораго кіевскій великокняжескій столъ переходилъ не къ старшему сыну, а къ старшему въ родѣ, — обыкновенно къ брату покойнаго князя, и только, когда всѣ братья процарствуютъ, наступалъ чередъ старшаго сына. Этотъ порядокъ, предоставлявшій дядьямъ право предсѣданія предъ племянниками, сдѣлался источникомъ безконечныхъ раздоровъ, и онъ-то составляетъ внутреннюю пружину, которая сообщаетъ этому, такъ называемому, «удѣльному періоду» его бурный характеръ [1]). Единственная хорошая сторона этого положенія съ политической точки зрѣнія была въ томъ, что тяготѣніе князей къ Кіеву, проникая въ народное сознаніе, сдѣлалось однимъ изъ проводниковъ идеи народнаго единства.

Въ тѣ времена лишь немногимъ князьямъ удавалось даровать странѣ періоды сравнительнаго спокойствія. Изъ нихъ мы должны упомянуть Ярослава и Владиміра Мономаха.

Съ именемъ Ярослава связано имя «Русской Правды», перваго опыта русской юридической кодификаціи. По своему духу, а часто и въ подробностяхъ, «Русская Правда» представляетъ поразительное совпаденіе съ ранними законодательствами

---

[1]) Многочисленныя теоріи, которыя приводились въ объясненіе нашей удѣльной системы, собраны у W. R. S. Ralston «Early Russian History». О той же эпохѣ: Ewers «Studien zur gruendlichen Kenntniss der Vorzeit Russland's». Dorpat 1830.

другихъ европейскихъ народовъ, въ особенности съ законами франкскими и англо-саксонскими. У насъ бы не хватило времени войти въ подробное разсмотрѣніе этого любопытнаго памятника, но мы подчеркнемъ хотя главныя его черты.

«Можно сказать, что капиталъ самая привилегированная особа въ Русской Правдѣ», говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ [1]); и дѣйствительно, намъ прежде всего бросается въ глаза коммерческій характеръ законодательства. Денежная пеня служитъ наказаніемъ даже въ случаяхъ убійства (она называется «вира»,—нѣмецкое «Wehrgeld»), и денежнымъ же или матеріальнымъ убыткомъ потерпѣвшаго измѣряется степень виновности обвиняемаго. Гражданское право и уголовное едва различаются, и слабый намекъ на пониманіе разницы можно найти въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда преступленіе наказуется двойною «вирой», при чемъ часть идетъ потерпѣвшему въ возмѣщеніе его убытковъ, а другая часть—князю, какъ бы для удовлетворенія отвлеченной правственности. Такъ называемая «кровавая месть», всилу которой родственники убитаго имѣютъ право убить убійцу, узаконивается Русской Правдой, точно также, какъ и въ древнемъ шведскомъ законодательствѣ (но уже при сыновьяхъ Ярослава она была отмѣнена). Смертная казнь, какъ безличное проявленіе правосудія,

[1]) Ключевскій (Курсъ лекцій по Русской Исторіи, читанный въ Моск. Унив. въ 1882—83 уч. г.).

не существуетъ. Три сословія довольно ясно обрисовываются изъ разсмотрѣнія этого законодательства. Непосредственные сопутники князя, его «дружина», воины варяжскаго происхожденія. Затѣмъ, сословіе обыкновенныхъ свободныхъ людей, пользующихся потомственно правомъ обработки княжеской земли, которая возвращается къ князю въ случаѣ отсутствія мужскихъ наслѣдниковъ; жизнь ихъ цѣнится въ половину дешевле, чѣмъ жизнь предъидущихъ. Третье сословіе—рабы, не имѣющіе ни правъ ни собственности; убійство раба и похищеніе бобра наказуются одинаково [1]). Женщина цѣнится на половину дешевле мущины, а палецъ или носъ мущины цѣнится во столько же, во сколько женщина. Русское законодательство въ этомъ случаѣ не входитъ въ такія подробности, какъ германское, которое за каждый отдѣльный палецъ назначаетъ особую плату, смотря по важности его.

Собственность, повидимому, ограждена сильнѣе, чѣмъ жизнь. Правила о денежныхъ сдѣлкахъ, о торговыхъ товариществахъ, о правахъ и порядкѣ наслѣдства строго опредѣлены [2]). Похищеніе ло-

---

[1]) Этихъ рабовъ, которые набирались изъ военоплѣнныхъ и неоплатныхъ должниковъ и были сравнительно немногочисленны, не слѣдуетъ смѣшивать съ позднѣйшими крѣпостными,—крестьянами, прикрѣпленными къ землѣ въ концѣ XVI вѣка и освобожденными въ 1861 г.

[2]) J. Hube «Geschictilche Darstellung der Erbfolgerechte der Slaven». Posen. 1836.

шади наказуется лишеніемъ всѣхъ правъ, собственности и свободы. (Имѣйте въ виду, что древній саксонскій законъ за ту же вину налагаетъ смертную казнь). Любопытную черту представляетъ уваженіе къ иностранцамъ: въ то время какъ двухъ свидѣтелей достаточно для установленія виновности славянина, не менѣе семи требуется въ случаѣ, если дѣло идетъ объ иностранцѣ или варягѣ. (Это привилегированное положеніе варяга напоминаетъ Салическій законъ, который цѣнилъ жизнь франка вдвое противъ жизни галло-римлянина) [1]).

Изъ этого краткаго обзора можно убѣдиться, что нравственно-воспитательная сила законодательства была невелика; оно, конечно, должно было оказывать вліяніе на нравы и обычаи, но оно не било въ самый корень преступныхъ поползновеній, оно не говорило человѣку: не дѣлай того или другого, но, по выраженію вышеупомянутаго историка, оно говорило: дѣлай все, что хочешь, но вотъ тебѣ тарифъ.

Внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, другой князь этого періода, которому мы должны удѣлить особенное вниманіе. Онъ, такъ сказать, образецъ князя, онъ любимецъ народа. Лучше чѣмъ изъ всякой нашей характеристики, его образъ выяснится изъ знаменитаго памятника, извѣстнаго подъ именемъ «Поученія Мономаха». Въ краткомъ наставленіи почтенный

---

[1]) О правѣ у древнихъ славянъ: Ewers «Das aelteste Recht der Russen» Dorpat 1826.

отецъ преподаетъ дѣтямъ правила нравственности и благочестія, поясняя ихъ примѣрами изъ собственной жизни. Такъ серьезенъ весь духъ посланія, такъ искренна и глубока увѣренность въ благодѣтельности преподаваемыхъ наставленій, что эти примѣры личныхъ подвиговъ не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія похвальбы. О чемъ бы ни шла рѣчь,—о восьмидесяти ли походахъ его противъ Половцевъ, о великихъ ли опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, охотясь на медвѣдя,—онъ всегда тотъ же самый могучій и скромный, увѣщевающій своихъ дѣтей никогда не забывать творить молитву: «Даже и на конѣ сидя, если ни съ кѣмъ не разговариваете, то, чѣмъ думать безлѣпицу,—повторяйте постоянно въ умѣ: «Господи помилуй», если уже другихъ молитвъ не знаете: эта молитва лучше всѣхъ». «Не подумайте, дѣти мои, или другой кто, читая это, чтобы я хвалилъ себя или выставлялъ смѣлость свою; я только восхваляю Бога и прославляю Его милость за то, что Онъ меня грѣшнаго и худого втеченіе столькихъ лѣтъ уберегъ отъ смерти... Желаю только, чтобы, прочитавши эту грамотку, вы бы устремились на всѣ добрыя дѣла, прославляя Бога и святыхъ его». Нищіе, вдовы, дѣти, всѣ составляютъ предметъ его попеченій. Гостепріимство и общительность предписываются какъ добродѣтель. «Никого не пропустите мимо себя, не оприветствовавши: всякому скажите доброе слово... Старыхъ чти, какъ отца; молодыхъ, какъ братьевъ». Онъ никогда

не путешествовалъ безъ псалтыря, своей любимой книги; онъ былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, хотя и уступалъ своему отцу, Всеволоду, который, не выѣзжая изъ предѣловъ родины, зналъ пять языковъ. «Солнце не должно застать васъ на постели», говоритъ онъ дѣтямъ, и самъ подавалъ примѣръ. Все его время, всѣ помыслы, принадлежали родинѣ; лѣтописцы сохранили теплую память о томъ, кто «такъ много пролилъ поту за землю русскую». Владиміръ Мономахъ былъ послѣдній на кіевскомъ престолѣ, кто внушалъ страхъ и уваженіе удѣльнымъ князьямъ. Послѣ его смерти въ 1125 году, междусобія возобновляются съ новой силой, и государство, только начинавшее осуществлять идею своего единства, до такой степени ослаблено, что, когда въ 1224 году татары появляются на горизонтѣ, князья уже не имѣютъ силы дѣйствовать сообща; они разбиты одинъ за другимъ, и въ половинѣ XIII вѣка монгольское нашествіе погружаетъ страну въ мракъ варварскаго ига.

Таково было внутреннее развитіе страны въ такъ называемый до-монгольскій періодъ. Изъ сказаннаго можно также составить себѣ понятіе о ея положеніи относительно другихъ европейскихъ государствъ. Хотя и совсѣмъ юное государство, Россія входитъ въ торговыя и дипломатическія сношенія со своими сосѣдями, и брачные союзы все время поддерживаются съ иностранными владѣтельными домами. Въ 911 году заключенъ договоръ съ Византіей,

утвержденный княземъ Олегомъ [1]) и императоромъ Александромъ. Вы помните посѣщеніе великой княгиней Ольгой Константинополя; императоръ Константинъ Багрянородный въ своемъ сочиненіи о церемоніяхъ византійскаго двора даетъ подробный отчетъ о празднествахъ въ ея честь [2]); нѣсколько лѣтъ спустя она посылаетъ пословъ къ германскому королю (впослѣдствіи императору) — Оттону Великому. Владиміръ женится на греческой царевнѣ Аннѣ и чрезъ ея сестру, Ѳеофано, становится своякомъ Оттона II. Старшая дочь Ярослава, Елизавета, выходитъ за норвежскаго короля Гарольда; ея сестра, Анна, становится французской королевой благодаря браку съ Генрихомъ I [3]); младшая, Анастасія, выходитъ за Андрея I, короля венгерскаго. Мать Владиміра Мономаха была дочерью императора византійскаго, Константина Мономаха, а самъ Владиміръ былъ женатъ на дочери несчастнаго короля Гарольда, погибшаго подъ Гастингсомъ. Все это до-

---

[1]) Олегъ былъ дядей Игоря, Рюрикова сына, и княжилъ въ его малолѣтство.

[2]) «De ceremoniis aulae Byzantinae». Lib. II, cap. 15. ed. Bonn. Странно, что среди этихъ «церемоній» императоръ не упоминаетъ объ обрядѣ крещенія княгини Ольги. Приходится предположить или, что она была въ Константинополѣ дважды, или, что она приняла крещеніе въ другомъ городѣ. (См. Голубинскій op. cit).

[3]) Fac simile ея подписи славянскимъ шрифтомъ подъ грамотой аббатства Saint Crépin de Soisson, за 1063 годомъ, помѣщено въ «La Russie». Paris. Larousse. 1891. p. 474.

казываетъ, до какой степени, несмотря на изнурявшіе ее постоянные набѣги кочевниковъ, страна поддерживала близкія сношенія съ западной Европой [1]). Если можно такъ выразиться,—двери стояли открытыми втеченіе всего этого времени. Но вотъ является великое нашествіе изъ азіатскихъ пустынь, — вся страна какъ бы перевернута на своей оси, оторвана отъ Европы и становится лицемъ къ Азіи. Въ такомъ положеніи Россія остается втеченіе двухъ вѣковъ съ лишнимъ, и, когда она, наконецъ, приходитъ въ себя, она видитъ, что стѣна встала между нею и Европой. Понадобилось еще два столѣтія, чтобы расшатать эту стѣну...

Мы покончили съ Кіевскимъ періодомъ нашей исторіи. Изъ мрака варварскаго ига встаетъ златоглавая Москва.

---

[1]) О связи русской народной поэзіи, русскихъ сказаній и нашей ранней исторіи съ Норвегіей, Даніей и другими сѣверными государствами: «Antiquités Russes», ed. par la Société Royale des antiquités du nord. 2 vols. Copenhague. 1850—52.

Москва... Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!

Пушкинъ.

Лекція III (1224—1613).

Татарское иго. Европа и Азія,—вѣковая борьба.—Возникновеніе и ростъ Москвы. Политика первыхъ московскихъ князей и «собираніе земли русской». Внутреннія теченія общественныхъ слоевъ.—Іоаннъ III, первый государь единой Россіи. Дипломатическія и торговыя сношенія съ Европой.—Іоаннъ IV Грозный, первый царь. Характеристика. Іоаннъ Грозный въ памяти потомства.—Просвѣщеніе. Безотрадное сопоставленіе.

Ужасомъ вѣетъ отъ тѣхъ страницъ нашей лѣтописи, которыя повѣствуютъ о событіяхъ съ 1224 до 1240 годовъ. Въ своей уединенной келіи старый монахъ, удалившійся отъ міра, слишкомъ хорошо сознаетъ общій смыслъ тѣхъ единичныхъ фактовъ, которые онъ заноситъ на свои листы: рѣзня, пожары, всѣ невзгоды опустошительной войны, которыя обрушиваются на семьянина, горожанина, селянина, язвятъ одинокаго, бездомнаго отшельника въ его любви къ родинѣ,—и слезы цѣлой земли взываютъ къ Господу съ тѣхъ страницъ, гдѣ бѣдствія иноплеменнаго нашествія стоятъ въ потрясающей простотѣ безъискусственнаго разсказа.

Послѣ ряда набѣговъ на юго-восточныя равнины, татарскія полчища, наконецъ, появляются на правомъ, низкомъ, берегу Днѣпра и располагаются лагеремъ противъ Кіева. За скрипомъ телѣгъ, мычаніемъ воловъ и ревомъ верблюдовъ, по свидѣтельству лѣтописца, люди не могли слышать собственныхъ голосовъ. Отчаянное сопротивленіе и непрекращавшіяся молитвы во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ не спасли города: когда татары удалились, и послѣднее облако пыли исчезло за пустыннымъ небосклономъ,—Кіевъ на высокомъ берегу дымился, какъ догарающій костеръ. «Солнце погибло по всей землѣ, — восклицаетъ лѣтописецъ,—живые завидовали умершимъ» [1]).

Но лѣтописецъ не зналъ, что нашествіе, бѣшеныя волны котораго разбивались о стѣны его кельи, было само лишь одною изъ волнъ того живого океана, который въ исторіи именуется переселеніемъ народовъ; и другого еще не могъ знать лѣтописецъ, а именно, что это нашествіе, съ которымъ для его отечества начиналось двухсотлѣтнее рабство, было однимъ изъ проявленій вѣковой борьбы двухъ континентовъ.

Въ миѳологическія времена Греки идутъ подъ Трою, — Европа ополчается противъ Азіи, чтобы отомстить за честь европейской женщины (что, по свидѣтельству Геродота, Персы считали большою глупостью) [2]). Въ древности Персы обрушиваются

---

[1]) О татарахъ: D'Osson «Histoire des Mongols». 4 vols. Amsterdam 1834—35. Hammer «Geschichte der Goldenen Horde». Pest 1840.

[2]) I. 4.

на Грецію, но Европа беретъ свое, когда Александръ Великій, пройдя насквозь Малую Азію, доходитъ до священныхъ рѣкъ Индіи. Въ раннія времена христіанской эры, изъ глубины своихъ пустынь Азія начинаетъ высылать полчища кочевниковъ: Гунны отбиты франками, Авары—германцами. Но съ другого конца, чрезъ Африку, Азія опять проникаетъ въ Европу, и Мавры занимаютъ Пиренейскій полуостровъ. Крестовые походы—новый вызовъ со стороны Европы; а пока западные народы въ безуспѣшныхъ попыткахъ проливаютъ свою кровь на святой землѣ, восточныя равнины становятся добычей азіатскихъ нашествій. Юный народъ, только что вступившій въ возрастъ государственной жизни, борется какъ только можетъ; но когда изъ самой середины Азіи, изъ тѣхъ песчаныхъ Монгольскихъ пустынь, за которыми въ своей тысячелѣтней летаргіи спитъ Небесная имперія, поднимается и надвигается кочевое царство Чингизъ-Хана,—юная Россія подается. Такимъ образомъ Азія держитъ Европу на двухъ концахъ; опираясь на эти два фланга, враждебный континентъ направляетъ свой приступъ на центръ: чрезъ Малую Азію Оттоманская имперія надвигается на Константинополь. Магометъ II переходитъ Босфоръ, изнѣженная, прогнившая Византія падаетъ, исламъ наводняетъ святыню греческаго христіанства, и на куполѣ св. Софіи водружается полумѣсяцъ. Но, точно будто усиліе это ослабило великаго колосса,—оба фланга единовременно поколеблены и

подаются: Мавры изгнаны изъ Испаніи Фердинандомъ Католикомъ, а Россія освобождена отъ татаръ Іоанномъ III Московскимъ. Еще разъ, по великолѣпному выраженію нашего историка Соловьева, «Азіатское количество побѣждено европейскимъ качествомъ» [1]).

Впервые незначительный городокъ Москва упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1147 годомъ. Ея быстрый ростъ былъ загадкой для всѣхъ. «Кто думалъ, гадалъ,—говоритъ древнее сказаніе,—что Москвѣ царствомъ быть, и кто же зналъ, что Москвѣ государствомъ слыть?» Она была удѣломъ одного изъ младшихъ княжескихъ колѣнъ, но московскіе князья такъ хорошо вели свои дѣла, что скоро сдѣлались старѣйшими среди старшихъ. Прямымъ слѣдствіемъ разрушенія Кіева въ 1240 году былъ постепенный переходъ государственной и народной жизни съ опустошеннаго юго-запада въ лѣсистый и, въ тѣ времена, менѣе доступный сѣверо-востокъ. Великокняжескій столъ былъ перенесенъ сперва въ Суздаль, потомъ во Владиміръ; на мѣсто западнаго Днѣпра восточная Волга становится главной торговой артеріей. Благодаря этой перемѣнѣ Москва сдѣлалась географическимъ центромъ страны; потребо-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ успѣхи русскаго оружія и мирнаго переселенія отодвигали предѣлы европейскаго наступленія на Азію все дальше: на Кавказъ, въ Среднюю Азію, на Амуръ. И кто знаетъ, не будетъ ли великій споръ двухъ континентовъ, начавшійся подъ Троей, разрѣшенъ подъ Владивостокомъ и въ водахъ Желтаго моря....

валось лишь стараній нѣсколькихъ умныхъ правителей, чтобы ей сдѣлаться и политическимъ центромъ.

Въ началѣ монгольскаго ига зависимость князей отъ татарскихъ хановъ была тягостна и унизительна. Великокняжескаго престола нельзя было занять иначе, какъ съ ханскаго разрѣшенія; князьямъ предписывалось отъ времени до времени являться на поклонъ въ татарскую главную квартиру за Волгой, такъ называемую Золотую орду, что сопровождалось дорогими съ ихъ стороны подношеніями; часто они подвергались разнымъ обрядамъ восточнаго этикета, которые оскорбляли ихъ чувство; но малѣйшее ослушаніе наказывалось набѣгомъ на ихъ владѣнія,—и съ суровой покорностью они сносили все; только когда отъ князя Михаила Черниговскаго потребовали, чтобы онъ отрекся отъ своей вѣры, тотъ не согласился и принялъ мученическую смерть. Однако понемногу негодованіе съ одной стороны и властолюбіе съ другой слабѣли, и натянутыя отношенія между князьями и ханами мало по малу стали сглаживаться. Въ лѣтописяхъ XIV вѣка мы уже читаемъ: князь такой-то былъ принятъ въ ордѣ «съ честью», воротился домой «съ честью». Эта «честь», обыкновенно достававшаяся цѣною богатыхъ даровъ хану, его женамъ и приближеннымъ, скоро становится исключительнымъ достояніемъ московскихъ князей; осторожность и осмотрительность, большая бережливость, скоро дѣлаютъ ихъ самыми сильными среди князей; ихъ денежныя средства обезпечиваютъ имъ

первенство при ханскомъ дворѣ, мудрая, миролюбивая политика обращаетъ ихъ въ своего рода довѣренныхъ, наперсниковъ,—любимцевъ въ числѣ враговъ; даже браки заключаются съ татарскими княжнами, которыя, конечно, переходятъ въ христіанство. И вотъ, въ 1328 году князь Іоаннъ Калита, хотя по рожденію и не имѣлъ на то права, получаетъ отъ хана ярлыкъ на великокняжескій престолъ. Онъ чувствуетъ себя уже настолько сильнымъ, что даже не переѣзжаетъ въ стольный городъ Владиміръ: митрополитъ Петръ по его приглашенію переселяется къ нему, и съ этого дня Москва становится средоточіемъ государственнымъ и церковнымъ.

Власть московскихъ князей съ этого времени начинаетъ рости за счетъ независимости другихъ князей. Сынъ Іоанна Калиты, Симеонъ, прозванъ Гордымъ; но это прозваніе гораздо больше свидѣтельствуетъ о чувствахъ другихъ князей, нежели о качествахъ того, кто былъ лишь бережливъ и строго справедливъ. «Добродѣтели первыхъ московскихъ князей,—говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ,—были не столько цѣнны, сколько прибыльны» [1]). Но эти добродѣтели, которыя были семейной чертой, вошли въ составъ, и даже сдѣлались основаніемъ, политической системы; въ то время, какъ въ другихъ княжествахъ каждая перемѣна княженія отмѣчена междоусобицами, въ Москвѣ нравственная пе-

---

[1]) Ключевскій. Курсъ лекцій по Русск. Ист.

редача отъ отца къ сыну дѣлаетъ каждаго преемника исполнителемъ завѣщаннаго ему глубокообдуманнаго плана. Въ этотъ планъ входили: 1) земельное расширеніе за счетъ другихъ князей и 2) подготовленіе изъ-подъ руки военной силы, для того чтобы нанести ударъ татарамъ, когда настанетъ часъ къ тому. И они всѣ работали въ ожиданіи этого часа; ни одинъ не работалъ для себя, но каждый ради того неизвѣстнаго преемника, въ чье княженіе угодно будетъ Провидѣнію, чтобы часъ наступилъ.

И часъ насталъ,—въ 1380 году. Имя великаго князя московскаго было Димитрій, имя татарскаго хана—Мамай, Куликово зовется то поле, на которомъ они сошлись 8-го Сентября.

Лучъ солнца разрываетъ тяжелыя облака, нависшія надъ страной. Немного минутъ въ исторіи можно сравнить по торжественности съ отъѣздомъ великаго князя московскаго во главѣ первой русской большой арміи, идущей противъ единаго общаго врага. Старый лѣтописецъ, вѣрный показатель народной скорби и народной радости, рисуетъ яркими красками радужныхъ предчувствій исходъ этого войска. Св. Сергій, досточтимый игуменъ Троицкаго монастыря близъ Москвы, благословляетъ воиновъ въ путь и отряжаетъ двухъ монаховъ, Осляба и Пересвѣта, сопутствовать князю въ походъ... Двѣ картины возникаютъ изъ прошлаго, когда имя Куликовскаго поля приходитъ намъ на память. Въ туманной свѣжести сентябрьскаго утра, среди своихъ

воиновъ, только что выстроенныхъ въ бой, князь Димитрій стоитъ колѣнопреклоненный и молится предъ своимъ великокняжескимъ знаменемъ, — чернымъ знаменемъ съ золотымъ изображеніемъ Спасителя. А въ догарающихъ лучахъ сентябрьскаго вечера, лежа подъ сѣнью развѣсистаго дерева, князь Димитрій, только что очнувшійся отъ удара, полученнаго въ сраженіи, спрашиваетъ окружающихъ— кто побѣдилъ. Въ промежуткѣ наши трубы провозгласили русскую побѣду...

Съ Димитріемъ заканчивается подготовительный періодъ освобожденія Россіи; его преемники вступаютъ уже на путь явно враждебныхъ отношеній съ преемниками Мамая. Цѣлый рядъ умныхъ правителей, работая все въ томъ же направленіи, постепенно упрочиваютъ силу Москвы и ослабляютъ цѣпи монгольской зависимости. Въ 1480 году Іоаннъ III совершаетъ окончательное освобожденіе. Татарское царство разсѣяно; части его еще доживаютъ нѣкоторое время: царства Казанское и Астраханское покорены Іоанномъ Грознымъ восемьдесятъ лѣтъ спустя, крымскіе татары теряютъ свою независимость лишь въ царствованіе Екатерины Великой.

При восшествіи Іоанна III въ 1462 году политическое главенство Москвы уже твердо установлено. Этотъ государь заканчиваетъ собой старый періодъ Московскаго княжества и открываетъ новый періодъ Московскаго царства. Принципъ федеративнаго ра-

венства, который понемногу вымиралъ втеченіе предшествовавшаго столѣтія, окончательно замѣняется началомъ единодержавія. Прослѣдимъ тѣ внутреннія теченія, благодаря которымъ эта перемѣна осуществилась: мы тѣмъ самымъ заразъ бросимъ свѣтъ на предъидущую эпоху и подчеркнемъ тѣ элементы, которыми опредѣляется дальнѣйшее историческое развитіе.

Расширеніе Москвы, то что лѣтописи зовутъ «собираніемъ русской земли», было фактомъ неизмѣримой исторической важности не вслѣдствіе той центробѣжной силы, которую оно сообщило земельной границѣ, но вслѣдствіе того центростремительнаго тяготѣнія, которымъ оно преисполнило сознаніе всѣхъ, даже тѣхъ самыхъ князей, за чей счетъ московская земля росла. На первыхъ порахъ присоединеніе чужого удѣла княземъ московскимъ носило характеръ насильственный, но скоро оно стало облекаться въ болѣе или менѣе естественные пріемы. Многіе князья сами отказывались отъ своихъ правъ и передавали ихъ старшему товарищу; другіе, бездѣтные, составляли духовныя въ пользу Москвы; позднѣе это ужь было возведено въ правило, и, даже когда не было завѣщанія, удѣлъ бездѣтнаго князя присоединялся; точно также удѣлъ, остававшійся за смертію вдовствующей княгини; браки были другимъ средствомъ земельнаго расширенія. Съ какою быстротой оно росло, можно усмотрѣть изъ того, что при восшествіи Іоанна III Московское княжество представляло площадь въ пятнадцать ты-

сячъ квадратныхъ миль, тогда какъ въ царствованія его и сына его Василія, т.-е. втеченіе шестидесяти лѣтъ, оно присоединяетъ площадь въ сорокъ тысячъ квадратныхъ миль. Послѣдствія этого роста были значительнѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ простого земельнаго расширенія. Первое слѣдствіе было общественнаго, сословнаго характера. Мы сказали выше, что центростремительное тяготѣніе овладѣло всѣми умами. Удѣльные князья, лишенные своихъ владѣній, всѣ переѣзжаютъ въ Москву и селятся вокругъ Кремля; они становятся родоначальниками будущей аристократіи; въ возмѣщеніе свѣжихъ ранъ и понесенныхъ убытковъ они облекаются въ высшія государственныя должности: они начальствуютъ надъ войскомъ, они воеводствуютъ въ разныхъ областяхъ. Но, отказавшись отъ своихъ владѣтельскихъ правъ, они не забываютъ своей династической близости къ царствующему князю: всѣхъ этихъ братьевъ и дядей не легко было держать въ почтеніи и повиновеніи; отношенія осложнялись, и мы увидимъ ниже, что они достигаютъ послѣдней степени натянутости въ царствованіе Іоанна Грознаго. Слѣдующій классъ, — члены княжескихъ дружинъ; эти уже давно начали оказывать предпочтеніе богатому и сильному московскому князю предъ различными младшими князьями; такъ какъ служба ихъ не была обязательна, то они были свободны переходить отъ одного князя къ другому; своимъ переходомъ на сторону Москвы они заразъ способство-

вали усиленію великаго князя и ослабленію удѣльныхъ князей. Наконецъ, крестьяне, которые въ то время еще не были прикрѣплены къ землѣ, а могли переходить отъ одного помѣщика къ другому, тяготѣли къ богатому и населенному городу, кромѣ того, видѣли въ соединеніи съ Москвой залогъ прекращенія раззорительныхъ войнъ.

Такимъ образомъ эти сословныя теченія съ одной стороны были вызваны ростомъ великокняжеской власти, а съ другой сами способствовали еще большему и скорѣйшему росту послѣдней; всилу чередующагося взаимодѣйствія причины и слѣдствія, тѣ самые элементы, которые испытали притягательное вліяніе центра, повліяли и на его упроченіе.

Димитрій, побѣдитель Мамая,—первый изъ великихъ князей располагаетъ престоломъ по духовному завѣщанію,—онъ оставляетъ его старшему сыну: то, что до того времени зависѣло отъ ханскаго соизволенія, становится теперь актомъ личной воли. Съ этихъ поръ наслѣдственныя права старшаго сына всегда утверждаются завѣщаніемъ отца; иногда, во избѣжаніе недоразумѣній, сынъ вѣнчается при жизни отца и назначается соправителемъ. Духовныя завѣщанія великихъ князей проводятъ все бо̀льшую разницу между старшимъ и другими сыновьями, и Иванъ Грозный уже завѣщаетъ все царство старшему и только одинъ небольшой удѣлъ второму, да и этотъ удѣлъ ужь не самостоятельное княжество,

а нераздѣльная часть Московскаго царства: царскій братъ не болѣе какъ землевладѣлецъ, государя же нѣтъ другого, кромѣ царя.

Таковы были послѣдствія роста Москвы съ точки зрѣнія внутренней политики, но были и другія послѣдствія. До середины XIV вѣка Москва была внутреннимъ княжествомъ, окружена русскими сосѣдями, слѣдовательно, не знала, что значитъ внѣшняя политика; всѣ сношенія за предѣлами княжества могли быть болѣе или менѣе дружественны, но всегда носили семейный характеръ,—дипломатіи не было. Іоаннъ III первый сознаетъ, что, вошедши на Московскій престолъ, онъ сталъ на престолъ «всея Руси». Внутреннія преграды, воздвигнутыя семейными распрями и личнымъ честолюбіемъ, падаютъ и сравнены предъ единствомъ народной массы, говорящей на одномъ языкѣ, тяготѣющей къ одному центру. И вотъ, когда этотъ «Государь Великій Князь Московскій и пр. и пр. и пр.», стоя на престолѣ, окидываетъ взоромъ границы своего царства, онъ видитъ, что у Русской земли иноземные сосѣди: на сѣверо-западѣ—шведы, на западѣ—орденъ Тевтонскихъ рыцарей, Ливонія и Польша, а на юго-западѣ—Турецкая имперія; и вдоль всей этой западной границы, отъ сѣвера до самаго Кіева, старыя русскія области, самыя первыя, колыбель Россіи,—оторваны и забраны Польшей. Вотъ что увидѣлъ Іоаннъ III, и чего другіе до него не усмотрѣли за татарскимъ игомъ и «собираньемъ земли русской».

Если Іоаннъ III первый замѣтилъ своихъ иноземныхъ сосѣдей, то онъ первый же и показалъ себя иностранцамъ. Появленіе русскаго князя на европейской исторической сценѣ, послѣ болѣе чѣмъ двухъсотъ-лѣтняго отсутствія, любопытно и совершается при весьма живописной обстановкѣ.

Византія только что пала. Семья послѣдняго императора, Константина Палеолога, бѣжала въ Римъ, гдѣ проживала, пользуясь гостепріимствомъ папы. Въ 1499 году является въ Москву посланный и именемъ папы Павла II предлагаетъ великому князю руку царевны Софіи Палеологъ, племянницы бывшаго императора, дочери брата его Ѳомы и герцогини Феррарской. Великій князь уклоняется отъ окончательнаго отвѣта и изъявляетъ желаніе послать своихъ пословъ въ Римъ. Тѣмъ временемъ Павелъ II умираетъ, и вѣсть приходитъ въ Москву, что избранъ въ папы Каликстъ. Въ Январѣ русское посольство выѣзжаетъ изъ Москвы подъ предводительствомъ проживавшаго тамъ «Фрязина» (итальянца). Дорогой они узнаютъ, что не Каликстъ, а Сикстъ выбранъ въ папы; они выскабливаютъ невѣрное имя изъ княжеской грамоты, замѣняютъ его настоящимъ (не возвращаться же имъ было!),—въ Маѣ они достигаютъ Рима. 25 числа Сикстъ IV принимаетъ московскихъ пословъ, которые передаютъ ему грамоту и шестьдесятъ соболей. 1-го Іюня въ соборѣ св. Петра Софія Палеологъ была заочно обручена Іоанну III. 24-го Іюня она оставляетъ

Римъ и чрезъ Любекъ, Балтійское море, Ревель, Псковъ,—пріѣзжаетъ въ Москву въ сопровожденіи папскаго нунція и пословъ, высланныхъ ея двумя братьями [1]). Пышность, политическая важность этого брака, какъ разъ соотвѣтствовали честолюбивымъ цѣлямъ Іоанна: это дѣлало его непосредственнымъ продолжателемъ византійскихъ императоровъ; такъ оно было принято современниками, такъ и онъ на это посмотрѣлъ, когда бралъ себѣ византійскаго двуглаваго орла въ государственные гербы. Впервые вводится этикетъ при дворѣ, преимущественно составленный по образцу византійскаго церемоніала.

Такова была внѣшняя рамка, сквозь которую этотъ государь вошелъ въ исторію, переступивъ чрезъ порогъ новаго періода. Современники, повидимому, сознавали новое значеніе, какое принялъ въ ихъ глазахъ образъ государя; въ своемъ привѣтственномъ словѣ великому князю по случаю его вѣнчанія митрополитъ называетъ его: «Преславный Царь и Самодержецъ». Мы съ трудомъ можемъ въ наши дни измѣрить весь смыслъ, какой это слово «самодержецъ» должно было имѣть тогда, произнесенное въ первый разъ, услышанное изъ устъ

---

[1]) Одинъ изъ ея братьевъ впослѣдствіи пріѣзжалъ въ Москву два раза и даже выдалъ дочь за одного изъ князей, но онъ повидимому былъ въ дурныхъ отношеніяхъ какъ съ тестемъ такъ и съ зятемъ и по завѣщанію передалъ свои права на Византійскій престолъ Фердинанду Испанскому. (Карамзинъ).

главы церкви, раздающееся послѣ двухъ сотъ лѣтъ унизительнаго рабства: это было какъ бы торжественное признаніе единственной власти, оказавшейся въ силахъ построить и упрочить народное единство, это была именемъ исторіи дань благодарности единственному началу, оказавшемуся непоколебимымъ среди неустойчивости остальныхъ элементовъ народной жизни.

Іоаннъ III намѣчаетъ главные вопросы дальнѣйшаго историческаго развитія страны. Сверженіемъ татарскаго ига онъ полагаетъ начало русскому поступательному движенію въ Азію [1]): нетолько Россія не будетъ страдать отъ новыхъ нашествій, но она пресѣчетъ самую возможность ихъ повторенія, овладѣвъ тѣми самыми странами, откуда прежнія нашествія выходили [2]). Въ концѣ этой политики, которая ведетъ къ присоединенію Сибири Іоанномъ Грознымъ въ 1582 году, мы видимъ первыя рельсы великаго сибирскаго желѣзнаго пути, положенныя нынѣ благополучно царствующимъ Императоромъ Николаемъ II, когда, въ бытность свою Наслѣдни-

---

[1]) «Нужно было все западное незнаніе русской исторіи,—говоритъ A. Leroy Beaulieu,—чтобы отсылать русскихъ «обратно въ тѣ степи, изъ которыхъ имъ бы никогда не слѣдовало выходить». Нетолько русскіе не вышли изъ степей, но они проникли въ нихъ въ сравнительно позднюю эпоху». («L'Empire des Tsars et les Russes». Paris 1883—89. t. I, l. I, ch. 3).

[2]) О русскомъ колонизаторскомъ движеніи: A. Brueckner «Europaeisirung Russland's». Gotha 1888. c. IV.

комъ, онъ высадился на берегу Тихаго океана въ Маѣ 1891 г. [1]). Вопросъ западной границы переданъ Іоанномъ потомству, какъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ государственнаго существованія; его окончательное рѣшеніе, отодвигаемое постояннымъ расширеніемъ интересовъ, ведетъ къ шведскимъ войнамъ Петра Великаго, завоеванію Балтійскихъ береговъ, основанію Петербурга и возникновенію русскаго флота....

При Іоаннѣ III заводятся первыя сношенія съ западной Европой [2]). Происходитъ обмѣнъ посольствами съ императоромъ Фридрихомъ IV, который проситъ руки одной изъ дочерей Іоанновыхъ для своего сына Максимиліана; переговоры эти однако ни къ чему не привели.

Больше значенія имѣли сношенія съ Италіей, въ особенности съ Венеціей. Великій князь, желая украсить свой городъ каменными строеніями, послалъ въ Венецію за архитекторомъ. Фіоравенти, по прозвищу Аристотель, былъ отряженъ дожемъ Марчелло,—и съ этого времени пошла та затѣйливая архитектура, которая представляетъ какъ бы окаме-

---

[1]) Prince E. Ookhtomsky. «Journey of the Tsarevich». 2 vols. Edinburgh. Constable 1895. О Сибири и сибирской желѣзной дорогѣ см. пятый томъ «The industries of Russia» (5 vols. St. Petersbourg 1893), изд. Мин. Фин. для всемірной выставки въ Чикаго.

[2]) О первыхъ русскихъ посольствахъ: A. Brueckner «Beitraege zur Kulturgeschichte».

нѣніе старой русской деревянной рѣзьбы. Главные соборы, великолѣпная бѣлокаменная стѣна, вся гордая краса «златоглаваго» кремля ведутъ начало отъ Іоанна III [1]).

Интересный эпизодъ московскихъ сношеній съ Италіей представляетъ участіе митрополита Исидора въ церковномъ соборѣ, созванномъ папою Евгеніемъ IV во Флоренціи въ 1438 году. (Въ то время на престолѣ московскомъ сидѣлъ отецъ Іоанна—Василій Темный). Византійскій императоръ Константинъ Палеологъ [2]) надѣялся путемъ соединенія церквей способствовать болѣе успѣшному противодѣйствію наступательнымъ движеніямъ Турокъ на Константинополь; онъ отправился въ Италію и сталъ ревностнымъ проводникомъ идеи собора. Засѣданія открылись осенью, въ Феррарѣ, но въ Январѣ они были перенесены во Флоренцію, въ церковь св. Маріи Новеллы. 6-го Іюля закрытіе засѣданій отпраздновано папскою литургіей. Однако этотъ соборъ не имѣлъ практическихъ послѣдствій: восточныя церкви не приняли рѣшенія своихъ представителей, признавшихъ главенство папы. Исидоръ вернулся домой, но былъ объявленъ отступникомъ и принужденъ бѣжать;

---

[1]) О русской архитектурѣ: Violet-le-Duc «L'art Russe». Paris 1877. О Московскомъ кремлѣ: Veltmann «Souvenirs historiques du Kremlin de Moscou». Moscou 1843. Fabricius «Le Kremlin de Moscou» Moscou 1883. О русскихъ древностяхъ: «Antiquités de l'Empire de Russie» 6 vols. Moscou 1849—53.

[2]) Онъ былъ женатъ на дочери Василія, княжнѣ Аннѣ.

онъ умеръ въ Римѣ, въ кардинальскомъ санѣ. Въ библіотекѣ св. Лаврентія при церквѣ того же имени во Флоренціи вы можете увидѣть висящую на стѣнѣ разукрашенную грамоту,—это постановленіе Флорентійскаго собора: среди латинскихъ и греческихъ подписей, слѣдующихъ за подписями папы и императора, вы увидите красными славянскими буквами: «Исидоръ митрополитъ Московскій руку приложилъ» [1]).

Въ царствованіе Іоаннова сына Василія австрійскій баронъ Герберштейнъ дважды пріѣзжалъ въ Москву,—разъ въ 1516 году по порученію Максимиліана I, другой разъ отъ имени Карла V въ 1526 году. Больше значенія, чѣмъ тѣ порученія, которыя онъ привезъ, имѣютъ для насъ впечатлѣнія, которыя онъ увезъ изъ Москвы. Его «Rerum Moscovitarum commentarii» составляютъ одинъ изъ цѣннѣйшихъ памятниковъ иностранной библіографіи о древней Россіи [2]).

Въ царствованіе сына Василія, царя Іоанна IV Грознаго, мы видимъ первыя торговыя сношенія съ Англіей. Англійскіе купцы, завидуя торговымъ успѣхамъ испанцевъ и португальцевъ, вызваннымъ ихъ географическими открытіями, рѣшили и для себя найти новые торговые источники. Учреждается об-

---

[1]) О позднѣйшихъ сношеніяхъ Москвы съ Ватиканомъ: Le P. Pierling, S. J. «Rome et Moscou» (1547—1579) Paris 1883, и другія сочиненія того же автора.

[2]) Первое латинское изданіе—въ Вѣнѣ, 1549 г. Англійскій переводъ («Notes upon Russia». 2 vols.) изданъ Гаклюйтовскимъ обществомъ въ 1851—52 г.

щество «для открытія неизвѣстныхъ странъ», и въ Маѣ 1553 года нѣсколько судовъ выходятъ изъ Темзы, снабженныя грамотой Эдуарда IV «къ государямъ восточныхъ и сѣверныхъ земель». Въ слѣдующемъ году капитанъ Чанселоръ, командиръ одного изъ кораблей, входитъ въ устье Сѣверной Двины; онъ высаживается на берегъ и отправляется въ Москву. Онъ ласково принятъ царемъ и отпущенъ съ грамотой на имя короля Эдуарда.

Въ 1555 году тотъ же Чанселоръ снова появляется въ Москвѣ, уже какъ оффиціальный представитель короля Филиппа и королевы Маріи. По окончаніи переговоровъ англійскимъ купцамъ даруется право безпошлинной торговли во всѣхъ русскихъ городахъ; когда въ 1557 году посолъ Іоанна пріѣхалъ въ Лондонъ, то русскимъ купцамъ были предоставлены одинаковыя права въ Англіи [1]).

---

[1]) Всѣ относящіеся къ этимъ переговорамъ документы собраны Ю. Толстымъ «Первыя сорокъ лѣтъ сношеній между Россіею и Англіей». СПБ. 1875 г., а также въ томѣ XXXVIII Русск. Имп. Ист. Общ.

Любопытная современная книга: G. Fletcher «Of the Russe Common Wealth» London 1591 (воспроизведено въ Ed. A. Bond «Russia at the close of the sixteenth century». L. 1856). Книга заключаетъ много цѣнныхъ свѣдѣній, но и немало ложныхъ выводовъ; легкость, съ какой авторъ относится къ своему предмету, видна хотя бы изъ того, что онъ утверждаетъ, будто въ Россіи нѣтъ ни писанной исторіи ни писанныхъ законовъ, тогда какъ въ то время существовали: лѣтописи, Русская Правда, Судебникъ Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV. (См. «Книга Флетчера», С. Середонинъ, Петерб. 1891).

Такимъ образомъ первое соприкосновеніе со всемірнымъ торговымъ движеніемъ Россія почувствовала на водахъ Ледовитаго океана. Конечно, она могла бы почувствовать его и съ другой стороны, со стороны сухопутной западной границы, и даже таково было ея намѣреніе: нѣсколько разъ выписывались иноземные мастера и ремесленники, но наши ближайшіе сосѣди никогда не позволяли имъ переходить чрезъ русскую границу. Въ 1547 году Карлъ V, въ то время присутствовавшій на Аугсбургскомъ Сеймѣ, далъ царскому посланному грамоту, разрѣшавшую ему набирать въ предѣлахъ имперіи ученыхъ и искусныхъ мастеровъ; 123 человѣка были готовы къ отплытію изъ Любека въ Россію, но они были задержаны вслѣдствіе ливонскихъ происковъ; одинъ изъ нихъ, пытавшійся бѣжать въ Москву, былъ казненъ рыцарями Тевтонскаго ордена; магистраты города Риги даже исторгли у Карла V письменное обѣщаніе, что онъ больше не будетъ посылать мастеровъ въ Россію [1]). Нѣтъ, западная граница зорко оберегалась. Послушайте лучше, что король польскій Сигизмундъ Августъ пишетъ королевѣ Елизаветѣ англійской.

«Какъ мы уже раньше писали, такъ снова теперь пишемъ вашему величеству, — что мы знаемъ

---

[1]) Объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россіи: Adelung «Kritisch-literarische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind». St.-Petersbourg. 1864.

и увѣрены, что тотъ Москвитянинъ изо дня въ день сильнѣе становится благодаря всему, что привозится къ нему чрезъ Нарву; ибо не только товары, но и оружіе, до сей поры ему неизвѣстное, и мастера и художники доставляются ему: путемъ же всего этого онъ настолько усиливается, что уже побѣждаетъ другихъ. Сіе не можетъ быть пріостановлено, до тѣхъ поръ, пока существуетъ этотъ путь въ Нарву. И мы вполнѣ увѣрены, что ваше величество не можетъ не знать, какъ велико его могущество. Мы до сихъ поръ побѣждали его только тѣмъ, что онъ не зналъ ни образованія, ни воспитанія. Если же это судоходство въ Нарву такъ будетъ продолжаться, что же останется ему неизвѣстнымъ?» [1]).

Предосторожности польскаго короля оказались безполезны: трудности тѣхъ ледовитыхъ странъ, которыми пришлось проходить Чанселору, не помѣшали «открыть» Россію и помимо «Нарвы». Объединяющая сила, дѣйствующая въ мірѣ, восторжествовала надъ величайшими препятствіями природы, что̀ послѣ этого значили какія-нибудь единичныя усилія національной зависти?..

Сношенія съ иностранцами отвлекли насъ отъ нашего главнаго предмета,— внутренняго роста го-

---

[1]) Подлинникъ содержитъ рѣзкіе отзывы, направленные противъ характера Іоанна, которые мы пропускаемъ, какъ къ существу дѣла не относящіеся: въ политической *системѣ* психологическія соображенія являются предлогомъ, никакъ не аргументомъ.

сударственныхъ силъ. Какъ вы видѣли, государь московскій усиливался, окруженный вновь возникающей аристократіей, — потомками развѣнчанныхъ князей. Значеніе великаго князя возрастало соотвѣтственно династическому упадку боярства, политическое значеніе боярства возрастало сообразно съ его близостью къ усиливающемуся престолу. Благодаря такому единовременному росту обоихъ началъ, къ XV столѣтію Москва представляетъ неограниченную монархію съ аристократическимъ управленіемъ; «Дума», состоящая изъ главныхъ представителей аристократіи, становится чѣмъ-то вродѣ многоличнаго совѣтника. Но, не смотря на эту строго опредѣленную политическую форму, оба начала не слились другъ съ другомъ; внутреннее равновѣсіе нарушалось страстями и слишкомъ зависѣло отъ характера и личныхъ интересовъ то того, то другого. Это ясно сказалось, когда самодержавная власть сосредоточилась въ рукахъ такого характера, какъ Іоаннъ Грозный.

Въ 1547 году внукъ Іоанна III вѣнчался первымъ царемъ Московскимъ. (Титулъ, сокращеніе латинскаго «caesar», попадается и раньше; уже Іоаннъ III иногда назывался царемъ, но не оффиціально). Первые годы Іоанна IV предвѣщали блестящее царствованіе. Умные, благонамѣренные совѣтники окружаютъ молодого государя; Анастасія Романова, женщина высокихъ душевныхъ качествъ, взятая царемъ въ супруги, становится его ангеломъ хранителемъ, подогрѣваетъ его добрыя стремленія, усыпляетъ

инстинкты того, кто впослѣдствіи будетъ прозванъ Грознымъ. Казань и Астрахань, остатки татарскаго царства, покорены; приступлено къ новой законодательной работѣ; война съ Швеціей, Ливоніей, Польшей, открываетъ ту безконечную борьбу, которой суждено прочистить путь изъ Москвы въ Европу... Но блестящимъ надеждамъ пришлось недолго жить: Анастасія Романова умираетъ, и съ ея смертью какъ бы ломается нравственное кормило Іоаннова характера. Однажды, во время тяжкой болѣзни, онъ лежалъ въ постели и случайно перехватилъ разговоръ, происходившій въ сосѣдней комнатѣ: бояре горячо обсуждали вопросъ престолонаслѣдія и почти всѣ отказывались присягнуть царскому сыну. Имъ не хотѣлось, чтобы потомство Анастасіи становилось выше ихъ; Романовы были моложе ихъ происхожденіемъ, не были рюриковичи: такъ сильно еще было въ нихъ сознаніе династической связи съ царствующимъ домомъ [1]). Умирающій царь слушаетъ обсужденіе своей воли, и всѣ происки, которыми было окружено его сиротливое дѣтство, сразу воскресаютъ въ его памяти. Отвращеніе овладѣваетъ его душой, подозрительность заползаетъ въ сердце. Онъ не уми-

---

[1]) Однако эта династическая спѣсь до такой степени смирилась предъ рядомъ бѣдствій, постигшихъ страну и приведшихъ къ «смутному времени», что шестьдесятъ лѣтъ спустя шестнадцатилѣтній юноша изъ этой самой семьи Романовыхъ былъ избранъ въ цари именно потому, что онъ *не* принадлежалъ къ роду Рюрика.

раетъ, онъ остается въ живыхъ, но онъ встаетъ съ постели другимъ человѣкомъ.

Однажды народонаселеніе Москвы съ изумленіемъ узнаетъ, что царь совершенно неожиданно оставилъ городъ и со всѣмъ дворомъ переѣхалъ въ одинъ изъ пригородныхъ дворцовъ. Чрезъ мѣсяцъ двѣ грамоты прибыли въ Москву; въ одной царь объявлялъ, что онъ другъ народа, въ другой онъ осыпалъ упреками боярство и духовенство; въ заключеніе онъ объявлялъ, что больше не вернется въ свою столицу. Никогда еще исторія не видала государя, который *дулся на свою страну;* такимъ явился Іоаннъ, и такимъ остался до конца; къ сожалѣнію, онъ дулся не какъ всѣ,—обыкновенные смертные въ этихъ случаяхъ бездѣйствуютъ,—Іоаннъ дуется дѣятельно; онъ положительно выключилъ себя изъ своей страны. Царство было раздѣлено на двѣ половины: вся земля съ народомъ на одной сторонѣ, государь и его тѣлохранители на другой. Эта царская охрана численностью въ тысячу человѣкъ сдѣлалась предметомъ ужаса для остального населенія. Они звались «опричниками», были внѣ всякихъ условій, внѣ закона, и могли ничего не бояться при исполненіи возложенной на нихъ обязанности накрывать, преслѣдовать и уничтожать царскихъ измѣнниковъ; собачья голова и метла, висѣвшія по обѣ стороны сѣдла, были ихъ отличительною принадлежностью и символами качествъ, необходимыхъ для выслѣживанія и истребленія крамолы.

Наступило страшное время, страшное для всѣхъ, хотя царь и объявилъ, что онъ другъ народа. Сотнями, тысячами насчитывались жертвы, имена которыхъ по приказанію царя записывались для поминанія въ синодикахъ разныхъ монастырей. Все, что дремало въ этомъ темномъ, загадочномъ характерѣ, понемногу стало выплывать наружу. Его инстинкты вдругъ взяли верхъ надъ остальной его природой, поработили всѣ его способности, и послѣднія уже проявляются только въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь позволяетъ себѣ въ нихъ усумниться,—тогда онъ мгновенно встаетъ во всемъ блескѣ своей разносторонности. Въ своей перепискѣ съ княземъ Курбскимъ, однимъ изъ злѣйшихъ своихъ враговъ, бѣжавшимъ къ польскому королю, онъ выказываетъ огромную начитанность: письма его кишатъ выписками изъ св. писанія, греческихъ и латинскихъ писателей; въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ онъ гордый и преданный глава того самаго государства, съ которымъ онъ дома обращается какъ съ врагомъ; въ своихъ писаніяхъ, полу-религіознаго, полу-лирическаго характера, онъ смиренъ, приниженъ, подавленъ тяжестью своихъ грѣховъ, уничтоженъ собственнымъ раскаяніемъ. Но пусть какой-нибудь иностранный государь откажетъ ему въ одномъ изъ его титуловъ,—его щепетильность не знаетъ предѣловъ; въ своемъ обереганіи династическихъ правъ онъ порой доходитъ до смѣшного: «Мы происходимъ отъ Цезаря Августа,—это всѣмъ извѣстно», говоритъ онъ

послу польскаго короля [1]). Но при этомъ, какой бы изъ наклонностей или страстей онъ ни давалъ волю,— всегда съ нѣкоторой театральностью: показная сторона во всемъ у него беретъ перевѣсъ надъ сущностью; такъ цитаты въ его письмахъ поражаютъ скорѣе количествомъ, чѣмъ цѣлесообразностью; его намѣренія, его замыслы, крупнѣе, чѣмъ позволяютъ ему выполнить скудныя средства, доставляемыя ему его малообразованной и совсѣмъ невоспитанной природой; его способности, заѣденныя и забитыя имъ же самимъ, оказываются безсильны, когда оскорбленное самолюбіе призываетъ ихъ на помощь. И вотъ, единственнымъ выходомъ накипающей злобы является удовлетвореніе животныхъ инстинктовъ кровожадности. Развращенность вкусовъ въ этомъ отношеніи дѣлаетъ его утонченно-жестокимъ; ему уже мало наказаній, ему нужно лицезрѣть ихъ: онъ любитъ пышность въ казняхъ, живописность истязаній, великолѣпіе рѣзни. То же предпочтеніе показной сторонѣ въ его религіозной жизни: ему нравятся и блескъ и богатство церковной службы, но онъ предпочитаетъ суровость смиренной кельи, куда онъ удаляется отъ злого свѣта созерцать раны своей души; онъ упивается исповѣдью своихъ грѣховъ, онъ раз-

---

[1]) Это родословіе мало-по-малу получило оффиціальное признаніе. Въ грамотѣ объ избраніи Михаила Романова на царство (1613) Рюрикъ представленъ прямымъ потомкомъ Августа, императора Римскаго. («Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ» № 203, т. I перваго изд. Петерб. 1813).

строенъ видомъ собственнаго покаянія [1]). Какъ ни странно, но этотъ могущественный деспотъ былъ слабохарактеренъ, онъ пасовалъ, когда ему противорѣчили; онъ былъ остроуменъ, блестящъ, краснорѣчивъ только на бумагѣ или когда зналъ, что ему не будутъ возражать, но онъ не могъ спорить; какъ только ему противорѣчили, онъ впадалъ въ ярость и терялся. При такихъ условіяхъ расположеніе къ театральности сдѣлалось средствомъ оградить себя, пресѣчь всякое поползновеніе къ противорѣчію: всякій можетъ въ данную минуту вступить въ споръ, но кто же дерзнетъ прервать театральное представленіе? Таковъ былъ человѣкъ, занимавшій московскій престолъ до 1584 г.

Оцѣнка характера Іоанна Грознаго вызываетъ весьма большое разногласіе въ мнѣніяхъ историковъ. Одни дѣлаютъ его центральной фигурой всей до-петровской эпохи; проходя мимо его недостатковъ, мимо темныхъ сторонъ его царствованія, они подчеркиваютъ его способности, которыя проявлялись, когда жестокость и подозрительность бывали усыплены; для нихъ Іоаннъ IV столпъ московскаго періода, Петръ Великій, которому исторія отказала въ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Другіе не видятъ въ немъ ничего, кромѣ безумнаго деспота, который втеченіе короткаго времени, въ началѣ царствованія, уступилъ вліянію нѣсколькихъ хорошихъ совѣтни-

---

[1]) К. Аксаковъ, одинъ изъ главныхъ представителей славянофильства, первый обратилъ вниманіе на эту сторону Іоаннова характера.

ковъ и любящей жены, а послѣ того не выказывалъ ничего, кромѣ жестокости и лицемѣрія; эти дѣлаютъ изъ него русскаго Нерона, хуже римскаго, потому что онъ былъ христіанинъ, по крайней мѣрѣ жилъ въ христіанскія времена и исповѣдывалъ христіанство. Человѣкъ, который можетъ быть оцѣниваемъ столь различно, представилъ бы интересный предметъ для психологическихъ изслѣдованій, кто бы онъ ни былъ по своему положенію; но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ государемъ,—государемъ, предки котораго представляютъ постепенное возрастаніе монархическаго самосознанія, дѣдъ котораго самимъ главою церкви былъ названъ «самодержецъ», и который самъ, считая себя высшей точкой этого историческаго восхожденія, принимаетъ титулъ «Царя всея Россіи». Характеръ, какъ таковой, въ данномъ случаѣ становится второстепеннымъ вопросомъ, главное дѣло—какія стороны человѣка сказались въ государѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ богато-надѣленныхъ людей, которые заключаютъ въ себѣ задатки всякаго рода развитія; природа какъ будто одинаково снабдила ихъ и на добро, и на зло, не настоявъ съ своей стороны ни на какомъ предпочтеніи: реализація ихъ характера будетъ слѣдствіемъ ихъ собственнаго выбора—смотря по тому, дадутъ ли они перевѣсъ способностямъ или инстинктамъ [1]). Въ дан-

[1]) «И чѣмъ душа человѣка огромнѣе, чѣмъ способнѣе къ впечатлѣніямъ добра, тѣмъ глубже падаетъ она въ бездну преступленія, тѣмъ больше закаляется во злѣ. Таковъ Іоаннъ». Бѣлинскій т. II.

номъ случаѣ психологія можетъ приводить смягчающія обстоятельства,—исторія записываетъ неумолимый приговоръ народнаго суда. Прискорбно, что естественный ростъ только что окрѣпшаго государства былъ пресѣченъ вмѣшательствомъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ не нормальнаго. Сведя интересы внутренней политики къ вопросамъ личной безопасности, онъ пріостановилъ историческое развитіе страны; убивъ въ припадкѣ гнѣва своего старшаго сына Іоанна, онъ вызвалъ прекращеніе своей династіи; оставивъ престолъ своему второму сыну, слабому и бездѣтному Ѳеодору [1]), онъ подготовилъ тѣ страшныя испытанія, которыми Россіи пришлось искупить его грѣхи. Не много эпохъ въ исторіи представляютъ нагроможденіе такихъ ужасныхъ бѣдствій, какъ тѣ, которыя обрушиваются на Россію послѣ его царствованія. Три самозванца, подъ именемъ Димитрія (малолѣтняго сына Іоаннова, погибшаго подъ ножемъ убійцы) [2]), нашествіе поляковъ,

---

[1]) Трогательный образъ представляетъ этотъ послѣдній отпрыскъ Рюрикова дома; но времена были слишкомъ трудны, и событія требовали болѣе сильнаго и твердаго царя, чѣмъ тотъ, о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ всю жизнь презиралъ земное величіе и думалъ лишь о небесномъ царствѣ. Описаніе вѣнчанія на царство Ѳеодора Іоанновича И. Гаррисомъ: приложеніе № 1 къ «Russia at the close of the XVI century» Bond. Трагедія Гр. А. Толстого «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ»—въ нѣмецкомъ переводѣ Г-жи Павловой. Dresden 1869.

[2]) Объ этихъ временахъ: Prospère Mérimée «Les faux Démétrius», Paris 1853. Первый Лжедимитрій неоднократно бывалъ

разореніе Москвы, разбойничьи шайки и возрастающее безначаліе междуцарствія, наполняютъ собой пятнадцатилѣтній промежутокъ отъ смерти послѣдняго царственнаго потомка Рюрика до избранія перваго Романова въ 1613 году [1]). Грозный царь пронесся надъ землей, но оставилъ глубокую борозду: много лѣтъ понадобилось странѣ, чтобы заровнять ее и оправиться отъ потрясеній его царствованія.

И со всѣмъ тѣмъ, мы восхищаемся Іоанномъ Грознымъ. Ни однимъ изъ нашихъ государей не занимались такъ много художники. Пока наука обсуждала большее или меньшее его достоинство съ точки зрѣнія исторической нравственности, искусство, жадное до всего живописнаго, овладѣваетъ образомъ этого сказочнаго деспота, дворецъ котораго представляетъ сочетаніе буйныхъ пиршествъ въ роскошной рамкѣ византійскаго блеска и церковныхъ пѣснопѣній и обрядовъ въ мрачной обстановкѣ

предметомъ драматической обработки (съ бо́льшимъ или меньшимъ соблюденіемъ исторической правды). Schiller «Demetrius». Gen. Alexander «Dramatic sketch from Russian history» London 1876. Съ русскаго: Soumarokov «Demetrius, the imposter», tragedy. London 1806. Poushkin «Boris Godounoff» trad. par Tourgenieff et Viardot. Paris 1862.

[1]) Любопытное современное сочиненіе голландскаго путешественника: «Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publiée pour la première fois d'après le Mr hollandais original de 1610 avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par le Pr. Michel Obolensky et M-r le Dr A. Van der Linde» 2 vols. Bruxelles 1866.

монастырскаго воздержанія. Его тощая фигура въ монашеской рясѣ, его орлиный носъ, его маленькіе пронзительные глаза, бархатная скуфья, костлявые пальцы, сжимающіе знаменитый желѣзный посохъ, которымъ онъ раскроилъ черепъ своему сыну, большой наперсный крестъ и открытая библія на колѣняхъ, увѣковѣчены и переданы потомству въ живописи, ваяніи, поэзіи, драмѣ [1]). Такимъ образомъ тотъ, кто при жизни внушалъ лишь трепетъ и ненависть, вдругъ, сквозь отдаляющее разстояніе вѣковъ и преломляющую призму искусства, становится предметомъ восхищенія. Есть нѣкоторое возмѣщеніе въ томъ обстоятельствѣ, что человѣкъ, такъ любившій показную сторону жизни, сдѣлался столь плодотворнымъ артистическимъ сюжетомъ послѣ своей смерти. Какъ свѣтъ пронизываетъ косный кусокъ угля и превращаетъ его въ алмазъ, такъ искусство овладѣваетъ иногда самыми темными сторонами жизни, пронизываетъ ихъ и преображаетъ до того, что возводитъ ихъ, по выраженію Гоголя, «въ перлъ созданія»...

Бросимъ бѣглый взглядъ на просвѣщеніе въ этотъ длинный промежутокъ времени отъ татарскаго нашествія въ 1224 г. до избранія перваго Рома-

---

[1]) «Смерть Іоанна Грознаго», трагедія Гр. А. Толстого. (Англійскій переводъ: I. H. Harrison. London 1869. Нѣмецкій переводъ: C. Pavloff. Dresden 1868). Прекрасная характеристика Іоанна Грознаго въ его же повѣсти «Князь Серебрянный» (Англійскій переводъ: Capt. Tilmore). О Гр. А. Толстомъ: A. de Gubernatis «Il Conte Alessio Tolstoy». Firenze 1874.

нова въ 1613 г. Злополучная страна, отданная судьбой во власть азіатскихъ кочевниковъ, казалось, сосредоточила всѣ свои жизненныя силы на борьбѣ со врагомъ; и когда пробилъ часъ освобожденія, просвѣщенье стояло на томъ же уровнѣ, если не ниже, какъ и въ часъ порабощенія. Монастыри продолжали свою работу, переводили, списывали, но работа ихъ не выходила за узкіе предѣлы христіанскаго византизма. Были люди, по тогдашнему, просвѣщенные среди духовенства и при дворѣ, но просвѣщеніе ихъ носитъ удручающій характеръ безплодія; наука сводилась къ извѣстному числу книгъ, просвѣщеніе ума—къ изощренію памяти: таково представляется просвѣщеніе Іоанна Грознаго, а онъ былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ. Слово «наука» даже не употреблялось, а вмѣсто него узкое и мелкое слово «хитрость». Бывали попытки перевезти ученыхъ или мастеровъ изъ западной Европы,—мы видѣли какъ грустно онѣ кончались. Въ концѣ XVI столѣтія нѣсколько русскихъ юношей было отправлено за границу съ образовательными цѣлями, они не вернулись на родину...

Въ 1563 году Іоаннъ Грозный, при содѣйствіи митрополита Макарія и ученаго грека, Максима (друга Венеціанца, Альдуса Мануція), основываетъ первую русскую книгопечатню [1]). Выдающійся чело-

---

[1]) Первая книга, напечатанная въ Россіи, — «Дѣянія св. Апостолъ» (1564 г.).

вѣкъ того времени—вышеупомянутый князь Курбскій, обмѣнявшійся знаменитой перепиской съ Іоанномъ Грознымъ. Кромѣ этихъ писемъ (въ которыхъ онъ выказываетъ гораздо больше правильно воспринятаго просвѣщенія, чѣмъ его царственный противникъ), онъ оставилъ «Исторію князя великаго московскаго о дѣлѣхъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима». Это первый опытъ прагматической русской исторіи [1]). Другой современникъ Іоанна IV, попъ Сильвестръ, оставилъ любопытный памятникъ,—руководство къ домашней жизни подъ заглавіемъ «Домострой», смиренное въ отвлеченныхъ сужденіяхъ и деспотичное въ житейскихъ предписаніяхъ. Митрополитъ Макарій заканчиваетъ великую работу своей жизни—житія святыхъ, трудъ не лишенный своеобразной прелести. Эпическая пѣснь, «Задонщина», внушена Куликовскимъ сраженіемъ, первой русской побѣдой надъ татарами, но, несмотря на явное подражаніе «Слову о Полку Игоревѣ», она лишена художественныхъ достоинствъ.

Такъ малочисленно и малоцѣнно умственное наслѣдіе тѣхъ временъ. Но мы не должны забывать, что разсмотренная нами эпоха начинается съ татарскаго порабощенія. Есть историки, которые на-

---

[1]) Она начинается съ дѣтства Іоанна Грознаго и доведена до 1578 года. Главная ея мысль та, что грозный царь былъ добръ и мудръ, пока былъ окруженъ добрыми совѣтниками.

ходятъ, что Россія не много потеряла отъ татарскаго ига: въ концѣ концовъ она де не была настолько отторгнута отъ цивилизаціи, что пошла назадъ, она лишь осталась на мѣстѣ. Они не сознаютъ, какъ жестоко погрѣшаютъ противъ исторіи, когда такъ говорятъ: въ исторіи не бываетъ, не можетъ быть остановокъ; тѣмъ самымъ, что народъ не подвигается впередъ, онъ уже уходитъ назадъ, ибо другіе народы идутъ и не дожидаются. Подумайте только, что́ въ это самое время происходило въ западной Европѣ, съ какой быстротой и какими богатырскими шагами подвигался человѣческій умъ на пути завоеваній, и вы поймете, какъ далеко позади была оставлена эта страна и какое невѣроятное усиліе потребуется отъ нея, чтобы нагнать общее движенье. Мы сейчасъ дошли до 1613 года. Помните, что въ это время происходило въ остальномъ мірѣ, чьи имена сіяли по ту сторону нашей границы? Въ Англіи—Шекспиръ и Бэконъ; во Франціи—Раблэ, Монтэнь, и Дэкартъ уже родился; въ Испаніи — Сервантэсъ, Лопэ-де-Вега, Кальдеронъ де-ла-Барка; въ Италіи — Галилей и тотъ сонмъ живописцевъ, писателей, зиждителей, ученыхъ, изъ которыхъ одного было бы достаточно, чтобы составить славу страны и гордость вселенной. То было время, когда греческая древность, сіяя вѣчной юностью своей неувядаемой красы, уже давно возстала съ благодатной почвы Италіи, и, съ новымъ, еще невиданнымъ выраженіемъ въ глазахъ, увѣнчанная мисти-

ческими цвѣтами христіанской поэзіи, уже давно разсѣяла мракъ среднихъ вѣковъ и зажгла свѣточъ «возрожденія». То было время, когда безстрашная грудь европейскихъ судовъ, разсѣкая волны далекихъ океановъ, проникала за неизвѣданные небосклоны и приставала къ берегамъ дѣвственныхъ материковъ.... Все это время Россія оставалась на заднемъ планѣ всемірной исторіи. Не всѣ заразъ призываются къ участію въ великомъ дѣлѣ мірового просвѣщенія, но, если не всякій помогалъ рыть колодезь, то каждый имѣетъ право пить изъ него,—Россіи пришлось завоевать себѣ даже это право. Мы разсмотримъ въ слѣдующій разъ условія, которыя сдѣлали изъ этого завоеванія самое трудное изъ всѣхъ ея завоеваній.

А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи для благосостоянія вашего.

Изъ приказа по войскамъ передъ Полтавской битвой.

Лекція IV (1613—1725).

Время первыхъ Романовыхъ. Патріархъ Никонъ и пересмотръ церковныхъ книгъ. Пробужденіе критической мысли. Внѣшнія вліянія и внутренняя реакція. — Московскій дворъ. Предшественники. — Петръ Великій. Его историческій образъ. Преобразованіе, его пріемы и духъ. — Потомство и современники. Царевичъ Алексѣй. Смерть Петра. — Раздвоеніе народной оцѣнки. Къ чему междоусобная полемика на чужестранной почвѣ?

Есть личности въ исторіи, имена которыхъ горятъ такимъ блескомъ, что они не только озаряютъ собой послѣдующія времена, но бросаютъ свой свѣтъ на предыдущія эпохи; событія, непосредственно предшествующія ихъ появленію, какъ бы теряютъ ту собственную, самостоятельную цѣнность, какая принадлежитъ всѣмъ событіямъ, если смотрѣть на нихъ какъ на результатъ прошлаго, и пріобрѣтаютъ въ глазахъ потомства второстепенное значеніе вспомогательныхъ фактовъ; подумаешъ, что исторія обладаетъ даромъ предвѣдѣнія, и что событія пови-

нуются не столько внушеніямъ прошлаго, сколько притягательной силѣ будущаго. Одна изъ такихъ личностей—Петръ Великій: втеченіе болѣе полувѣка Россія носила Петра въ своихъ нѣдрахъ. Мы разсмотримъ поэтому времена первыхъ царей вновь избранной династіи, лишь поскольку они составляютъ «подготовительную» эпоху.

2-го Февраля 1613 года междуцарствію положенъ конецъ избраніемъ Михаила Романова [1]). Страна выбралась изъ «смутнаго времени», но напряженіе, котораго отъ нея потребовалось, чтобы избавиться отъ иноземнаго нашествія и разбойничьихъ шаекъ, истощило всѣ ея силы. Города были разрушены, села сожжены, поля опустошены, во многихъ мѣстахъ дома были завалены трупами. Народъ, изнеможенный, дошелъ до послѣдней степени раздраженія. Царствованія Михаила и сына его Алексѣя полны возстаній, бунтовъ и т. п.; и не мало мудрой заботливости требовалось со стороны первыхъ двухъ государей новой династіи, чтобы при такихъ условіяхъ залѣчивать народныя язвы. Внѣшнія обстоятельства, не болѣе чѣмъ внутреннія, способствовали успокоенію страны. Бывшее княжество Московское теперь простиралось къ востоку до самой границы Китайской имперіи, въ то время

---

[1]) Объ этомъ событіи: Ervin Bauer «Die Wahl Michael Feodorovitch Romanov's zum Zaren von Russland» (Historische Zeitschrift. Neue Folge. B. XX).

какъ на западѣ три существеннѣйшихъ вопроса его политической жизни, — присоединеніе балтійскихъ береговъ, возсоединеніе старыхъ русскихъ земель, отнятыхъ Польшей (такъ называемый «малороссійскій вопросъ»), и завоеваніе Крыма, послѣдняго независимаго татарскаго царства,—затягивали государство въ рядъ войнъ со Швеціей, Польшей и Турціей [1]). Сложивъ вмѣстѣ продолжительность войнъ, веденныхъ Михаиломъ и Алексѣемъ, мы получимъ за семьдесятъ лѣтъ ихъ царствованія тридцать лѣтъ войны. И со всѣмъ тѣмъ, такъ добросовѣстны были старанія этихъ первыхъ Романовыхъ, такъ искренни ихъ попытки успокоить страну и такъ обаятеленъ ихъ личный характеръ, что царствованія Михаила, Алексѣя и его старшаго сына Ѳеодора оставляютъ въ исторіи впечатлѣніе именно того, чего они добивались: покоя, отдыха, благоволенія. Иностранные современники Алексѣя не могли понять, какъ государь, облеченный неограниченной властью, могъ никогда не посягнуть ни на жизнь, ни на честь, ни на имущество хотя бы одного изъ

---

[1]) Уже въ эти времена мы должны искать начала «восточнаго вопроса». Первый представитель того мнѣнія, въ силу котораго историческое призваніе Россіи состоитъ въ освобожденіи южныхъ славянъ отъ турецкаго владычества, былъ нѣкій Крижаничъ, сербъ, поселившійся въ Москвѣ при Алексѣѣ Михаиловичѣ (О немъ: Louis Léger «Nouvelles etudes Slaves» 1-re série. Paris 1880. По тому же вопросу: A. Leroy Bealieu «Politique russe et panslavisme» Revue des deux mondes 15 Dec. 1876).

своихъ подданныхъ [1]). Хотя и нѣсколько оптимистичный, этотъ отзывъ императорскаго посла хорошо выражаетъ миротворящее впечатлѣніе, производимое этой краткой эпохой, заключенной между бурными превратностями междуцарствія и броженіемъ, вызваннымъ стремительностью петровскаго преобразованія.

Въ такой атмосферѣ возникли тѣ умственныя теченія, которыя предшествовали великой преобразовательной волнѣ; съ этого времени начинается постепенное пробужденіе критическаго духа, благодаря которому нововведеніямъ удалось укорениться въ сознаніи людей. Постараемся разобрать свойства той почвы, на которой этотъ критическій духъ выросъ и посмотримъ, на что собственно онъ былъ направленъ.

Какъ мы уже видѣли, духовенство и монастыри были средоточіемъ того узкаго византійскаго просвѣщенія, которое, еще болѣе съуженное трудностями перевода, составляло единственную духовную пищу всего предшествовавшаго періода. Съ этой самой церковной почвы началось и новое движеніе; хотя оно и приняло гораздо бо̀льшіе размѣры, чѣмъ предполагали его начинатели, хотя послѣдніе сами испугались безпредѣльности того пути, на который, ка-

---

[1]) Mayerberg «Iter in Moscoviam». Французскій переводъ: «Relaton d'un voyage en Moscovie» Leyde 1688 г., также въ «Bibliographie Russe et Polonaise» т. I и II.

залось, вышла критическая мысль, тѣмъ не менѣе именно въ церквѣ и въ страстныхъ церковныхъ преніяхъ того времени должны мы искать первыхъ зародышей послѣдующаго общественнаго и государственнаго преобразованія. Властный и честолюбивый образъ патріарха Никона становится центромъ, вокругъ котораго новое движеніе разгарается, а пересмотръ церковныхъ книгъ—фактическимъ толчкомъ, вызывающимъ броженіе.

Однажды, въ Успенскомъ соборѣ, самой большой и красивой изъ многочисленныхъ кремлевскихъ церквей, той, въ которой со времени Іоанна IV вѣнчаются на царство русскіе государи,—царь Алексѣй, окруженный своимъ дворомъ и безчисленной толпой народа, лежалъ въ ногахъ митрополита Никона, умоляя его не отказываться отъ принятія патріаршаго сана [1]). Это было въ 1642 году. Шесть лѣтъ спустя, въ томъ же Успенскомъ соборѣ, патріархъ Никонъ, отслуживъ обѣдню (на каковой обѣднѣ царь не присутствовалъ), сложилъ съ себя знаки патріаршаго сана, объявилъ народу, что онъ имъ больше не патріархъ и среди всеобщаго плача толпы вышелъ изъ собора и уѣхалъ въ одинъ изъ пригородныхъ мо-

---

[1]) Московскій митрополитъ Іовъ былъ поставленъ въ патріархи при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ въ 1589 году Іереміей, патріархомъ Константинопольскимъ. (См. Adelung «Der Griechische Patriarch Jeremias in Moscau. 1589». S.-Petersbourg 1840). Патріаршество въ Россіи было отмѣнено при Петрѣ Великомъ и замѣнено коллегіальнымъ учрежденіемъ, Св. Сѵнодомъ,—въ 1721 г.

настырей. Что произошло въ этотъ шестилѣтній промежутокъ? Свѣтская и духовная власть пришли въ столкновеніе; царю наскучили все возраставшія притязанія патріарха, который, опираясь на долголѣтнюю дружбу съ царемъ, понемногу присвоилъ себѣ санъ второго, духовнаго царя, и именовался великимъ государемъ. Мы не будемъ слѣдить за ходомъ событій этого захватывающаго эпизода нашей церковной исторіи. Никонъ, вызванный на церковный судъ предъ соборомъ русскаго духовенства подъ предсѣдательствомъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго [1]), былъ осужденъ за свое поведеніе, низложенъ изъ патріарховъ и провелъ конецъ своихъ дней въ отдаленномъ глухомъ монастырѣ [2]). Для насъ въ данномъ случаѣ интересно то, что тотъ же соборъ, который его осудилъ, принялъ предложенный имъ пересмотръ богослужебныхъ книгъ.

Благодаря постоянному переписыванію, въ текстъ богослужебныхъ книгъ не могло не прокрасться много ошибокъ и неточностей. До тѣхъ поръ пока книги были рукописныя, отвѣтственность всегда могла падать на переписчика, но когда онѣ стали печататься въ государственной церковной типографіи, то ошибки пріобрѣ-

---

[1]) Патріархи Константинопольскій и Іерусалимскій были приглашены, но были задержаны дѣлами своихъ епархій.

[2]) О Никонѣ: W. Palmer «The patriarch and the tsar» 6 vols. 1871—76. Любопытныя подробности ежедневной жизни у A. Brueckner «Des Patriarchen Nikon Ausgabebuch» (Baltische Monatschrift IV, 3, 4).

тали какъ бы своего рода законность. Уже давно ученые монахи изъ Греціи и изъ Кіева, гдѣ традиціи соблюдались строже, указывали московскому духовенству на опасность этихъ недосмотровъ. Никонъ одинъ изъ первыхъ отнесся къ вопросу съ подобающимъ вниманіемъ и приступилъ къ коренному пересмотру книгъ сообразно съ греческимъ текстомъ. Необходимость была настоятельная; до извѣстной степени было даже поздно. Значительная часть народа не захотѣла принять поправокъ: отвергнувъ никоновскій текстъ, они удержали старый и образовали такъ называемый «великій расколъ» русской церкви. Мы должны имѣть ввиду то почти догматическое значеніе, какое придавалось въ то время буквѣ писанія, чтобы вполнѣ измѣрить смыслъ Никонова преобразованія и его оффиціальнаго признанія: это было допущеніе критики въ область тѣхъ вопросовъ, которые до того считались недоступными для разума. И дѣйствительно, разумъ пробуждается къ дѣятельности. Новыя школы открываются при разныхъ монастыряхъ; въ нихъ греческій византинизмъ соперничаетъ съ латинской схоластикой. Планъ академіи одобренъ и утвержденъ царемъ Ѳеодоромъ, сыномъ Алексѣя, и приведенъ въ исполненіе (1633) при сестрѣ его Софіи, управлявшей въ малолѣтство Петра Великаго.

Необходимость ученія все съ большей силой встаетъ предъ сознаніемъ современниковъ. Та вѣра въ себя, которая отличаетъ всѣ народы, долго жившіе безъ общенія съ другими, поколеблена, и са-

мокритика уже поднимаетъ голосъ. Когда церковь подаетъ примѣръ самоисправленія, какъ же другимъ сторонамъ жизни оставаться въ неизмѣнномъ statu quo? «Что не возможно въ Россіи?—восклицаетъ современникъ,—повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное: не знаетъ купецъ грамотѣ и цыфири,—указомъ закрыть его лавку, пока не выучится». Важнымъ орудіемъ въ новомъ движеніи явился возрастающій наплывъ иноземнаго элемента. Знаменитая Нѣмецкая Слобода, которой скоро предстояло сдѣлаться любимымъ мѣстопребываніемъ молодого царевича Петра, быстро развивается и становится чѣмъ-то вродѣ живой энциклопедіи иноземнаго мастерства [1]). Иностранные люди, иностранные обычаи, иностранныя книги напрашиваются на сравненіе, а для многихъ становятся примѣрами для подражанія; малѣйшіе факты раскрываютъ безпредѣльность иноземнаго превосходства и глубину собственнаго невѣжества. Одинъ представитель духовенства, состоящій въ латинской перепискѣ съ иноземнымъ купцомъ въ Архангельскѣ, благодаритъ его за присылку латинскихъ книгъ; онѣ по его мнѣнію—«opera preciosissima... in quibus quot paginas revolvo, tot fructus colligo» [2]); и затѣмъ въ при-

---

[1]) О Нѣмецкой Слободѣ и вообще иностранцахъ въ Россіи: A. Brueckner «Die Europaeisirung Russland's» Gotha 1888, «Culturhistorische Studien» II Riga 1878.

[2]) «Цѣннѣйшія произведенія... въ которыхъ что ни страница—то сладкій плодъ».

падкѣ весьма извинительной зависти онъ прибавляетъ: «о сколь похвальны тѣ страны, которыя производятъ такія книги, или вѣрнѣе—мудрѣйшихъ и ученѣйшихъ авторовъ подобныхъ книгъ» [1]). Но не все духовенство думало такъ, и сильное противодѣйствіе противъ «новшествъ» сказывается въ церковной проповѣди того времени. Никонъ самъ при началѣ движенія смутился той быстротой, съ какой нововведенія наводняли домашнюю жизнь. Съ савонароловскимъ фанатизмомъ онъ предаетъ сожженію нѣсколько картинъ, разламываетъ органъ, изрѣзываетъ въ клочки ливреи, которыя одинъ изъ бояръ пошилъ своимъ слугамъ. Если таковы были чувства Никона, вы можете себѣ, представить, что думали тѣ, которые держались старыхъ книгъ, потому что считали Никона слишкомъ передовымъ. Въ одномъ сборникѣ духовныхъ наставленій мы читаемъ слѣдующія изрѣченія: «Богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію... люби простыню паче мудрости; высочайше себе не изыскуй и глубочайшаго себе не испытуй, а елико ти передано отъ Бога готовое ученіе, то содержи».

Вы видите, въ какихъ крайнихъ выраженіяхъ сказывалось различіе воззрѣній [2]). Борьба завязалась,

---

[1]) Димитрій, митрополитъ Ростовскій († 1709) къ Исааку Ванъ-деръ-Бургу. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, авторъ многихъ цѣнныхъ сочиненій. Въ его библіотекѣ, говорятъ, былъ первый въ Россіи экземпляръ Бэкона.

[2]) Сильнымъ протестомъ противъ Московскаго невѣжества является сочиненіе Григорія Котошихина «О Россіи въ царство-

участь Россіи зависѣла отъ исхода ея. Что окажется сильнѣе, что возметъ верхъ: просвѣщеніе или обскурантизмъ? Послѣдній составлялъ огромное большинство всей страны, первое — незначительное меньшинство московскаго высшаго класса. Но дворъ былъ на сторонѣ меньшинства; царь Алексѣй покровительствовалъ новому движенію, просвѣщеніе сдѣлалось правительственнымъ лозунгомъ,—и будущее Россіи было обезпечено.

Любопытную картину представлялъ московскій дворъ того времени. Кремль достигъ полнаго разцвѣта своей красоты: своеобразная прелесть его очертаній еще не была нарушена тѣми позднѣйшими надстройками, которыя портятъ его въ наши дни, и съ высокими крышами своихъ теремовъ, крашенными въ шашку, съ башнями и бойницами своей зубчатой бѣлокаменной стѣны, встающей надъ рѣкой, съ пестрымъ разнообразіемъ своихъ златоглавыхъ церквей и колоколенъ, уходящихъ въ небо и горящихъ на солнцѣ,—онъ представлялъ уже тогда то самое восхитительное зрѣлище, которое полтораста лѣтъ

ваніе Алексѣя Михаиловича». Служа въ «Польскомъ Приказѣ», онъ былъ хорошо знакомъ съ пріемами тогдашней администраціи. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ переселился въ Швецію и здѣсь написалъ свою книгу (1666—67), рукопись которой была найдена проф. Соловьевымъ въ Упсальскомъ университетѣ въ 1838 году. (До того времени сочиненіе Котошихина было извѣстно лишь по шведскому переводу: «Om Rysslands Stat, eller nägra Ryska Ceremonier ifräm Ryska öfversatt of H. K. M. Translator O. D. Barkhusen, 1682»).

позднѣе поразитъ Наполеона и, прервавъ мрачное теченіе его мыслей, заставитъ его на мигъ залюбоваться и забыться... Внутри этого кремля, въ этой твердынѣ изъ дворцовъ и церквей, гдѣ время дня обозначалось утренней, обѣдней, вечерней, гдѣ священнослужительскія ризы и царскія облаченія сливались въ непрестанной смѣнѣ церковнаго обряда и придворнаго обычая, странныя происходили вещи во второй половинѣ XVII столѣтія. Царь, его семья, его дворъ, увлекались новою забавой: въ дворцовыхъ покояхъ, въ присутствіи царя, нѣмецкая актерская труппа давала театральныя представленія подъ управленіемъ Готфрида Грегори, лютеранскаго пастора Нѣмецкой Слободы.

То было въ 1672 году, три дня послѣ рожденія сына, Петра; царь Алексѣй поручилъ пастору Грегори поставить и разыграть въ его присутствіи комедію. Первая пьеса была про Есѳирь и Артаксеркса, затѣмъ пошли: «Юдиѳь», «Іосифъ», «Адамъ и Ева» и др.; сперва по-нѣмецки, но потомъ отдали пастору русскихъ мальчиковъ на обученіе, стали играть уже въ русскомъ переводѣ, а наконецъ и первая оригинальная комедія была написана Симеономъ Полоцкимъ. Этотъ ученый монахъ былъ преподавателемъ царскихъ дѣтей и въ то же время придворнымъ поэтомъ. Его комедія, озаглавленная «Блудный сынъ», сохранилась въ весьма любопытномъ современномъ иллюстрированномъ изданіи. Авторъ «Блуднаго сына» принялъ очень дѣятельное

вѣева, такъ что недоброжелатели даже прозвали е
отцомъ нѣмцевъ. Онъ первый занялся театральны
дѣломъ въ ту пору, и съ его легкой руки приняли
ся въ кремлевскихъ палатахъ [1]. Въ его до
однажды царь Алексѣй встрѣтилъ красивую дѣвуш
которая остановила его вниманіе мягкостью пріемо
и блескомъ чернобровыхъ глазъ; то была воспита
ница Матвѣева—Наталія Кирилловна Нарышки
Царь былъ вдовецъ въ то время, она стала е
супругой и 30-го Мая 1672 года родила ему сы
Петра.

Въ такой обстановкѣ жили и росли дѣти цар
Алексѣя: умный и благородный Ѳеодоръ, управля
шій шесть лѣтъ послѣ смерти отца; властная, чест
любивая Софія, которая послѣ смерти Ѳеодор
въ 1682 г. правила именемъ малолѣтнихъ братьев
больной и слабоумный Іоаннъ и Ѳеодоровъ крес
никъ—курчавый, маленькій Петръ [2]).

---

[1]) Его сынъ, Сергѣй, былъ посыланъ Петромъ Великимъ в
качествѣ посла къ королевѣ англійской Аннѣ (1706). Ночь
21 Іюня 1708 года онъ подвергся нападенію на улицахъ Ло
дона и подалъ жалобу правительству. Дѣло дошло до парл
мента и вызвало постановленіе «о неприкосновенности пословъ
иныхъ представителей иностранныхъ державъ», утвержденно
королевой 21 Апрѣля 1709 г. Законъ, принятый конгрессомъ Сѣв
Амер. Соед. Штатовъ 30 Апрѣля 1790 года, есть лишь повторен
англійскаго закона, вызваннаго «непріятнымъ дѣломъ» (troubl
some affair, въ наши дни сказали-бы «инцидентомъ») Матвѣев

[2]) Петръ былъ тринадцатымъ ребенкомъ царя Алексѣя Ми
хайловича.

Я постарался обрисовать въ возможно бѣглыхъ чертахъ это любопытное время постепеннаго умственнаго освобожденія,—освобожденія отъ религіознаго фанатизма, отъ національной исключительности, отъ рабскаго повиновенія обычаямъ отцовъ. Интересная эпоха, которая несомнѣнно отмѣтила-бы крупную ступень въ исторіи народной эволюціи, если-бы не заслонила ея внезапная революція послѣдующей эпохи. Теперь принято,—среди тѣхъ, кто намѣренно умаляютъ Петра Великаго,—принято настаивать на этой подготовительной эпохѣ; не будучи въ состояніи оспаривать громадность его дѣла, противники нападаютъ на него съ тылу и утверждаютъ, что вся реформа была уже намѣчена его предшественниками, ему же оставалось лишь выполнить. Мы, хотя и бѣгло, но достаточно познакомились съ подготовительнымъ періодомъ, чтобы составить себѣ о немъ понятіе. Онъ представлялъ единичные случаи умственнаго пробужденія въ различныхъ областяхъ науки, мастерства, жизни общественной, но въ этихъ единичныхъ случаяхъ не жило сознаніе общей круговой зависимости, и сила, ихъ вызвавшая, была неспособна къ дѣятельному переходу изъ жизни личной въ народную. Петру предстояло эти единичные примѣры слить въ одно общее броженіе, усилить ихъ сознаніемъ коллективности, оживить ихъ непосредственнымъ примѣненіемъ къ потребностямъ народной жизни и размножить ихъ заразительною силой своего личнаго при-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

всемірномъ просвѣщеніи. Да, Петръ жилъ, и этого было довольно, это было все: его жизнь была единовременнымъ ростомъ этихъ трехъ измѣреній. И онъ началъ рано.

Мальчикъ, ставшій ревностнымъ другомъ и товарищемъ иноземныхъ мастеровъ Нѣмецкой Слободы, рано вышелъ изъ дѣтства; военныя игры съ боярскими дѣтьми и съ дѣтьми придворной челяди скоро преобразуются: то, что было игрушкой, становится строго обученнымъ войскомъ; сынъ конюха, Алексашка, со временемъ будетъ его свѣтлость князь Меньшиковъ, военный министръ, и будущій фельдмаршалъ князь Голицынъ уже въ рядахъ этой «потѣшной» арміи. Маленькія лодки на прудахъ подмосковныхъ садовъ слишкомъ ничтожны: переворачиваются вверхъ дномъ кладовыя, арсеналы, среди ржаваго оружія и всякой рухляди отыскивается старая шлюпка, ее приводятъ въ порядокъ, пускаютъ на воду,—прудъ недостаточно великъ. Петръ уѣзжаетъ на Переяславское озеро и на волнахъ любимой стихіи забываетъ все. Изрѣдка — нѣсколько спѣшныхъ строкъ къ матери: «Сынишка твой, въ работѣ пребывающій, Петрушка, благословенія прошу, а о твоемъ здравіи слышать желаю. А у насъ молитвами твоими здорово все; а озеро все вскрылось и суды всѣ, кромѣ большаго корабля, въ отдѣлкѣ» [1]).

---

[1]) «Письма и бумаги императора Петра Великаго». Изд. А. Бычкова, т. I, № 6.

«Въ работѣ пребывающій»! Съ семнадцати лѣтъ по самый день смерти это самоопредѣленіе останется за нимъ. 12 Сентября 1689 года всѣмъ играмъ положенъ конецъ; сторонники царевны Софіи и сторонники матери Петра дошли до кровопролитной схватки на самомъ кремлевскомъ дворѣ; царевна-правительница, только было намѣревавшаяся вѣнчаться царицей, низложена и удалена въ монастырь, Петръ и Іоаннъ остаются хозяевами положенія, но слабый Іоаннъ не идетъ въ счетъ,—царствованіе Петра Великаго начинается [1]).

Невозможно въ то ограниченное время, какимъ мы располагаемъ, представить размѣры и прослѣдить весь ходъ петровыхъ преобразованій; въ этомъ случаѣ я долженъ просить вашего содѣйствія. Мы подходимъ приблизительно къ срединѣ нашей работы; если въ предъидущихъ лекціяхъ мнѣ хоть сколько-нибудь удалось представить вамъ картину страны, я попросилъ бы васъ втеченіе послѣдующихъ лекцій по возможности сохранить ее въ памяти: разница выступитъ сама собой и обрисуетъ значеніе того, кто отмѣчаетъ грань обѣихъ эпохъ. Да даже, если я и не успѣлъ въ своемъ намѣреніи,

---

[1]) О Петрѣ Великомъ: Schuyler «Peter the Great». 2 vols. London. 1884. C. Sadler «Peter der Grosse als Mensch und Regent». St.-Pétersbourg. 1872. A. Brueckner «Peter der Grosse». Berlin. 1883. Объ эпохѣ: «Jwan Possoschkow. Ideen und Zustaende in Russland zur Zeit Peter's des Grossen». Leipzig. 1878. Bantisch-Kamensky «Age of Peter the Great's reign». London. 1851.

то просто-на-просто тѣ вопросы, которыхъ намъ придется касаться, заглавія одни, будутъ уже говорить за себя. Мы не упоминали до сихъ поръ о литературѣ, о наукѣ, объ искусствѣ, не говорили о жизни общественной, не прослѣживали развѣтвленій въ умственныхъ теченіяхъ, не подвергали сравнительной оцѣнкѣ разныхъ видовъ народнаго самосознанія; съ этой поры намъ придется касаться всего этого, а были бы мы надѣлены энциклопедической универсальностью,—мы бы должны были коснуться и горнаго дѣла, и инженернаго искусства, и ремеселъ, и торговли, и мануфактуръ и т. д. и т. д. Итакъ мы не станемъ приступать къ тяжелому изслѣдованію всѣхъ пружинъ и рычаговъ преобразованія, но нѣсколько замѣчаній о его механической сторонѣ все же необходимы.

Трудность при обзорѣ общаго хода преобразованій Петра, кромѣ ихъ разносторонности и многочисленности, заключается еще въ той ихъ единовременности, о которой мы упомянули выше: не видно порядка, не чувствуется плана, все приходитъ въ движеніе какъ-то заразъ. Тѣмъ не менѣе одна общая мысль можетъ быть прослѣжена въ каждомъ его отдѣльномъ мѣропріятіи, одна конечная цѣль: увеличеніе богатства страны; все, что не клонится къ этому прямо, есть либо средство, либо необходимое послѣдствіе. Однимъ изъ такихъ средствъ была война, средство не дешевое, но ожидаемыя выгоды были больше, нежели затраты.

Совсѣмъ своя, особенная, печать у этихъ похо-

довъ Петра Великаго; они не предпринимаются изза какого-нибудь запутаннаго дипломатическаго недоразумѣнія, или изъ простой территоріальной жадности,—всегда чувствуется практическая, жизненная цѣль впереди. Онѣ не обширны, земли, ради которыхъ онъ воевалъ, но зато это были: Азовскій портъ, какъ выходъ въ Черное море; Дербентъ на Каспіѣ и берега Балтійскаго моря. А самый процессъ войны, до какой степени онъ представляется инымъ, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ войнъ въ исторіи. Война совершенно теряетъ свой обычный характеръ народнаго бѣдствія; эти бодрые полки во вновь перенятыхъ мундирахъ, обученные иностранными унтеръ-офицерами, но предводимые русскими генералами, идутъ точно на состязаніе; пораженіе для нихъ точно не въ счетъ,—это лишь новый урокъ, и польза отъ урока никогда не заставляетъ себя ждать.

Первый Азовскій походъ окончился неудачно для Петра. Съ энергіей человѣка, сознающаго, въ чемъ его ошибка и какъ ее исправить, онъ бросается въ воронежскіе лѣса; двадцать шесть тысячъ плотниковъ поставлены на ноги,—царь самъ наблюдаетъ за работами: «Мы по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой». Отъ Ноября до весны выстроенъ флотъ; корабли спускаются по Дону, появляются передъ Азовомъ, городъ взятъ [1]),—урокъ пригодился.

---

[1]) Онъ былъ возвращенъ Турціи въ 1711 г. и окончательно присоединенъ при Аннѣ Іоанновнѣ.

Первое столкновеніе съ Карломъ XII шведскимъ, которое открываетъ знаменитую «Сѣверную войну», приводитъ къ ужасному пораженію подъ Нарвой съ потерей всей артиллеріи. Новый урокъ. Все поднято на ноги въ этотъ разъ: мужчины, женщины, монахи, священники по приказанію царя работаютъ надъ обмундировкой солдатъ; вновь заведенные литейные заводы работаютъ день и ночь, церковные колокола переливаются,—въ шестнадцать мѣсяцевъ готово триста пушекъ. Будущій фельдмаршалъ Шереметевъ становится во главѣ войска и идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ,—шведскія плѣнныя знамена развѣваются въ Кремлѣ. Петръ уѣзжаетъ на сѣверъ. Со своей новой артиллеріей онъ беретъ стоящую при истокѣ Невы крѣпость Орѣшекъ, даетъ ей нѣмецкое имя Шлиссельбургъ и на шестидесяти катерахъ спускается внизъ изслѣдовать устья рѣки. Вдругъ появляются три шведскихъ военныхъ корабля. Завязывается бой, корабли взяты, первое морское сраженіе выиграно,—мечта прадѣдовъ осуществлена; эта страна, втеченіе столькихъ вѣковъ изнывавшая по свободному морю, наконецъ утоляетъ свою континентальную жажду! 16-го Мая Петръ высаживается на берегъ; быстро сколачивается нѣсколько деревянныхъ домовъ, Петръ приказываетъ быть здѣсь городу, даетъ ему имя Петербургъ и уѣзжаетъ на югъ,—турецкія дѣла требовали его присутствія. Но великая борьба со Швеціей не кончена; другое страшное, но неизбѣжное столкновеніе должно было

придти. Оно пришло 27 Іюня 1709 года около Полтавы: «Сѣверная война» развернула самую сильную изъ своихъ картинъ на юго-западѣ. Непріятели сошлись въ четыре часа утра, къ одиннадцати шведы были смяты и обращены въ бѣгство; Карлъ XII, норвежскій герой, раненый, на носилкахъ, едва избѣгъ плѣна... Когда сто лѣтъ позднѣе Наполеонъ I, съ своей надменной вѣрой въ свою «звѣзду», спроситъ посланнаго императора Александра I: «Какой кратчайшій путь на Москву»,—Балашевъ почтительно отвѣтитъ: «Есть нѣсколько путей, Ваше Величество; Карлъ XII избралъ путь черезъ Полтаву».

Съ этого дня завѣса поднимается предъ глазами Европы и Россія вступаетъ на сцену всемірной исторіи. Но Петръ и тутъ видитъ прежде всего ближайшую практическую цѣль: «Вся непріятельская армія фаэтоновъ конецъ воспріяла. Нынѣ уже совершенно камень во основаніе С.-Петербурга положенъ съ помощью Божіею» [1]).

Кто взялъ бы на себя трудъ вникнуть въ исторію петровскихъ войнъ, тотъ увидѣлъ бы, какъ мало довѣрія заслуживаетъ пресловутое «завѣщаніе», въ которомъ Петръ Великій убѣждаетъ потомковъ ни-

---

[1]) Вольтеръ въ своей «Исторіи Петра Великаго»,—которая въ наши дни уже не имѣетъ научнаго значенія,—вѣрно опредѣлилъ отличительную черту войнъ Петра, замѣтивъ, что Полтавская битва—единственное во всемірной исторіи сраженіе, которое имѣетъ значеніе созидательное, а не разрушительное.

когда не покидать мысли о покореніи вселенной. Этотъ документъ, который по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ былъ сочиненъ по приказанію Наполеона I, когда онъ поднималъ всю Европу противъ Россіи [1]), представляетъ полную противуположность взглядамъ преобразователя на смыслъ войны. Но—«habent sua fata libella»: люди, ничего не знающіе о русской исторіи, *знаютъ* «завѣщаніе Петра Великаго», и это было первое, о чемъ меня спросили, когда я пріѣхалъ въ Японію: англійскія политическія брошюры взяли на себя трудъ распространить сей «историческій» памятникъ въ «царствѣ восходящаго солнца». Однако не будемте вступать на жгучую почву того, что нашъ философъ называетъ международнымъ людоѣдствомъ,—Петръ Великій дожидается, или, вѣрнѣе, не ждетъ; его шагъ и при жизни былъ таковъ, что приходилось бѣгомъ поспѣвать за нимъ, историческій его шагъ не менѣе быстръ и поспѣшенъ.

Мы видѣли, что войнами своими Петръ добивался одной цѣли: удлинить морскую границу своей страны, чтобы тѣмъ умножить торговыя сношенія своего народа съ другими [2]). Какого усилія стоило

---

[1]) Bergholz «Napoléon I, auteur du testament de Pierre le Grand» Bruxelles, 1863. Другіе приписываютъ Наполеону лишь распространеніе «завѣщанія». Нѣкоторые считаютъ авторомъ его извѣстнаго Chevalier d'Eon, тайнаго агента Лудовика XV при дворѣ императрицы Елизаветы. (Объ этой загадочной личности: Gaillardet «Mémoire sur la chevalière d'Eon»).

[2]) Въ 1722 году пристало въ Петербургѣ 116 иностранныхъ кораблей, въ 1724 г.—240.

выполненіе этого плана, можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ цифръ. При своемъ воцареніи Петръ унаслѣдовалъ недисциплинированное и плоховооруженное войско въ 200.000 человѣкъ; умирая (1725 г.), онъ оставилъ: регулярную армію въ 200.000 и нерегулярную въ 100.000 человѣкъ, флотъ въ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ съ экипажемъ въ 30.000 человѣкъ и—200 пушекъ. И со всѣмъ тѣмъ государственные доходы, которые въ 1710 году равнялись тремъ съ половиною милліонамъ рублей, поднимаются къ 1725 году до десяти милліоновъ; до Петра серебряной монеты было едва на полъ-милліона, при Петрѣ—свыше чѣмъ на пять милліоновъ [1]).

Такимъ образомъ, война была и средствомъ къ просвѣщенію и средствомъ къ обогащенію. Но были и другія, болѣе непосредственныя мѣропріятія, клонившіяся къ обогащенію страны. Онъ не только людей приводитъ въ движеніе,—онъ будитъ самую почву, онъ расталкиваетъ сонную землю: желѣзо, уголь, нефть,—всѣ естественныя богатства въ различныхъ концахъ государства заразъ вызываются на поверхность, для того чтобы, по выраженію одного изъ его указовъ, «Божье благословеніе втунѣ подъ

---

[1]) Отношеніе тогдашняго рубля къ нынѣшнему (1/2 доллара) равно 9 : 1.

По русской нумизматикѣ: Krug «Zur Muenzenkunde Russlands» St.-Petersbourg 1805. A. Brueckner «Das Kupfergeld in Russland». Riga 1863.

землей не оставалось». Пролагается система каналовъ, ведущихъ къ соединенію Невы съ Волгой, Балтійскаго моря съ Каспійскимъ [1]). Двѣсти пятьдесятъ фабрикъ открыто въ нѣсколько лѣтъ времени. Всевозможныя преимущества обнародываются для поощренія торговыхъ товариществъ и для привлеченія иностранныхъ купцовъ. Но дабы иностранная сила не брала перевѣсъ, русскіе ученики постоянно ѣздятъ за границу: русскіе учатся у иноземцевъ, но они всегда соблюдаютъ свое мѣсто, они сознательные ученики, не безпрекословные подмастерія. Русскіе солдаты были обучены нѣмецкими и шведскими унтеръ-офицерами, но битвы, гдѣ шведы были разбиты, велись русскими генералами. Царственный отрокъ, начавшій свое воспитаніе въ Нѣмецкой Слободѣ, сперва былъ ослѣпленъ превосходствомъ голландскихъ и нѣмецкихъ плотниковъ, онъ былъ ревностнымъ другомъ швейцарца Лефорта, раззорившагося Женевскаго банкира, который разсказывалъ столько дивъ о чужихъ краяхъ [2]), былъ почтительнымъ ученикомъ голландца Тиммермана, который первый показалъ ему употребленіе астролябіи;—но онъ отправляется за границу, на верфяхъ Саардама и

---

[1]) О трудахъ Петра Великаго по канализаціи: Wittenheim «Ueber Russlands Wasserverbindungen». Mitau und Leipzig. 1842. Stuckenberg «Beschreibung aller im Russischen Reiche gegrabenen oder projectierten Kanaele». S.-Petersbourg. 1841.

[2]) О немъ: D-r Moritz Posselt «Der General und Admiral Franz Lefort. Sein Leben und seine Zeit». 2 B. Francfurt a M. 1866.

Дептфорта онъ самъ становится чернорабочимъ, и, когда онъ возвращается домой со всѣмъ превосходствомъ государя, умѣющаго своими руками построить корабль до послѣдняго винта, его бывшіе друзья, имѣвшіе такую власть надъ юношескимъ воображеніемъ, теряютъ всю исключительность своего прежняго вліянія. Этотъ государь, котораго такъ много упрекаютъ за пристрастіе къ иностранцамъ, умирая оставляетъ государство въ однѣхъ русскихъ рукахъ.

Ученики возвращаются изъ-за границы, и вотъ заводятся новыя школы, все въ томъ же практическомъ духѣ. До того времени школы были какимъ-то придаткомъ къ монастырямъ; даваемое въ нихъ образованіе не считалось съ разнообразіемъ требованій жизни, оно было одно для всѣхъ и, за исключеніемъ первоначальной грамоты, состояло изъ наставленій нравственнаго свойства для спасенія души. «А мнѣ такія школы нужны,—восклицаетъ Петръ въ бесѣдѣ съ патріархомъ Адріаномъ, — изъ которыхъ бы во всякія потребы люди происходили, въ службу военную и гражданскую, знать строеніе и докторское врачевское искусство». И вотъ, во всѣхъ низшихъ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи духовенства, вводятся ариѳметика и геометрія. Затѣмъ слѣдуютъ среднія школы, однѣ—классическаго типа съ древними языками (для дѣтей духовенства), другія—съ математикой и нѣмецкимъ и французскимъ языками (для дворянъ). Надъ ними учреждаются еще спеціальныя техническія учебныя заведенія: въ Москвѣ—

медицинская школа при госпиталѣ [1]), «навигатская школа»; въ Петербургѣ—морская академія, инженерная школа.

На той же практической почвѣ, на которой стояла всякая его мѣра, была поставлена Петромъ новая система взиманія податей. Въ прежнее время была обложена податью вспаханная земля; это представляло то неудобство, что вліяло на уменьшеніе количества обрабатываемой земли. Въ XVII столѣтіи подать была снята съ земли и перенесена на усадьбу, но тогда, чтобы меньше платить, крестьяне селились въ возможно большемъ числѣ на одномъ дворѣ. Петръ Великій ввелъ «подушную»,—каждый платилъ за себя, и, такъ какъ количество обрабатываемой земли не вліяло на размѣръ подати, рабочая сила страны была возвращена землѣ.

Весьма значительны были военныя преобразованія Петра. До него дворяне, землевладѣльцы, были обязаны выставлять военную силу, потребную для государства, до нѣкоторой степени подобно тому, какъ было въ западной Европѣ въ феодальныя времена [2]). Съ Петра Великаго вербованіе арміи становится однимъ изъ отправленій государства, а дворянство поставлено на одну ногу съ другими сословіями. Такимъ образомъ, тотъ промежуточный

---

[1]) О медицинѣ въ Россіи до начала нынѣшняго столѣтія: Richter «Geschichte der Medicin in Russland». Moscau. 1813—1817.

[2]) О древне-русской военной организаціи: Brix «Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtung». Berlin. 1867.

періодъ между упадкомъ феодализма и введеніемъ правильнаго набора, который въ западныхъ государствахъ привелъ къ разнымъ видамъ такъ называемой «насильственной вербовки», былъ неизвѣстенъ въ Россіи. Въ то время какъ въ Австріи еще въ 1818 году издается указъ, запрещающій пользоваться церквами, какъ западнями для ловли рекрутовъ [1]), въ Россіи, благодаря реформамъ Петра, установлена правильная воинская система уже съ начала XVIII столѣтія [2]).

Основаніе сената въ 1711 году было важною мѣрой, вызванной главнымъ образомъ частыми отлучками Петра;—это высшая юридическая инстанція, имѣющая вмѣстѣ и высшій административный надзоръ надъ всѣми отраслями государственной дѣятельности.

Основанныя Петромъ «коллегіи» до нѣкоторой степени соотвѣтствовали нынѣшнимъ министерствамъ. Онѣ обязаны своимъ возникновеніемъ совѣту Лейбница [3]). Въ слѣдующихъ напыщенныхъ выраженіяхъ знаменитый германскій философъ объясняетъ полезность этого учрежденія: «Какъ въ часахъ одно

---

[1]) Meinert «Geschichte des Kriegswesens»; цитируетъ А. Ридигеръ «Комплектованіе и устройство военной силы». Петербургъ. 1892.

[2]) О воинской повинности въ Россіи: A. Leroy Beaulieu (Revue des deux Mondes, 1-er Janvier 1877).

[3]) M. Posselt «Peter der Grosse und Leibnitz». Dorpat und Moscau, 1843. W. Guerrier «Leibnitz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr.» S.-Petersbourg und Leipzig 1873.

колесо приводитъ въ движеніе другое, такъ и въ большой государственной машинѣ одна коллегія возбуждаетъ къ дѣятельности другую и, когда все будетъ находиться въ настоящей соразмѣрности и тѣсной гармоніи, тогда стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія». Безъ сомнѣнія авторъ «предустановленной гармоніи» зналъ, что́ онъ разумѣлъ подъ этими словами, и былъ движимъ трогательной вѣрой въ благодѣтельность преподаваемыхъ совѣтовъ, но не менѣе трогателенъ и этотъ монархъ, чернорабочій государственной практики, ожидающій помощи отъ выводовъ нѣмецкой умозрительной философіи... Коллегіи сосредоточивали въ себѣ военныя, финансовыя и иныя дѣла общегосударственнаго характера. Городамъ было дано самоуправленіе; государство было раздѣлено на губерніи подъ управленіемъ губернаторовъ. Ни одно изъ этихъ учрежденій не было подчинено другому,—всѣ зависѣли непосредственно отъ Сената. Такимъ образомъ, административный механизмъ, установленный Петромъ, представлялъ не іерархическую лѣствицу, а какъ бы кругъ учрежденій, тяготѣющихъ къ общему центру—Сенату, многоличному представителю единоличной монархической власти.

Таковы въ бѣглыхъ чертахъ мѣропріятія, или, скажемъ вѣрнѣе,—таково направленіе тѣхъ безчисленныхъ мѣропріятій, которыя съ ужасающей быстротой слѣдовали одно за другимъ внутри страны, пока на границахъ шла борьба ради морскихъ береговъ.

Въ 1721 году послѣдній актъ Сѣверной войны завершенъ,—это Ништадскій миръ, въ силу котораго все южное побережье Балтійскаго моря, отъ Петербурга до границы Курляндскаго герцогства, и часть Финляндіи отходятъ къ Россіи. Петръ Великій совершаетъ свой торжественный въѣздъ въ молодой городъ, который еще не сталъ столицей, но который государь уже называетъ «мой парадизъ» [1]). Сенаторы и министры ждали его возвращенія. 22 Октября, въ соборѣ св. Троицы, въ присутствіи царя, текстъ мирнаго соглашенія читается народу. Послѣ чтенія канцлеръ Головкинъ во главѣ Сената выходитъ на середину и отъ имени страны проситъ царя принять титулъ императора въ знакъ благодарности отъ тѣхъ, кто трудами его «изъ небытія въ бытіе произведены».

Таковъ былъ работникъ, такова работа. Въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы обрисовали ихъ такъ, какъ они представляются взгляду потомства; но какъ же взглянули на нихъ современники? Мы видѣли, что его непосредственные сотрудники поднесли ему титулъ императора, и мы видѣли въ какихъ выраженіяхъ: они свидѣтельствуютъ о проницательности по отношенію къ современнымъ историческимъ событіямъ и о способности къ синтетической оцѣнкѣ ихъ; но остальные? Остальные, тѣ, кто составляютъ

---

[1]) О Петербургѣ въ прошломъ столѣтіи: Reimers «Petersbourg am Ende seines ersten Jahrhunderts». S.-Petersbourg 1805.

огромную массу,—ничего не поняли, и нельзя не признать, что значительная доля вины лежитъ въ способахъ, которыми преобразованіе вводилось и даже въ самомъ преобразованіи. Отсутствіе заранѣе предначертаннаго плана оставляло народъ въ полномъ невѣдѣніи относительно цѣли того, что происходило передъ его глазами. Оффиціальная газета, издававшаяся по приказанію Петра, обнародывала факты, говорила о мѣропріятіяхъ, но не провозглашала системы, не давала плана; это видимое отсутствіе цѣли лишало дѣятельность царя всякой созидающей силы въ глазахъ народныхъ. Народъ видѣлъ ломку старыхъ порядковъ, но новые ускользали отъ его пониманія, а старое слишкомъ глубоко сидѣло, чтобы его уничтоженіе могло совершиться безболѣзненно. Преобразованіе было практично, клонилось къ матеріальному благосостоянію, никто не могъ оспаривать этого, но оно было слишкомъ практично, оно было *только* практично,—и вотъ, собственно, причина тѣхъ препятствій, какія оно встрѣтило къ болѣе широкому усвоенію. Чтобы заставить народъ принять практическую реформу, недостаточно показать ему единичные примѣры ея примѣненія, — нужно убѣдить его въ продолжительности и всеобщности ея пользы, а главное—заставить увѣровать въ превосходство того принципа, во имя котораго реформа навязывается. Но чтобы заставить людей *повѣрить*, чему бы то ни было, нужно тронуть душу;

для этого одного практическаго преподаванія не достаточно, — нужно нравственное воспитательно начало, а оно-то и отсутствовало въ дидактическо сторонѣ петровой дѣятельности. *Теперь* мы вѣрим въ него, потому что мы уже пріобрѣли то нрав ственное воспитаніе, которымъ онъ пренебрегъ в пользу того, что считалъ въ данную минуту болѣ существеннымъ, и, обогащенные этимъ нравствен нымъ воспитаніемъ, мы *теперь* одобряемъ его дѣло потому что мы заднимъ числомъ какъ бы пополняем его односторонность всѣмъ тѣмъ, чему научилис съ тѣхъ поръ. Но въ его время только тѣ немногіе которые уже были воспитаны, или же были одарен необыкновенными природными способностями, могл понимать его, и тѣ увѣровали въ него [1]). Обыча людей, убѣжденія, вѣрованія, не говоря уже о пред разсудкахъ, оскорблялись съ каждымъ новымъ мѣ ропріятіемъ: [2]) бритье бороды, такъ называемое «нѣ мецкое платье», новое лѣтосчисленіе съ Рождеств Христова вмѣсто сотворенія міра, перенесеніе новаг года съ Сентября на Январь, обязательное участі женщинъ въ общественныхъ увеселеніяхъ [3]),—вѣдь

---

[1]) О реформѣ Петра—современное сочиненіе Брауншвейг скаго резидента въ Петербургѣ: Weber «Das veraenderte Russ land» Franckfurt 1721. (Англійскій переводъ: London 1723).

[2]) Объ обычаяхъ того времени см. «Дневникъ Бернгольца» («Buesching's Magazin» XIX—XXII).

[3]) A. Brueckner «Bilder aus Russlands Vergangenheit» Leip zig 1887.

чтобы залѣчить подобнаго рода раны, матеріальныя блага безсильны, одно воспитаніе бы могло; но когда и какъ? Легко намъ въ концѣ XIX вѣка критиковать то, что дѣлалъ Петръ въ началѣ XVIII. Что могъ онъ въ краткое время человѣческой земной жизни? Какъ воспитать взрослое поколѣніе? Вмѣсто того чтобы терять время на ихъ воспитаніе, онъ *приказалъ* имъ дѣйствовать, какъ еслибы они были воспитанные люди. Одни повиновались, другіе роптали, но были и такіе, которые подъ видомъ послушанія скрывали противодѣйствіе. Всю жизнь приходилось Петру работать подъ непрестанной угрозой враждебныхъ элементовъ, точно змѣи, выползавшихъ изъ щелей разрушаемаго имъ зданія. И самый страшный заговоръ нашелъ онъ въ собственной семьѣ.

Алексѣй, сынъ первой жены Петра, Евдокіи Лопухиной, унаслѣдовалъ отъ матери ненависть къ преобразованію отца. Изъ монастырской кельи, гдѣ она сидѣла въ заточеніи, царица Евдокія не переставала натравливать сына. Но ему не нужно было подстрекательствъ. Онъ кается священнику, что онъ ненавидитъ отца и что часто ему приходитъ на умъ желаніе, чтобы отецъ померъ. «Богъ проститъ,— отвѣчаетъ священникъ,—мы и всѣ того желаемъ». Ужасенъ, страшенъ, шепотъ этой взаимной исповѣди, подслушенный исторіей... Однажды отецъ узнаетъ обо всемъ. Алексѣй бѣжитъ за границу, за нимъ погоня, но онъ успѣваетъ укрыться... Въ Неаполѣ, предъ чудной картиной роскошнаго за-

лива, онъ прожилъ свои послѣдніе часы свободы. Онъ былъ настигнутъ и привезенъ домой. Верховный судъ былъ назначенъ судить его; онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. «Но приговоръ, говоритъ современная оффиціальная исторія, не могъ быть исполненъ, потому что въ ту же ночь царевичъ скончался въ припадкѣ падучей». [1]).

Константинъ Великій убилъ своего сына Криспа; Фридрихъ Великій едва избѣжалъ смерти по приговору своего отца. Семейныя трагедіи—самые темные углы человѣческой жизни, но онѣ мрачны, какъ солнечное затменіе, когда случаются на престолѣ. Къ счастію, затменія временны; что бы было, еслибы они были постоянны? Что бы было, еслибы царевичъ Алексѣй унаслѣдовалъ отцу? Не будемъ испытывать таинственную бездну вѣроятностей: исторія и такъ достаточно таинственна... У великихъ характеровъ великія страданія. Какое большее страданіе можно придумать для человѣка, чѣмъ видѣть, что гигантскій трудъ его жизни подкопанъ его же сыномъ? Что за утонченную жестокость проявила судьба, воплотивъ мракъ невѣжества, противодѣйствіе предразсудка и незыблемость вѣковъ въ этомъ одномъ человѣкѣ, который, благодаря своему рожденію, могъ заразъ поразить сердце государя и сердце

---

[1]) О царевичѣ Алексѣѣ: A. Brueckner «Der Zarewitsch Alexis 1690—1718» Heidelberg 1880 E. Herrmann «Peter der Grosse und der Zarevich Alexei». Leipzig 1880. V-te M. de Vogüé «Le fils de Pierre le Grand». Paris 1875.

отца! Петръ страдалъ... Кто въ своей душѣ найдетъ всю совокупность струнъ, необходимыхъ для того, чтобы понять подобное страданіе? «Страдаю, говоритъ Петръ, а все за отечество, желая ему пользы; труденъ разборъ невинности моей тому, кому это дѣло не извѣстно. Богъ видитъ правду». Алексѣй оставилъ жену, нѣмку по происхожденію, принцессу Софію Бланкенштейнъ [1]) и малолѣтняго сына, будущаго Петра II.

Нравственныя испытанія и физическій трудъ подкосили силы Петра. Великій труженникъ, «въ работѣ пребывающій», палъ подъ тяжестью своей же работы. Мы сейчасъ видѣли, что́ это была за работа, мы видѣли эту лихорадочную дѣятельность, отъ одного описанія которой духъ занимается; но мы не можемъ себѣ представить, какимъ вихремъ была эта жизнь. Онъ всегда или отъѣзжалъ, или возвращался; отъ Астрахани до Архангельска, отъ Балтійскаго моря до Кавказа, онъ побывалъ въ каждомъ уголкѣ своего царства; а его постоянные указы, предписанія, разсылаемыя по всей странѣ и проникающія въ мельчайшія подробности практической жизни, дѣлали его вездѣсущимъ въ каждый часъ. Его отлучки были пожалуй еще страшнѣе, чѣмъ его присутствіе, потому что за ними слѣдовали возвращенія, а Богу одному извѣстно, что такое было для

---

[1]) О ней: Guerrier «Die Crouprinzessin Charlotte von Russland». Bonn 1875.

его сенаторовъ и министровъ—возвращеніе Петра Великаго. Когда однажды, провожая его при отъѣздѣ въ походъ, Сенатъ просилъ его приказаній, «я вамъ сказалъ: не спите,—отвѣчалъ онъ,—и повторяю, не спите и паки не спите». А всю жизнь онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто вокругъ него раздавался непробудный храпъ: будилъ, расталкивалъ безъ устали. Какъ могъ онъ среди этихъ хлопотъ находить время напр. на провѣрку переводовъ, которые дѣлались по его предписанію! Онъ разноситъ одного переводчика за слишкомъ буквальную передачу нѣмецкаго учебника фортификаціи: «Не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ; но точію его выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть». Втеченіе тридцати шести лѣтъ вся страна была на ходу, къ концу люди стали чувствовать усталость; точно передышка наступаетъ послѣ смерти Петра; работники отдыхаютъ, но дѣло не можетъ погибнуть, оно слишкомъ твердо заложено; и въ этомъ можетъ быть самый сильный признакъ громадности затраченныхъ Петромъ усилій, что и послѣ него страна уже не могла повернуть назадъ.

Въ Ноябрѣ 1725 года Петръ катался на яхтѣ по Невѣ, когда увидѣлъ сѣвшую на мель лодку; онъ бросился на помощь погибавшимъ, провелъ полъ дня въ водѣ, простудился, слегъ, и уже не вставалъ. Въ вихрѣ своей дѣловой жизни онъ, вѣроятно, мало думалъ о смерти; тутъ онъ попросилъ чернила и перо; онъ сталъ писать, но рука не по-

виновалась; изъ всего, что онъ написалъ, можно было разобрать лишь два слова: «отдайте все» [1]). Въ своемъ надгробномъ словѣ архіепископъ Новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ слѣдующія знаменательныя слова: «Оставилъ насъ, но не нищихъ и убогихъ; безмѣрное богатство силы и славы его, которое его дѣлами означилось, при насъ есть. Оставляя насъ разрушеніемъ тѣла своего, духъ свой оставилъ намъ».

Вторая жена Петра Великаго, Марѳа Скавронская, бывшая сперва въ услуженіи въ домѣ князя Меньшикова, позднѣе сдѣлавшаяся царской супругой, а послѣ смерти Петра—императрицей Екатериной I, была простая малообразованная женщина, но живаго характера, на руку Петру; она умѣла поспѣвать за нимъ, сопровождала его въ походы. Она родила Петру двухъ дочерей: Анну, впослѣдствіи герцогиню Голштинскую, мать будущаго Петра III, мужа Екатерины Великой, и Елизавету, будущую императрицу.

Мало вопросовъ въ исторіи сдѣлалось предметомъ такихъ ожесточенныхъ разногласій, какъ значеніе петровской реформы. Та двойственность впечатлѣнія, которая сказалась еще въ современникахъ, проникла и въ умы потомковъ, съ тою только разницей, что въ числѣ современниковъ Петра одни непросвѣщенные возставали противъ преобразованія,

---

[1]) На этихъ ли двухъ словахъ основывается пресловутое «Завѣщаніе», проповѣдующее: «возьмите все»?

осуждали преобразователя, отождествляя его даже съ антихристомъ,—въ наши же дни, люди образованные, серьезные изслѣдователи исторіи, ученые, которые живутъ результатами преобразованія, обращаютъ свою критику противъ него же.

Петра Великаго обвиняютъ въ томъ, что онъ совратилъ страну съ пути естественнаго развитія, что онъ попралъ народный духъ, для того чтобы насильно навязать иноземное просвѣщеніе западной Европы. «Онъ влюбился въ Европу», говоритъ одинъ изъ нашихъ критиковъ и осуждаетъ преобразователя за то, что тотъ подрубилъ подъ корень древо народной жизни и замѣнилъ его экзотическимъ растеніемъ, не пригоднымъ для нашей почвы [1]). Петръ осуждается за то, что сдѣлалъ изъ своей земли добычу иностраннаго нравственнаго владычества; за то, что онъ «повернулъ въ грязную улицу Нѣмецкой Слободы». «Но улицы Москвы,—справедливо замѣчаетъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдователей народнаго самосознанія,—были не менѣе грязны» [2]). За его пылкость, за его жестокость,

---

[1]) Данилевскій «Россія и Европа». Петербургъ. 1888. Въ противуположность этому можемъ привести скептическое мнѣніе, по которому реформа Петра могла быть осуществлена только въ странѣ, которая не имѣла исторіи и прошлое которой представляетъ совершенную tabulam rasam. (Чаадаевъ въ своей «Апологіи сумасшедшаго». 1837).

[2]) А. Н. Пыпинъ «Начатки новаго движенія». «Вѣстн. Евр.». Декабрь 1894.

люди часто приравнивали его къ Іоанну Грозному, но они проводили сравненіе между неравными величинами, забывая, что Іоаннъ построилъ свое царствованіе на своихъ дурныхъ инстинктахъ, тогда какъ Петръ строилъ свое согласно своимъ способностямъ и давалъ волю инстинктамъ лишь вслѣдствіе чрезмѣрнаго богатства своей черезъ край хватавшей природы. Его другіе личные недостатки, его нерадѣніе о внѣшней обстановкѣ своего сана, его невоздержность относительно вина, его попойки съ простыми матросами,—все приводилось какъ обвинительные пункты противъ него. Но, право, люди точно забываютъ, о какихъ временахъ они говорятъ! Возьмите записки маркграфини Байрейтской, сестры Фридриха Великаго, вы увидите, чтó происходило при дворѣ ея отца въ Берлинѣ въ томъ же XVIII вѣкѣ. А что сдѣлалъ толстый Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургскій, для того чтобы искупить свои жестокости? Но, онъ былъ животное, и объ немъ никто не вспоминаетъ, тогда какъ недостатки великаго человѣка заносятся и записываются, пока не образуютъ настоящій обвинительный актъ. Что бы общественному мнѣнію всегда выказывать такую строгость къ пороку, какую оно выказываетъ всякій разъ, когда порокъ соединенъ съ талантомъ! Исторія, къ счастію, основываетъ свои сужденія на иномъ мѣрилѣ: пылкость, даже жестокость государя, страшное напряженіе народныхъ силъ и хаотическое броженіе умовъ—это были роды, чрезъ которые новая Россія увидѣла свѣтъ.

Самыя сильныя обвиненія идутъ со стороны славянофиловъ [1]); эти сторонники славянскаго единства въ противовѣсъ латино-германскому міру, эти превозносители высокихъ духовныхъ преимуществъ, дарованныхъ «Святой Руси» предпочтительно предъ «гнилымъ западомъ», объявили Петра Великаго измѣнникомъ своему народу, своей странѣ и ихъ исторіи [2]). Намъ пора-де сбросить съ себя это рабское подражаніе западу, домой должно наконецъ повернуть развитіе русской жизни, давно «пора домой» [3]). До сего дня и, вѣроятно, навсегда, русскій мыслящій человѣкъ не можетъ держаться установленнаго мнѣнія о величіи Петра, безъ того, чтобы извѣстная партія не запихала его въ самый дальній уголъ того, что они называютъ «западничествомъ», и что въ послѣдней своей формѣ является уже однозначущимъ съ антипатріотизмомъ [4]).

---

[1]) О славянофилахъ: Mackenzie Wallace «Russia» vol. II, ch. XXVI. A. Leroy Beaulieu «L'empire des tsars et les russes» t. I, l. IV, ch. I. Gerebtsoff «Histoire de la civilisation en Russie» 2 vols. Paris 1858.

[2]) К. Аксаковъ.

[3]) И. Аксаковъ, передовая статья въ «Руси» послѣ катастрофы 1-го марта 1881 г. (смерть Александра II).

[4]) Въ 1861 году критикъ Аполлонъ Григорьевъ поздравлялъ свое время съ исчезновеніемъ двухъ противуположныхъ теченій—*западнаго* и *восточнаго* («Развитіе національной идеи въ нашей литературѣ послѣ смерти Пушкина»). Тридцать пять лѣтъ спустя мы видимъ, до какой степени преждевременно подобное утвержденіе было бы даже въ наши дни.

Что до меня, то я предпочитаю эту преувеличенную форму обвиненія: она заключаетъ въ себѣ зародышъ собственной несостоятельности, и, вовсе не уязвляя того, на кого направлена, падаетъ обезвреженная своимъ же собственнымъ безсиліемъ; я предпочитаю быть обвиненнымъ въ антипатріотизмѣ, чѣмъ исповѣдывать чувства, которыя нашъ философъ окрестилъ характернымъ наименованіемъ «зоологическаго патріотизма» [1]).

Если я остановился на этихъ двухъ теченіяхъ русской критической мысли, то не потому, чтобы я желалъ воспользоваться случаемъ вступить въ полемику съ нѣкоторыми изъ моихъ соотечественниковъ, но потому, что нахожу, что междоусобіе мысли есть важный показатель народнаго самосознанія и не должно быть пренебрегаемо иностраннымъ изслѣдователемъ. Народное самосознаніе во всѣхъ его проявленіяхъ является огромнымъ подспоріемъ для наблюдателя, болѣе того,—это, можетъ быть, единственный вѣрный источникъ для тѣхъ свѣдѣній, какія необходимы для адэкватнаго представленія о народѣ. Вы можете прочитать сколько хотите книгъ о томъ или другомъ народѣ, вы не ознакомитесь съ нимъ, пока не прочтете его собственныхъ книгъ. Какъ часто приходилось мнѣ слышать отъ иностранцевъ: «Да отчего же вы понимаете другихъ, и утверждаете, что васъ никто не знаетъ?». Пылкіе

---

[1]) Вл. Соловьевъ.

соотечественники въ этихъ случаяхъ обыкновенно восклицаютъ: «Потому что вы болѣе варвары, чѣмъ мы, которыхъ вы обвиняете въ варварствѣ!». Совсѣмъ не то; изъ двухъ образованныхъ людей, по пріятельски обсуждающихъ вопросы всеобщей исторіи, ни одинъ не варваръ, разница происходитъ отъ другой причины. Если Россія знаетъ другіе народы, то это потому, что она изучила ихъ исторію по ихъ же книгамъ (что, разумѣется, не помѣшало намъ написать и свои, послѣ того какъ, мы познакомились съ ихъ литературой), русская же исторія до сего дня знакома другимъ странамъ (большой читающей публикѣ) лишь по иностраннымъ сочиненіямъ. Мы не станемъ оспаривать, что наблюденіе есть важное образовательное средство, и многія науки могутъ имъ обходиться, однако исторія требуетъ сотрудничества двухъ встрѣчныхъ теченій: сужденія наблюдателя и самосознанія наблюдаемаго. Будетъ зависѣть отъ таланта историка разграничить ихъ впослѣдствіи силою своего критическаго взгляда, но, если народное самосознаніе не было принято имъ во вниманіе, трудъ изслѣдователя будетъ все равно что описаніе туриста: онъ можетъ изобличить много цѣнныхъ качествъ въ писателѣ, но онъ не разоблачитъ того, о чемъ онъ пишетъ, онъ броситъ свѣтъ на умъ и сердце, его, автора, но онъ не проникнетъ въ сердце изучаемаго предмета [1]).

---

[1]) Кто подвергнетъ сомнѣнію талантъ Мильтона или Вольтера? Тѣмъ не менѣе русская исторія перваго («A brief history

Вотъ почему мы съ особеннымъ интересомъ приступаемъ къ изученію слѣдующей эпохи. Нашъ XVIII вѣкъ есть ничто иное, какъ приведеніе реформы къ сознанію. До Петра Великаго Россія была предметомъ національнаго чувства, послѣ него она становится предметомъ національнаго мышленія. Съ будущаго раза намъ придется говорить о русской литературѣ.

---

of Moscovia» London 1682) и «Исторія Петра Великаго» второго останутся любопытными произведеніями каждая въ своей литературѣ, но онѣ не будутъ имѣть мѣста въ библіографіи русской исторической науки.

Мысль, однажды пробужденная, никогда уже не заснетъ.

Карлайль.

Въ тѣ времена злонамѣренный Дидеротъ волновалъ умы легкомысленныхъ французовъ.

Изъ стараго учебника.

Лекція V (1725—1796).

XVIII вѣкъ. Краткій очеркъ отъ Петра I до Екатерины II.— Академія наукъ. Татищевъ. Кантемиръ. — Ломоносовъ,—ученый, поэтъ. Русскій псевдоклассицизмъ. Сумароковъ. Тредьяковскій. Петровская реформа при Императрицѣ Елизаветѣ. — Восшествіе Екатерины Великой. Автографическій портретъ.—Французская философія въ Россіи. Литература. Державинъ. Сатира,— Императрица, Фонъ-Визинъ. «Недоросль». — На порогѣ нашего столѣтія.

Когда писатель, говоря объ умственномъ или литературномъ движеніи въ Россіи, упоминаетъ XVIII вѣкъ, въ умѣ читателя прежде всего рисуется царствованіе Екатерины II. Блескъ этого «виднаго» царствованія не единственная причина, почему имя императрицы какъ будто исчерпываетъ цѣлое столѣтіе. Петръ Великій, стоя на порогѣ двухъ столѣтій, хронологически принадлежитъ къ обоимъ; да кромѣ того, онъ не «воплощаетъ» свой вѣкъ; онъ скорѣе обо-

значаетъ историческій моментъ, нежели обрисовываетъ историческій періодъ; Петръ Великій —эра, не эпоха: образы, подобные ему, коренятся глубже и поднимаются выше своего времени, ихъ нельзя назвать представителями своего вѣка, и мы погрѣшили бы противъ исторіи, если бы стали прикладывать къ тѣмъ, кто создаетъ свой вѣкъ ту же мѣрку какъ къ тѣмъ, кто воплощаетъ свой вѣкъ. Несмотря на всѣ предшествовавшія ему «подготовительныя» явленія, несмотря на всѣхъ своихъ сотрудниковъ, которые такъ крѣпко привязываютъ его къ народной почвѣ, Петръ Великій принадлежитъ какъ бы къ высшимъ сферамъ историческихъ теченій, внѣ избитой тропы хронологической послѣдовательности; онъ такъ же мало показатель вѣка, какъ аэролитъ показатель геологической формаціи. Такимъ образомъ, въ памяти потомства Петръ не монополизируетъ XVIII столѣтіе, онъ опрастываетъ его въ пользу своихъ наслѣдниковъ. Среди послѣднихъ имя Екатерины Великой не боится соперниковъ. Ея личныя качества, блестящія дарованія ея сподвижниковъ, широкій масштабъ и авторитетность ея внѣшней политики, рядъ успѣховъ, одержанныхъ русскимъ оружіемъ на сушѣ и на морѣ,—естественно дѣлаютъ ее центромъ столѣтія. Ея одно царствованіе (1762—1796) равняется суммѣ царствованій всѣхъ ея предшественниковъ со смерти Петра Великаго.

Но, кромѣ этихъ историческихъ, національныхъ причинъ, есть причины болѣе общаго характера, въ

силу которыхъ время Екатерины стало какъ бы синонимомъ XVIII вѣка. Названіе въ этомъ случаѣ принимается не въ историческомъ, а скорѣе въ философскомъ значеніи, въ томъ самомъ значеніи, какое оно имѣетъ въ приложеніи къ западной Европѣ, въ частности къ умственному движенію Франціи. Дѣятельность русскихъ умовъ того времени представляла непосредственный откликъ на тогдашнюю французскую философію и литературу: энциклопедизмъ и псевдоклассицизмъ составляютъ отличительную черту времени, но *ими же* отмѣчено *то же* время и въ западной Европѣ. Независимо отъ теченія историческихъ событій въ различныхъ государствахъ, одинаковый духъ проходитъ въ области европейскаго мышленія,—и русская мысль испытываетъ вліяніе общаго вѣянія. Такимъ образомъ, несмотря на разницу между ужасами великой революціи съ одной стороны и усиленнымъ соблюденіемъ монархической неприкосновенности съ другой, европейскій «XVIII вѣкъ»—русскій «XVIII вѣкъ»;—это первое совпаденіе всемірной и русской хронологіи [1]).

Въ нѣсколькихъ словахъ набросимъ главныя историческія событія со смерти Петра Великаго въ 1725 г. до восшествія Екатерины Великой въ

---

[1]) Конечно, это совпаденіе слѣдуетъ принимать не иначе какъ съ оговорками, помня то, что критикъ зоветъ «неравенствомъ силъ, глубины и серьезности». (Алексѣй Веселовскій. «Западное вліяніе въ новой русской литературѣ». Москва 1896).

Прим. къ русск. изд.

1762 г. Послѣ двухъ-лѣтняго царствованія Екатерины I (супруги Петра I), вступилъ на престолъ Петръ II, внукъ Петра Великаго, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя. Съ 1730 до 1740—царствовала императрица Анна Іоанновна, герцогиня Курляндская, племянница Петра Великаго, дочь его старшаго брата. Она передаетъ престолъ своей племянницѣ, герцогинѣ Аннѣ Леопольдовнѣ Брауншвейгской [1]), которая царствуетъ именемъ малолѣтняго сына своего, Іоанна VI. Это мрачная эпоха нашей исторіи; заговоры, фаворитизмъ, иностранныя интриги, дипломатическіе подкупы, вызываютъ рядъ дворцовыхъ революцій [2]). Въ это тяжелое время, когда престолъ былъ окруженъ всевозможными иностранными проходимцами, національная партія сплотилась вокругъ женщины, жившей вдали отъ дѣлъ и въ политику не мѣшавшуюся. Уступая настойчивымъ увѣщаніямъ друзей, (среди которыхъ видную роль игралъ французскій посланный Де-ла-Шетарди), она наконецъ соглашается дѣйствовать. Въ ноябрьскую ночь 1741 года, она внезапно появляется въ казармахъ любимаго полка Петра Великаго. «Знаете ли вы, чья

---

[1]) Замужемъ за Антономъ Ульрихомъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ. Ея мать, Екатерина Іоанновна, замужемъ за Карломъ Леопольдомъ, герцогомъ Мекленбургскимъ, была старшею сестрой императрицы Анны Іоанновны.

[2]) Объ этой-эпохѣ: Winkelmann «Russland und Ernst Johannes Byron» («Baltische Monatschrift» B. XV. Heft 5). Современное сочиненіе: Manstein «Mémoire historic, politic et militaire sur la Russie». London 1772.

дочь предъ вами?», спрашиваетъ она. Громкое «ура!» раздается въ отвѣтъ, и дочь Петра Великаго съ торжествомъ входитъ въ Зимній дворецъ. Брауншвейгская принцесса низложена, малолѣтній Іоаннъ VI заключенъ въ темницу [1]), нѣмецкіе фавориты арестованы,—императрица Елизавета вступаетъ на престолъ. Она посылаетъ за границу за своимъ племянникомъ, сыномъ своей сестры Анны, бывшей замужемъ за Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ Голштинскимъ, и этотъ послѣдній мужской потомокъ Петра Великаго объявленъ наслѣдникомъ престола (будущій Петръ III) [2]). Онъ женится на принцессѣ Фридерикѣ Ангальтъ-Цербстской, которая чрезъ восемьнадцать лѣтъ будетъ Екатериною Великой.

Такова послѣдовательность историческихъ событій; разсмотримъ теперь характеръ той духовной жизни, которая была вызвана преобразованіемъ Петра.

По извѣстному выраженію Пушкина, Петръ Великій «открылъ окно въ Европу». Вся исторія русскаго просвѣщенія, собственно, представляетъ встрѣчу внутреннихъ народныхъ силъ съ тѣми умственными теченіями, которыя проникли къ намъ черезъ это окно.

---

[1]) О Брауншвейгскомъ семействѣ: A. Brueckner «Die Familie Braunschweig in Russland im XVIII Jahrhunderte». St.-Petersbourg. 1867.

[2]) Онъ равнымъ образомъ имѣлъ права на шведскій и на русскій престолы: по матери онъ былъ внукъ Петра Великаго, по отцу—внукомъ сестры Карла XII. Такимъ образомъ, Петръ III совмѣстилъ въ себѣ двухъ великихъ соперниковъ восемнадцатаго столѣтія.

Образъ Петра жилъ съ неослабной силой въ сознаніи его современниковъ и послѣдующаго поколѣнія; всѣ, кому пришлось работать среди того политическаго шатанія, какое наступило послѣ его смерти, черпали необходимыя силы лишь въ томъ нравственномъ подъемѣ, который однажды былъ вызванъ его мощнымъ мановеніемъ: оно, какъ бы по инерціи, продолжалось и послѣ него. Въ послѣдній годъ своего царствованія, Петръ издалъ указъ, которымъ предписывалось: «Учинить академію, въ которой бы учились языкамъ, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ, и переводились бы книги. Для художествъ и наукъ обыкновенно употребляются двоякаго рода учрежденія: университетъ и академія, но въ Россіи нельзя слѣдовать тому, что принято въ другихъ государствахъ; надобно смотрѣть на состояніе здѣшняго государства: одну академію нельзя учредить, потому что она не въ состояніи скоро распространять знанія въ народѣ; университеты также не для чего заводить, когда нѣтъ еще гимназій и семинарій; надобно, слѣдовательно, основать такое учрежденіе, которое бы изъ лучшихъ ученыхъ людей состояло; но эти ученые должны не только сами заниматься науками и двигать ихъ впередъ, но должны также обучать молодыхъ людей наукамъ публично, и потомъ нѣкоторыхъ людей должны при себѣ обучать, чтобы они потомъ могли, въ свою очередь, обучать первымъ основаніямъ всѣхъ наукъ». Эта программа поражаетъ насъ не

столько обширностью своей задачи, сколько необъятностью того пробѣла, заполненія котораго отъ нея ожидалось. Академія была открыта въ Петербургѣ послѣ смерти Петра, уже при Екатеринѣ I.

Первые ученые были нѣмцы [1]). Эти оффиціальные проводники западнаго просвѣщенія въ данномъ случаѣ насъ не интересуютъ: мы скорѣе заинтересованы въ тѣхъ, кто воспринималъ, нежели въ тѣхъ, кто пересаживалъ; кромѣ того, какъ бы почтенны и добросовѣстны ни были ихъ труды въ дѣлѣ «пересажденія» иноземной науки, ихъ доля участія въ дѣлѣ «насажденія» русской литературы могла быть лишь весьма незначительна. Говоря о «насажденіи», мы употребляемъ оффиціальный терминъ: «насажденіе изящныхъ искусствъ» стояло въ числѣ обязанностей академіи [2]). Но въ началѣ оно было какъ бы слито съ научною дѣятельностію; тотъ внутренній повелительный смыслъ петровой программы, который указывалъ на независимое развитіе лите-

---

[1]) Изъ нихъ самыми выдающимися были: Байеръ, Мюллеръ и Шлецеръ; они оказали цѣнныя услуги русской наукѣ въ геологіи, географіи, этнографіи, филологіи и исторіи. Мы упомянули въ своемъ мѣстѣ трудъ Шлецера о Несторѣ и лѣтописяхъ. Его автобіографія по-нѣмецки: «August Ludwig Schloezer's Oeffentliche und Privatleben von ihm selbst geschrieben» Goettingen 1802; его біографія, написанная его сыномъ,—Leipzig, 1828.

[2]) А. Н. Пыпинъ «Ломоносовъ и его современники» («Вѣстн. Евр». Мартъ 1895).

ратуры какъ таковой, былъ сознанъ лишь позднѣе; въ первое послѣпетровское время литературные памятники всѣ носятъ на себѣ печать того практическаго характера, которымъ, подъ вліяніемъ великаго преобразователя, отличались и всѣ сподвижники; его писатели прежде всего—союзники преобразователя, ихъ произведенія—проводники преобразованія. Небольшое число людей, весьма различныхъ по образованію и происхожденію, но связанныхъ общими умственными интересами, становятся «легатаріями»,—хранителями и распространителями духовныхъ завѣтовъ того, кто отошелъ, но отошедъ, «оставилъ намъ духъ свой». Домъ Ѳеофана Прокоповича, архіепископа Новгородскаго, былъ центромъ, гдѣ они собирались [1]). У этого духовнаго мужа, жившаго среди библіотеки въ 30.000 томовъ, была любимая поговорка, одинаково рисующая какъ его наклонности, такъ и его убѣжденія: «Uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria» [2]). Среди добрыхъ отношеній, которыя не могли не царить при соблюденіи подобныхъ правилъ, нѣмецкіе профессора, представители русскаго

---

[1]) Его біографія: Bayer (?) (Scherer «Nordische Nebenstunden». Francfurt und Leipzig 1776).

«Ѳеофанъ Прокоповичъ... былъ первымъ представителемъ новаго направленія—*секуляризаціи русской мысли*». (П. Морозовъ «Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель». Петербургъ 1880).

[2]) «Подобно тому какъ о хорошемъ винѣ не слѣдуетъ справляться, какой онъ страны, такъ о хорошемъ человѣкѣ не слѣдуетъ спрашивать—какая его родина и какая вѣра».

духовенства, работники на нивѣ родного просвѣщенія,—встрѣчались и обмѣнивались мыслями. Въ числѣ ихъ было два человѣка, записавшихъ свои имена, одинъ на первой страницѣ русской исторической науки, другой на первой страницѣ русской литературы.

Первый былъ Татищевъ. Въ молодые годы онъ выполнялъ по порученію Петра Великаго разныя геологическія и географическія изысканія[1]). Впослѣдствіи онъ занялся преимущественно исторіей; его трудъ, собственно, первый научный трудъ по отечественной исторіи, представляетъ положительную цѣнность въ смыслѣ изслѣдованія источниковъ; много памятниковъ, пропавшихъ въ позднѣйшее время, извѣстны намъ лишь по спискамъ Татищева. Въ особенности тщательно изслѣдованъ имъ до-монгольскій періодъ; списокъ лѣтописей и иныхъ памятниковъ доведенъ до Ѳеодора, сына Іоанна Грознаго.

Другой былъ князь Кантемиръ (1708—1744), по происхожденію молдаванинъ, но получившій образованіе въ Россіи. Сперва онъ былъ офицеромъ въ гвардіи, позднѣе, при императрицѣ Елизаветѣ, посломъ въ Лондонѣ и Парижѣ; человѣкъ широкаго образованія, знавшій по-гречески и по-латыни и

---

[1]) Первый географическій атласъ и первая карта Россіи были изданы Кириловымъ, секретаремъ Сената, въ 1734 г. О старыхъ русскихъ картахъ: D-r H. Michow «Die aeltesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie». Hamburg 1884.

говорившій на четырехъ европейскихъ и двухъ восточныхъ языкахъ. Этотъ преданный сторонникъ новыхъ идей посвятилъ свое перо распространенію ихъ и написалъ первые русскіе стихи. То были сатиры, направленныя противъ тѣхъ, кто по разнымъ причинамъ противодѣйствовали преобразованіямъ или, не понимая ихъ смысла, ударялись въ одно лишь внѣшнее подражаніе [1]). Ханжество, франтовство, мотовство, страсть къ наживѣ, осмѣяны и осуждены имъ. Сатиры Кантемира представляютъ интересный документъ, но лишены художественныхъ достоинствъ; тонъ ихъ дидактическій, тяжеловѣсный, языкъ неуклюжій. Хотя авторъ и занятъ вопросами чисто русскими, полными современнаго интереса, тѣмъ не менѣе, по собственному признанію, онъ идетъ по слѣдамъ Буало, Горація, Ювенала... Долго еще, почти вплоть до нашего столѣтія, будутъ русскіе поэты ступать по чужимъ слѣдамъ, и въ высокихъ каблукахъ французской реторики спотыкаться на скользкихъ подмосткахъ псевдо-классицизма: но настанетъ день, и они сознáютъ, что поэзія значитъ жизнь и что лѣса и долины родной земли и страданія и грезы народной души составляютъ болѣе богатый и болѣе достойный источникъ вдохновенія, чѣмъ миѳологическіе алтари и парики иностранной трагедіи. Литературныя формы приходили извнѣ,—

---

[1]) Французскій переводъ съ біографической замѣткой,— London 1749 (2-е изд. 1750). Нѣмецкій переводъ—Berlin 1752.

поэтическому творчеству предстояло хлынуть изъ почвы. Такъ точно и въ природѣ: живительный свѣтъ нисходитъ свыше, дѣятельная сила идетъ изъ земли. Русская земля еще не сказала своего слова. Она заговорила въ слѣдующемъ поколѣніи.

Въ холодную декабрскую ночь, въ одной деревнѣ надъ берегомъ Сѣверной Двины, тихонько пріотворилась дверь рыбацкой хижины; мальчикъ лѣтъ пятнадцати выскочилъ на крыльцо и пустился бѣгомъ по большой дорогѣ. Это было въ 1730 году; деревня звалась Холмогоры, мальчикъ звался Михаилъ Ломоносовъ, дорога вела въ Москву. Почему онъ бѣжалъ, и почему въ Москву? Онъ и самъ, пожалуй, не зналъ; но онъ прочиталъ три книжки: славянскую грамматику, ариѳметику и псалтырь въ стихахъ,—и онъ почуялъ за этими книжками цѣлый міръ невѣдомыхъ ему познаній; онъ видалъ въ Архангельской гавани,—когда ходилъ съ отцемъ на рыболовный промыселъ,—онъ видалъ чужеземные корабли, слышалъ чужеземную рѣчь, и онъ почуялъ, что за ними есть страны, народы, государства; онъ слышалъ въ дѣтствѣ о томъ царѣ, который умеръ всего пять лѣтъ тому назадъ и который ввелъ среди народа столько перемѣнъ: новую одежду, новые обычаи, свои русскіе корабли, школы съ удивительной грамотой,—и вотъ, бросивъ родительскій промыселъ, тайкомъ отъ отца, въ холодную декабрскую ночь онъ бѣжалъ въ Москву. Дорогой онъ присталъ къ обозу купцовъ, которые подобрали его и въ Январѣ доставили въ

тотъ городъ, гдѣ двадцать пять лѣтъ спустя ему предстояло основать университетъ. Благодаря неожиданному случаю, онъ принятъ въ Славяно-Греко-Латинскую академію; нѣсколько лѣтъ спустя онъ переходитъ въ Петербургскую академію, а когда въ 1736 г. три лучшихъ студента по выбору начальства командируются за границу,—Ломоносовъ въ числѣ трехъ.

Наступаютъ для него пять лѣтъ всевозможныхъ приключеній; тутъ и курсъ философіи у Христіана Вольфа въ Марбургѣ, и женитьба на дочери марбургскаго портного, и курсъ естественныхъ наукъ у Генкеля въ Фрибургѣ, неожиданное насильственное зачисленіе въ какой-то нѣмецкій полкъ, заключеніе въ Везельскую крѣпость, удачное бѣгство и наконецъ — благополучное возвращеніе на родину. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ вскорѣ получаетъ завѣдываніе физическимъ и географическимъ отдѣленіемъ академіи наукъ. Съ этой поры начинается трудовая жизнь, результатомъ которой были: основаніе русской науки, освобожденіе русскаго языка отъ тяжелыхъ устарѣлыхъ формъ и начало русской поэзіи.

Тяжелы были эти первые годы, плачевно было состояніе академіи въ то время. Многіе изъ лучшихъ нѣмецкихъ профессоровъ выбыли, оставшіеся враждовали съ русскими; личное честолюбіе и международная ненависть отравляли воздухъ храма науки. «L'académie sans académiciens, la chancellerie sans

membres, l'université sans étudiants, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède» [1]). Въ такихъ выраженіяхъ описываетъ секретарь академіи положеніе вещей, и при такихъ условіяхъ приходилось Ломоносову приниматься за работу. Но нравственная энергія, имѣвшая силу извлечь его изъ мрака его прежняго состоянія, не могла остановиться предъ подобнаго рода препятствіями. Кромѣ того, восшествіе императрицы Елизаветы, торжество русской партіи и личное расположеніе къ нему дочери Петра Великаго въ значительной степени исправили его положеніе.

Работа Ломоносова дѣлилась между естественными науками и литературой, но эти два слова скорѣе выражаютъ направленіе его дѣятельности, ихъ не достаточно для обозначенія ея результатовъ. Пушкинъ называетъ Ломоносова: «нашъ первый университетъ»; какую лучшую характеристику его образа можемъ мы дать? Онъ былъ въ области умственной жизни какъ разъ тѣмъ, чѣмъ Петръ Великій былъ въ области практической жизни: та же самая способность воплощенія, отличавшая государя, отличаетъ и умъ этого ученаго, который въ одномъ себѣ сосредоточиваетъ научную дѣятель-

---

[2]) «Академія безъ академиковъ, канцелярія безъ секретарей, университетъ безъ студентовъ, и вообще путаница до сей поры неисправимая». А. Васильчиковъ. «Семейство Разумовскихъ» 4 т. Петербургъ. 1880 — 1887. (Французское изданіе А. Брикнера «Les Razoumowsky» 6 vols).

ность цѣлой эпохи, наполняетъ собой лабораторіи, фабрики, мастерскія, издаетъ этнографическія и географическія изысканія, отчеты о состояніи западной науки, историческія и филологическія изслѣдованія, составляетъ правила реторики и литературныхъ формъ, сочиняетъ оды, трагедіи и т. д. До сего дня научная оцѣнка не разобралась въ этой грудѣ универсализма. Одинъ изъ біографовъ Ломоносова говоритъ, что труды его были скорѣе образчиками, чѣмъ трудами, доведенными до конца [1]). Можетъ быть оно и такъ, но, если мы примемъ во вниманіе всеобъемлющій характеръ его ума, туманное состояніе тогдашней мысли и полнѣйшее невѣдѣніе относительно существованія отвлеченнаго міра науки, мы должны будемъ признать, что именно вышеупомянутая черта ломоносовской дѣятельности обусловливаетъ его заслугу предъ дальнѣйшимъ развитіемъ науки въ его странѣ. Мы не станемъ разсматривать его научной дѣятельности,—отмѣтимъ мимоходомъ отзывъ знаменитаго математика Эйлера, который ставилъ его работы такъ высоко, что выражалъ желаніе, чтобы «всѣ академіи были въ состояніи дѣлать открытія, подобныя тѣмъ, какія дѣлаетъ господинъ Ломоносовъ»,—и переходимъ къ его литературному значенію.

«Oratores fiunt, poëtae nascuntur», говоритъ древняя поговорка: «ораторы создаются, поэты ро-

---

[1]) Н. Любимовъ «Жизнь и труды Ломоносова». Москва. 1895.

дятся». Ломоносовъ не былъ рожденъ поэтомъ, но онъ положилъ сдѣлаться имъ. И такова была сила воли его, такова была свѣжесть этого языка, который онъ очистилъ отъ нѣмецкихъ варваризмовъ и освободилъ отъ церковно-славянской опеки, что онъ не только сдѣлался поэтомъ, но онъ остался первымъ поэтомъ своего времени. Онъ настроилъ русскую лиру на тотъ ладъ, который она продержитъ до конца XVIII столѣтія; его ближайшіе преемники обогатятъ гармонію, но не прибавятъ новыхъ струнъ.

Поэзія эта была все въ томъ же псевдоклассическомъ духѣ: какъ на аллегорическихъ гравюрахъ и медаляхъ [1]) того времени, такъ и въ стихахъ,— боги и богини греческой миѳологіи благопріятствуютъ успѣху русскихъ войскъ; Борей дуетъ на балтійскихъ берегахъ, нимфы купаются въ струяхъ Невы,—и все это олимповское населеніе приводится въ движеніе, для того чтобы прославить образъ Петра Великаго. Нельзя отрицать, что нѣчто могучее уже чуется подъ этими заимствованными одеждами; совершенно своеобразнымъ величіемъ дышатъ тѣ оды, въ которыхъ описанія сѣвернаго сіянія, восхода солнца, бури,—изобличаютъ спокойствіе высокаго духа, привыкшаго къ научному наслажденію созданіемъ Творца.

Мы сказали выше, что Ломоносовъ хотѣлъ сдѣ-

---

[1]) О русскихъ медаляхъ того времени: Ricaud de Tiregal «Médailles sur les principaux événements de l'empire de Russie». Potsdam. 1772.

латься поэтомъ; это могло бы ввести васъ въ заблужденіе, а потому оговоримся. Въ его поэтическихъ попыткахъ не было эгоистическихъ цѣлей,— какъ, впрочемъ, ни въ одной изъ отраслей его дѣятельности: онѣ всѣ стояли къ услугамъ его отечества. Онъ желалъ лишь одного,—чтобы Россія имѣла свою поэзію; для этого онъ прежде всего приготовляетъ языкъ: онъ изгоняетъ нѣмецкія слова, со времени Петра Великаго наводнившія словарь; когда его орудіе готово, онъ составляетъ правила и утверждаетъ законы стихотворства и, когда эта канва готова, тогда онъ рѣшаетъ, что у русскихъ должна быть поэзія, какъ у другихъ народовъ,—и онъ ее сочиняетъ. Такимъ образомъ, поэзія въ эти раннія времена не была потребностью души, она была однимъ изъ тѣхъ предметовъ, которые составляли преимущество чужеземныхъ народовъ, какъ наука, ремесла и пр., и Россія, конечно, не намѣрена отстать въ поэзіи: развѣ она не нагнала другія страны своей арміей, своимъ флотомъ? Почему же поэзія отстанетъ? Или языкъ не пригоденъ? Ломоносовъ пишетъ: «Карлъ пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелями, Италіанскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но еслибы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпан-

скаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Италіанскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка» [1]). И подобное орудіе устоитъ противъ Ломоносовскихъ правилъ, или окажется менѣе гибкимъ, нежели языкъ Расина и Корнеля?

И дѣйствительно, Россія получаетъ поэзію: правильную, безупречную,—какъ разъ такую, какую нужно, чтобы подойти подъ заграничный образецъ. Сумароковъ сочиняетъ трагедіи, Тредьяковскій сочиняетъ все что угодно, но за исключеніемъ тѣхъ немногихъ примѣровъ, о которыхъ мы упоминали выше, эта поэзія холодна, чопорна, оффиціальна. Она становится, точь-въ-точь какъ ея заграничный образецъ, принадлежностью утонченной жизни, украшеніемъ двора; она «поетъ» побѣды, восшествія на престолъ, рожденія принцевъ крови. И со всѣмъ тѣмъ, несмотря на свою напыщенность и оффиціальность, наша псевдоклассическая поэзія не въ состояніи скрыть нѣкотораго самодовольства; она какъ будто говоритъ: «Вы видите, мы русскіе, но и у насъ есть поэзія, совсѣмъ какъ у другихъ». И никакъ не разберешь, что это за неуловимая улыбка играетъ подъ неудобной маской: есть ли это національное самодовольство, или международное заискиваніе. Пройдетъ лишь пятьдесятъ лѣтъ еще, и въ

---

[1]) Въ посвященіи «Русской Грамматики» Великому Князю Павлу Петровичу. (Петербургъ. 20 сентября 1755 г.).

первые годы настоящаго столѣтія русскій поэтъ уже броситъ этотъ духъ соревнованія съ иноземными писателями, онъ будетъ пѣть, потому что ему поется, а не потому, что онъ хочетъ пѣть такъ же хорошо, какъ поютъ другіе, и, вмѣсто того чтобы говорить «мы русскіе, *но* и у насъ есть поэзія», онъ скажетъ: «мы русскіе, и *потому* у насъ есть *своя* поэзія». Но въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ, литература была предметомъ ввоза и при томъ лишь предметомъ роскоши; она коренилась въ почвѣ не глубже, чѣмъ пудренные парики на головахъ; она необходима, говорилъ Тредьяковскій, «какъ фрукты и конфекты на богатомъ столѣ послѣ тяжелаго обѣда». Наука обрѣталась не въ лучшей чести: она была сведена на степень слуги, обязаннаго откликаться на звонокъ правительства; академія—это сподручный словарь, указатель; академикъ — живая справка.

Послѣ этого, вы сами оцѣните значеніе Ломоносова, который первый, въ своемъ словѣ «о пользѣ химіи», заговорилъ о красотѣ; онъ первый русскій, испытавшій духовную радость отъ научнаго труда. Въ литературѣ онъ первый посмотрѣлъ на русскій языкъ не какъ на средство для облаченія чужестранныхъ формъ, а какъ на предметъ изученія, еще малознакомый, но неисчерпаемый источникъ самостоятельной силы и красоты. Онъ предсказываетъ, что ничто не будетъ недосягаемо для этого языка, ибо «ежели что точно изобразить не можемъ,—говоритъ онъ,—

не языку нашему, но недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуетъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море» [1]). По волнамъ этого «едва предѣлы имѣющаго моря» рыбацкій сынъ направилъ челнъ русской поэзіи.

Мы упомянули уже два другихъ литературныхъ имени того времени. Сумароковъ (1718—1777) былъ драматургъ болѣе плодовитый, чѣмъ талантливый; трагедіи его—русская исторія, облеченная въ мантію французскаго псевдоклассицизма [2]); но современники звали его русскимъ Рассиномъ [3]), а самъ онъ любилъ сравнивать себя съ маститымъ Фернейскимъ философомъ; въ одной изъ своихъ критическихъ статей онъ восклицаетъ: «Ужели Москва скорѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ!» (Предисловіе къ «Димитрію Самозванцу»). Тредьяковскій (1703—1769) былъ стихотворецъ еще

---

[1]) Ibid.

[2]) «Théâtre tragique d'Alexandre Soumarokov», trad. par M. L. Pappadopoulo 2 vols. Paris. 1801. «Demetrius the Impostor» tragedy. London. 1806.

[3]) «Потомство не такъ думаетъ... Уже ѳиміамъ не курится передъ кумиромъ; но не тронемъ мраморнаго подножія; оставимъ въ цѣлости и надпись: «Великій Сумароковъ»... Соорудимъ новыя статуи если надобно; не будемъ разрушать тѣхъ, которыя воздвигнуты благородною ревностью отцовъ нашихъ». (Карамзинъ. «Пантеонъ русскихъ писателей» 1802).

[illegible]

[illegible] Можетъ быть, послѣдовал[illegible] женщинъ на престолѣ [illegible] ослабленію той энергіи, которая был[illegible] сильною рукой Петра Великаг[illegible] и фабрики были школой петр[illegible] при его дочери онѣ смѣняются ф[illegible] ресторанами, цирюльнями. [illegible] на это ея отецъ, онъ, который, [illegible] однажды двумя нѣмецкими принц[illegible] Ганноверской и Бранденбу[illegible] любимое занятіе, вмѣсто всякаго [illegible] свои мозолистыя ладони? Тепер[illegible] стирало съ ладоней потомк[illegible] голландскихъ мозолей отцовъ. Оно [illegible]

[illegible] Если бы охота и прилежность могли замѣнит[illegible] то кто бы не превзошелъ Тредьяковскій въ стих[illegible] и краснорѣчіи» (Карамзинъ. Ibid).

ихъ утонченными, изнѣженными; военные корпуса стали похожи на танцовальныя академіи, кадеты давали театральныя представленія при дворѣ, императрица сама завѣдывала всѣми подробностями декорацій, костюмовъ, причесокъ и т. д. Среди этой нарядной болтовни, какъ вы и сами должны предположить, литературнымъ интересамъ было не много мѣста. Такимъ образомъ, французское вліяніе проникало въ большинство тогдашняго общества путемъ бездѣлія и свѣтской суеты. Лишь немногіе воспринимали его путемъ мышленія. Въ числѣ послѣднихъ была супруга наслѣдника престола, молодая великая княгиня Екатерина. «Если я вообще имѣю какія свѣдѣнія,—пишетъ она Вольтеру,—я обязана ими вамъ» [1]). Обстоятельства ея воцаренія хорошо извѣстны.

Императрица Елизавета умираетъ въ 1761 году, въ то время какъ русская армія, принимавшая участіе въ семилѣтней войнѣ, занявъ Берлинъ, надвигалась на прусскаго короля [2]). Благодаря ея смерти, коалиція «трехъ юбокъ», какъ Фридрихъ Великій называлъ императрицу Марію-Терезію, императрицу Елизавету и маркизу Помпадуръ, распадается. Герцогъ Голштинскій, императоръ Петръ III, наслѣдуетъ своей теткѣ и, какъ давнишній обожатель Фридриха,

---

[1]) A. Brueckner. «Catharina II». Berlin 1888.

[2]) Объ императрицѣ Елизаветѣ: Vandal «Louis XV et Elisabeth». Paris. 1882. Herrman «Der russische Hof unter Kaiserin Elisabeth» («Historisches Taschenbuch» 1882).

отзываетъ русскую армію [1]). Новаго императора ненавидѣли. Его грубость, его заносчивость, презрѣніе ко всему русскому и явное предпочтеніе, оказываемое своимъ голштинцамъ и всему нѣмецкому, а въ особенности прусскому, только еще больше способствовали къ тому, чтобы выставить достоинства императрицы. Юная принцесса Ангальтъ-Цербстская подготовила себѣ путь тихонько, но съ замѣчательной разсудительностью и выдержкой. «Я всегда была убѣждена, что лучше обладать сердцами всѣхъ, чѣмъ немногихъ; и этому обдуманному образу дѣйствій я обязана достиженіемъ той ступени, на которой вся Европа стала меня видѣть». И дѣйствительно, она обладала всѣми сердцами. Независимо даже отъ политическихъ соображеній, оскорбительное поведеніе императора со своей женой сдѣлало то, что всѣ были на ея сторонѣ. Когда же его прихоти и чудачества стали угрожать ея личной безопасности, то все, что имѣло власть и силу при дворѣ, высказалось за нее. Переворотъ былъ неизбѣженъ. «Мнѣ оставалось или погибнуть съ безумцемъ,—писала она нѣсколько лѣтъ позднѣе,—или спастись самой вмѣстѣ съ народомъ, который рѣшился избавиться отъ него».

---

[1]) О семилѣтней войнѣ: Frédéric le Grand «Oeuvres posthumes». «Histoire de mon temps» («Publicationen aus den Staatsarchiven». Berlin 1876. B. IV). Ranke «Der Ursprung des Siebenjaehrigen Krieges». 1871.

28 Іюня 1762 г. Екатерина была провозглашена императрицей; на другой день Петръ былъ арестованъ. Фридрихъ Великій говорилъ о своемъ поклонникѣ, что онъ сошелъ съ престола, какъ ребенокъ выходитъ изъ комнаты, когда его посылаютъ спать. 6 Іюля Петръ III заснулъ навсегда [1]). Когда императрица, потрясенная только что полученнымъ извѣстіемъ, сообщила его своей пріятельницѣ княгинѣ Дашковой, эта будущая президентша академіи наукъ [2]), мнившая себя главною виновницей переворота, воскликнула: «Слишкомъ рано для вашей славы и моей». До сихъ поръ потомство не совсѣмъ увѣрено, въ какой степени слава Екатерины должна быть омрачена своевременностью смерти Петра [3]).

---

[1]) О Петрѣ III «Die merkwuerdige Lebensgeschichte Peters des Dritten». Leipzig. 1773. A. Brueckner «Zur Geschichte Peters III und Catharina II» («Russische Revue» XI).

[2]) Ея мемуары—London. 1840. Нѣм. пер.—Hamburg. 1857.

[3]) О Екатеринѣ Великой: A. Brueckner «Catharina II». Berlin. 1888. Schloezer «Friedrich der Grosse und Catharina II». Berlin. 1859. Arneth «Joseph II und Catharina von Russland». Wien. 1869. Jouffret «Catharine II et son reigne». 2 vols. Paris. 1860. Valiszevsky «The romance of an empress». London. 1894. «The story of a throne». 2 vols. London. 1895 (оба—перев. съ французскаго). Bilbassow «Geschichte Catharinas» 2 B. Berlin. 1891—93. De Larivière «Catherine II et la révolution française». Paris. 1895.

Современныя сочиненія: Catherine II «Mémoires». London. 1859. Castera «Histoire de Catherine II» 3 vols. 1798. C-te de Ségur «Mémoires ou souvenirs et anecdotes» 3 vols. Paris. 1827. Prince de Ligne «Oeuvres» 4 vols. Bruxelles. 1860. «Mémoires». Bruxelles. 1860. J. Harris «Diaries and correspondence of J. Harris, firstlon of Malmesbury», London. 1844.

Личность Екатерины Великой представляется двояко: императрица, какою она была, и императрица, какою она желала, чтобы ее видѣли. Ни одинъ государь не заботился о мнѣніи современниковъ такъ усиленно, какъ она. Всѣ блестящія способности ея ума, ея литературный талантъ, средства, предоставляемыя саномъ и властью, пускались ею въ ходъ, для того чтобы утвердить ту репутацію, какая ей была желательна. Ея переписка съ Вольтеромъ, Дидро, Д'Аламберомъ, Мад. Жоффрэнъ и другими знаменитостями тогдашней Франціи, переписка, въ которой больше игривости и юмора, чѣмъ серьезности и дѣловитости, была ничѣмъ инымъ, какъ погонею за популярностью. Подобно тому какъ въ наши дни дешевыя хромолитографіи распространяютъ изображенія государя по его владѣніямъ, такъ въ этихъ неугомонныхъ письмахъ она размножала по лицу Европы свое духовное изображеніе. И, понятно,—портретъ былъ «пріятнаго сходства». Въ роскошной рамѣ монархическаго блеска, на фонѣ великолѣпныхъ парковъ и дворцовъ въ чистѣйшемъ стилѣ Лудовика XV, окруженныя славою военныхъ подвиговъ и кадильнымъ дымомъ литературнаго фиміама,—черты привлекательной, блестящей, обворожительной женщины вызвали восторгъ. Онѣ прославлялись заграницей, онѣ превозносились дома, онѣ воспѣвались въ великолѣпныхъ стихахъ,—и таковыми онѣ были переданы послѣдующимъ поколѣніямъ. Блескъ этого портрета освѣщаетъ собой все

окружающее и сообщаетъ этому царствованію характеръ рѣдкаго внѣшняго великолѣпія. Императрицѣ удалось запечатлѣть свой образъ въ умахъ именно такимъ, какимъ она хотѣла, чтобы онъ представлялся. Можетъ быть, судъ потомства нѣсколько ослабитъ черты той, которая такъ заботилась о мнѣніи современниковъ; если всмотрѣться въ тогдашнія условія страны и проникнуть въ глубь вопросовъ, то откроется немало недостатковъ и даже язвъ подъ этимъ ослѣпительнымъ блескомъ [1]). Но насъ-то въ данномъ случаѣ занимаетъ именно эта императрица, — императрица, какою она желала, чтобы ее видѣли: вѣдь это она вліяла на умственное движеніе, она покровительствовала литературѣ, она поразила умы, она перешла въ поэзію. Показная сторона этого царствованія имѣла огромное значеніе именно въ той области, которая насъ интересуетъ. Одинъ изъ нашихъ писателей называетъ Екатерину Великую «микроскопомъ своего времени» [2]). Прослѣдимъ же ее въ философіи и литературѣ, и этимъ путемъ постараемся дать картину умственнаго состоянія эпохи.

Въ царствованіе Екатерины французская фило-

---

[1]) Пушкинъ, можетъ быть, первый показалъ обратную сторону медали. Въ извѣстной «Кишиневской запискѣ» (1822), великій поэтъ изобличаетъ немалое историческое чутье и критическія способности, тѣмъ болѣе удивительныя, что «записка» составлена всего двадцать шесть лѣтъ послѣ смерти Екатерины.

[2]) Мордовцевъ «Русскія женщины» 3 т. Петерб. 1874.

софія наводняетъ русскую умственную жизнь. Мы видѣли, что и въ предъидущемъ поколѣніи французскіе философы имѣли читателей, а французскіе писатели подражателей, но въ то время мода была не такъ сильна, теперь она сдѣлалась настоящей страстью. Въ этомъ Россія лишь испытываетъ то же самое вліяніе, какое испытывала и остальная Европа того времени: Фридрихъ Великій привѣтствуетъ Вольтера въ Потсдамѣ, въ Берлинской академіи предсѣдательствуетъ Мопэртюи,—Екатерина принимаетъ Дидро въ Петербургѣ, прогуливается съ Гриммомъ по Царскому Селу. Можетъ быть, въ Россіи мода еще болѣе преувеличена, чѣмъ въ другихъ странахъ. Русскіе военные корпуса кишатъ французскими преподавателями; богатыя семьи держатъ французскихъ гувернеровъ [1]); императрица сама подала примѣръ: она приглашала Д'Аламбэра взять на себя воспитаніе ея сына,—нужды нѣтъ, что философъ отклонилъ предложеніе; позднѣе ея два старшихъ внука, Александръ и Константинъ, были поручены швейцарцу Лагарпу, ревностному стороннику французскихъ идей [2]). Трогательное общеніе устанавливается между Петербургомъ и Парижемъ; каждый русскій, ѣдущій за границу, почитаетъ обязан-

---

[1]) Въ числѣ ихъ былъ братъ Марата. Онъ не раздѣлялъ революціонныхъ понятій своего знаменитаго брата и даже ходатайствовалъ о перемѣнѣ фамиліи; онъ сталъ зваться Baudry по имени города, въ которомъ родился.

[2]) Его записки: «Mémoires». Paris et Genève 1864.

ностью повергнуть дань личнаго уваженія къ стопамъ стараго Вольтера [1]).

Странную, по моему—печальную картину представляетъ это общество, которое, въ поискахъ за истинной умственной пищей, набрасывается на эту отрицательную философію конца прошлаго столѣтія. Пересаженныя съ исторической почвы, обусловившей ихъ возникновеніе, лишенныя практической связи съ условіями жизни, эти громкія изрѣченія о братствѣ, равенствѣ, свободѣ начиняютъ тогдашніе умы пустыми фразами. Внутренняя связь между провозглашаемыми началами и тѣми событіями французской исторіи, которыя мало-по-малу привели къ великой революціи, ускользаетъ отъ ихъ наблюденія. Им-

---

[1]) Старый философъ былъ небезучастенъ къ этимъ знакамъ вниманія со стороны сѣверныхъ «скиѳовъ». Въ царствованіе Елизаветы онъ много хлопоталъ о томъ, чтобы его выбрали почетнымъ членомъ Петербургской академіи наукъ; впослѣдствіи выпросилъ оффиціальное назначеніе писать исторію Петра Великаго. Ломоносовъ помогалъ ему доставленіемъ источниковъ и переводовъ, однако до конца относился скептически къ результату предпріятія. Фридрихъ Великій былъ весьма раздраженъ появленіемъ перваго тома. «Что за охота писать исторію сибирскихъ волковъ и медвѣдей?», восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Вольтеру. Послѣдній приводитъ слова короля въ письмѣ къ Д'Аламбэру и прибавляетъ: «Однако они показали себя весьма благовоспитанными медвѣдями, когда заняли Берлинъ». Послѣ смерти Вольтера его книги и рукописи были пріобрѣтены императрицей Екатериной (1778); «Вольтеровская библіотека» составляетъ особый отдѣлъ Имп. Публ. Библіотеки въ Петербургѣ.

ператрица сама, на первыхъ порахъ, не понимаетъ,— она продолжаетъ свои философскія заигрыванія съ умственными представителями той самой эпохи, одно воспоминаніе о которой со временемъ будетъ приводить ее въ содроганіе. Эта близорукость относительно связи между идеями и событіями тѣмъ болѣе поразительна, что, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ однихъ только событій, у нея замѣчательно вѣрное чутье, удивительное пониманіе причины и слѣдствія; въ политикѣ она выказываетъ рѣдкую дальнозоркость. Осенью 1789 года она говоритъ, что Лудовика XVI ожидаетъ конецъ Карла I; въ письмахъ къ Гримму въ 1790 году она уже предсказываетъ появленіе цезаря во Франціи [1]). Но это была *политика*, а политика повидимому не имѣла въ ея глазахъ ничего общаго съ *чистой философіей*. Какая-то двойственность устанавливается между ея идеями и дѣйствіями, но это повидимому не смущаетъ ее. Американская война за освобожденіе приводитъ ее въ негодованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ она искренно огорчена, когда генералъ Лафайеттъ, задержанный собраніемъ нотаблей, отклоняетъ ея приглашеніе сопутствовать ей въ путешествіи по Крыму. Съ другой стороны Франклинъ, въ то время находившійся въ Парижѣ, выражаетъ желаніе навѣстить ее, и она пишетъ Гримму, прося его отсовѣтовать старику пускаться въ такую

---

[1]) Письма императрицы Екатерины къ Гримму (французскій текстъ) изданы Имп. Русск. Ист. Обществомъ, т. XXIII; письма Гримма къ императрицѣ—т. XXXIII того-же изданія.

длинную дорогу. Въ интересномъ дневникѣ ея личнаго секретаря Храповицкаго, который втеченіе десяти лѣтъ велъ краткую запись всего, что императрица ему говорила, читаемъ подъ 6-мъ Іюня 1782 года: Je ne l'aime pas.—Portrait de Franklin.

На странномъ скрещиваніи провозглашаемыхъ принциповъ и врожденныхъ идей стояли всѣ эти государи конца прошлаго столѣтія, представители такъ называемаго просвѣщеннаго абсолютизма, Фридрихъ II, Іосифъ II, Екатерина II. Между стремленіемъ къ популярности и страхомъ предъ революціей,—они всѣ были на два лица въ тѣ времена [1]; не мудрено, что императрица, какою она хотѣла казаться, предлагаетъ Бомарше поставить въ Петербургѣ его «женитьбу Фигаро», только что запрещенную въ Парижѣ, тогда какъ императрица, какою она была, заболѣваетъ и ложится въ постель, когда узнаетъ, что король французскій обезглавленъ.

Да и общество тогдашнее было на два лица. Эти утонченные царедворцы, знавшіе чуть не наизусть Вольтера и Руссо, не только не страдали отъ противорѣчія между книгами и жизнью, но какъ будто и не замѣчали, что есть противорѣчіе: съ одной стороны высокіе принципы, провозглашающіе «права человѣка», а съ другой—крѣпостное рабство крестьянъ. Конечно, жизнь всегда будетъ

---

[1]) Любопытно, что въ письмахъ Екатерины къ Гримму Іосифъ II (до перваго путешествія въ Россію) зовется «l'homme aux deux phisionomies».

парализовать полное примѣненіе какихъ бы то ни было принциповъ, и мечты объ уравненіи всегда останутся мечтами, но мечты эти важны, какъ идеалистическій постулатъ, заставляющій насъ признавать неправильность реальнаго порядка вещей. Вотъ этотъ переходъ мысли въ дѣйствіе былъ положительно незнакомъ въ тѣ времена, о которыхъ мы говоримъ. Императрица, которая во многихъ отношеніяхъ стояла выше окружающихъ, пыталась было въ первые годы царствованія поставить вопросъ объ освобожденіи крестьянъ на твердую почву, но вскорѣ отказалась отъ своего намѣренія;—во-первыхъ она и сама страдала идейностью своего вѣка, а во-вторыхъ ей приходилось щадить интересы тѣхъ, кому она была обязана воцареніемъ.

Итакъ французская философія проникала въ русскіе умы, лишенная практическихъ связей съ настоящимъ, но ея связи съ прошлымъ точно также ускользали отъ вниманія. Что эта философія и эта литература были представителями цѣлой цивилизаціи, что онѣ были современнымъ слоемъ долгой исторической формаціи, словомъ, что онѣ были результатомъ прошлаго, а не только обращикомъ настоящаго, этого наши прадѣды не понимали. Ихъ просвѣщеніе, довольно значительное въ смыслѣ количественномъ, было поверхностно и въ современномъ и въ историческомъ смыслѣ. Они брали то, что нѣмецкая эстетика зоветъ «die scheinbare Oberflaeche»—видимую поверхность культуры и, такъ какъ эта культура сама была отвле-

ченна, то она и ихъ дѣлала отвлеченными и неприспособленными къ почвѣ; философія сроднялась съ умомъ, часто съ однимъ воображеніемъ, но не съ жизнью. Только уже гораздо позднѣе, послѣ ужасовъ французской революціи, и даже еще больше, послѣ Наполеоновскаго нашествія въ 1812 году, связь мысли и жизни была сознана, и, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ,—стали преувеличивать; французскія идеи стали отвѣтственны за всѣ бѣдствія, а люди, придерживавшіеся французской философіи, считались единомышленниками революціи. Сквозь всю первую четверть нынѣшняго столѣтія «вольтеріанство» было синомимомъ отступничества, «вольтеріанецъ» былъ человѣкъ, обреченный въ адъ, котораго добрые христіане должны избѣгать .Однако они были не опасны, они были отжившими остатками весьма безвреднаго прошлаго и скоро вышли изъ моды. Но память о нихъ была живуча, и молодое поколѣніе уже давно рѣзвилось въ цвѣтущихъ лугахъ романтизма, а старыя провинціальныя барыни все еще крестились при одномъ имени Вольтера.

Перейдемъ къ литературѣ. Поэты Екатерининскаго времени кажутся устарѣлыми въ наши дни, но въ исторической послѣдовательности литературныхъ періодовъ они имѣютъ свое значеніе и, взятые въ ихъ собственной, современной имъ обстановкѣ, они, конечно, представляютъ яркое явленіе и вполнѣ заслуживаютъ той славы, какою были окружены при блестящемъ дворѣ просвѣщенной

императрицы. Ни одинъ государь, ни до, ни послѣ Екатерины Великой, не выказывалъ больше интереса къ литературѣ и не принималъ большаго участія въ писателяхъ [1]; она сама была писательница. Въ эпоху, когда литературный трудъ не составлялъ самостоятельной карьеры, это особенное вниманіе къ писателямъ знаменательно; оно имѣло плодотворныя послѣдствія.

Мы видѣли, что Ломоносовъ утвердилъ себя пѣвцомъ Петра Великаго; вмѣстѣ съ псевдоклассическимъ тономъ его лиры и этотъ оффиціальный характеръ поэзіи переходитъ къ послѣдующему поколѣнію. Императрица своею поощрительной улыбкой завоевываетъ сердца народной музы и становится нетолько центромъ поэтовъ, но и главнымъ предметомъ ихъ пѣсенъ. Державинъ, самый блестящій изъ нихъ, прямо объявляетъ въ одной изъ своихъ одъ, что не желаетъ иной славы, какъ той, которую дастъ ему воспѣваніе ея подвиговъ:

Я пѣлъ, пою и пѣть ихъ буду.
Какъ солнце, какъ луну, поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю,
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Устанавливается своего рода товарищество между императрицей и писателями; въ своихъ комедіяхъ она сама подаетъ примѣръ сатирическаго тона. Воз-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ «Времена Екатерины II». («Вѣстн. Евр.» май, іюнь, іюль 1895).

никаетъ цѣлый рядъ сатирическихъ журналовъ; Фонъ-Визинъ пишетъ свои знаменитыя комедіи, пьесы императрицы и другихъ авторовъ играются на частной сценѣ Эрмитажа,—непринужденный смѣхъ раздается при дворѣ той, которая говаривала, что не было ни одного великаго человѣка, который бы не обладалъ неисчерпаемымъ запасомъ веселости [1]). Такимъ образомъ, два направленія литературы намѣчаются самой императрицей: псевдоклассическая труба, громко провозглашающая ея славу, и простая, но ѣдкая рѣчь сатиры, поднимающая на смѣхъ приверженцевъ старины и подстрекающая къ просвѣщенію и дѣятельности молодое поколѣніе.

Державинъ (1743—1816), какъ мы сказали, самый блестящій изъ писателей первой группы. Менѣе напыщенный, чѣмъ Ломоносовъ, онъ самъ опредѣляетъ свои заслуги предъ отечественной литературой, когда утверждаетъ, что онъ первый сталъ пѣть «въ забавномъ русскомъ слогѣ... въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ и истину царямъ съ улыбкой говорить». Если сравнить его съ предшественниками, то эта самооцѣнка представится довольно вѣрной, хотя въ сравненіи съ послѣдующими поэтами онъ все еще витаетъ въ облакахъ. Положимъ, это не его вина, это даже не вина тогдашней литературы: всѣ теченія умственной жизни двигались неестественнымъ ходомъ; умы были на ходуляхъ, интересы

---

[1]) A. Brueckner «Catharina II».

была возбуждена не стремленіемъ проникнуть въ суть вопросовъ, а желаніемъ дорости до утвержденнаго образца: образуется какъ бы пустое пространство между умственными интересами и интересами жизни. Державинъ пытается заполнить эту пустоту: въ письмѣ къ княгинѣ Дашковой, президенту академіи наукъ, проводя сравненіе между собой и Ломоносовымъ, онъ въ такихъ выраженіяхъ опредѣляетъ разницу: «ему (Ломоносову) надобно было прибѣгать къ великолѣпнымъ всегда небылицамъ и къ постороннему украшенію, а мнѣ къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою и послѣ меня исторія будетъ согласна». И дѣйствительно, въ своей извѣстной одѣ «Фелица» напр., гдѣ императрица прославляется подъ вымышленнымъ именемъ киргизской царевны, онъ противополагаетъ ея добродѣтелямъ свои собственные недостатки: подъ автобіографической личной скрывается современное общество: его роскошь, его изнѣженность, грубость, изображены яркими чертами: однако, картины эти не заполняютъ упомянутаго пробѣла: не сообщая никакой реальности его поэзіи, онѣ остаются просто образами дурнаго литературнаго вкуса. Но и онѣ имѣютъ свое значеніе. Одинъ критикъ называетъ Державинскіе стихи «поэтической лѣтописью Екатерининскаго царствованія» [1]. Въ одномъ изъ по-

---

[1] А. Пыпинъ «Исторія русской литературы». 5 изд. Петербургъ 1884.

слѣднихъ произведеній, которыя старый Сумароковъ, переживший елизаветинскія времена, приподнесъ Екатеринѣ, онъ говоритъ: «Царствованію Августа потребенъ Горацій». Однако, Сумароковъ не сдѣлался Гораціемъ Екатерины, онъ былъ замѣщенъ другимъ. Державинскій звучный языкъ, проникнутый истиннымъ поэтическимъ дыханіемъ, какъ разъ подходилъ къ блеску этого двора, величію этихъ царедворцевъ, сказочнымъ военнымъ подвигамъ Суворова, Потемкина, Румянцева и всѣхъ, кто, по выраженію Пушкина, былъ «изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ» [1]).

Если отъ поэзіи Державина отвлечемъ спеціальныя достоинства «современности» и позднѣйшій недостатокъ устарѣлости, мы обнажимъ элементы истинной художественной красоты, имѣющіе постоянную цѣнность въ искусствѣ [2]). Въ сущности, онъ былъ нашимъ первымъ поэтомъ, ибо Ломоносовъ, даже въ лучшихъ произведеніяхъ, все же лишь великолѣпный ораторъ; въ Ломоносовѣ ученый беретъ

---

[1]) О войнахъ и внѣшней политикѣ Екатерины II: A. Brueckner «Russlands Politic im Mitteldmeer 1788 und 1789» («Hist. Zeitschrift» XXII). «Daenmarks Neutralitaet im Schwedisch-Russischen Kriege im Jahre 1788» («Baltische Monatschrift» Neue Folge II). Carl Bergholm «Die Bevaffnete Neutralitaet». Berlin 1884.

[2]) Его извѣстная ода «Богъ» переведена на: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій языки (французскихъ переводовъ пятнадцать).

перевѣсъ надъ поэтомъ, Державинъ—исключительно поэтъ. Его попытки подойти поближе къ будничной жизни, хотя и не всегда давали счастливые результаты съ эстетической точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе знаменательны въ историческомъ развитіи нашей литературы: въ чопорной обстановкѣ псевдоклассическаго храма эти примѣры дурнаго литературнаго вкуса были смѣлыми нововведеніями, во слѣдъ которымъ скоро хлынутъ потоки истинно живой поэзіи [1].

Еще большій ударъ авторитету псевдоклассическаго святилища былъ нанесенъ сатирическимъ движеніемъ того времени. Съ Кантемира сатирическая литература сдѣлалась союзницей новыхъ идей. Императрица Екатерина съ большою мудростью воспользовалась этимъ могучимъ средствомъ воспитанія и направленія общественнаго мнѣнія.

Въ частномъ императорскомъ театрѣ Эрмитажнаго дворца въ Петербургѣ [2]) происходили представленія, можетъ быть, единственныя въ лѣтописяхъ исторіи литературы. На сценѣ старыя барыни, оплакивающія «доброе старое время», закостенѣлые приверженцы

---

[1]) «Поэзія Державина, говоритъ Бѣлинскій,—блестящая страница въ *исторіи* русской поэзіи, но это еще не поэзія». Т. VII.

[2]) Великолѣпная Эрмитажная картинная галлерея начата Екатериной Великой. Воспроизведеніе Ватиканскихъ Ложъ Рафаэля исполнено по ея заказу. Гёте, въ бытность свою въ Римѣ, видѣлъ, какъ эти копіи работались («Italienische Reise», 3 September 1787).

прошлаго, или лѣнивые юнцы, возстающіе противъ ученія и службы, подвергаютъ обсужденію и осмѣянію разныя правительственныя мѣропріятія, нововведенія въ общественной жизни и т. п.; а въ залѣ, на живописномъ амфитеатрѣ мраморныхъ дивановъ, блестящій дворъ, окружающій императрицу, въ восхищеніи рукоплещетъ. Вотъ одна старуха на сценѣ возмущается новыми пьесами, которыя теперь разыгрываются, гдѣ всѣ осмѣиваются, даже узнать себя можно; но какъ же не запретятъ подобныя комедіи, недоумѣваетъ ея собесѣдникъ. «И, батюшка!—восклицаетъ старуха,—свѣтъ нынче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? Кому запретить? и сами тѣ, кому бъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изъ всей мочи, когда ругань другихъ слышатъ!» И дѣйствительно, императрица «хохотала изъ всей мочи», ибо она была нетолько зрителемъ, но и авторомъ комедіи. На сценѣ, дѣйствительно, были выведены портреты, но они были возведены въ типы и были портретами обычаевъ, ужь не людей, они принадлежали къ литературѣ, иногда къ политикѣ [1]), но не къ сплетнямъ. И ядовиты же они были: Екатерина имѣла богатый запасъ наблюденій и знанія человѣческой природы. Немного государей такъ хорошо знали своихъ окружающихъ, какъ она. Въ этой толпѣ дипломатовъ, министровъ, писателей, которые со-

---

[1]) A. Brueckner «Eine Komische Oper aus dem Jahre 1788» («Baltische Monatschrift» 1867).

ставляли ея дворъ, она знала характеръ каждаго [1]). Когда въ своихъ письмахъ она упоминаетъ кого-нибудь изъ нихъ, то, хотя бы и однимъ только словомъ, она всегда попадаетъ въ точку,—она знаетъ способности и слабости каждаго изъ нихъ. Любя талантъ, она выводила талантливыхъ людей изъ толпы, способствовала ихъ обособленію и своимъ благоволеніемъ обезпечивала имъ уваженіе со стороны общества. При дворѣ ея, какъ бы велика ни была толпа,—у всякаго своя нравственная физіономія, свой умственный классъ, даже свое прозвище: они всѣ были разгаданы, изучены и опредѣлены императрицей; у нея особенный разговоръ, особенный выборъ шутокъ, смотря по собесѣднику [2]). И что это былъ за разговоръ! О блескѣ ея, о многосторонности, о неисчерпаемости ея заразительной веселости мы едва можемъ себѣ составить понятіе даже по ея собственнымъ письмамъ. Послѣ разговора съ императрицей, разсказываетъ Гриммъ, онъ чувствовалъ себя до такой степени наэлектризованнымъ, что втеченіе полъ ночи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ [3]).

Эти качества, при удивительномъ умѣніи владѣть русской рѣчью, конечно, сообщаютъ большую

---

[1]) Подробности о дворѣ Екатерины: Hardt. «Mémoires d'un gentilhomme Suédois». Berlin 1788.

[2]) О характерѣ Екатерины: A. Brueckner «Zur characteristic der Kaiserin Catharina» («Russische Revue» V).

[3]) A. Brueckner «Catharina II».

цѣнность ея сочиненіямъ [1]); но они имѣли и другое значеніе. «Комедіи ея, говоритъ критикъ, блестящая дань, принесенная ею силѣ мысли и нравственному господству литературы» [2]). По знаку свыше возникаетъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ цѣлый рядъ журналовъ. Подобнаго рода изданія не были новостью; Сумароковъ, въ царствованіе императрицы Елизаветы, основалъ первый русскій журналъ въ 1759 году. «Трудолюбивая Пчела» просуществовала всего годъ, но она вызвала массу подражаній; въ одномъ 1769 году появилось семь новыхъ журналовъ, все въ томъ же сатирическомъ направленіи. Борьба, которую они ведутъ, направлена все на старую тему: противодѣйствіе реформѣ или непониманіе ея, обскурантизмъ или поверхностное подражаніе; но вводятся и новые вопросы: предпочтеніе, оказываемое верхними классами всему заграничному, недостатокъ интереса къ своему родному, взяточничество, домашній деспотизмъ. Послѣдній послужилъ предметомъ для комедіи, которая составляетъ какъ бы краеугольный камень русской драматической литературы.

«Недоросль» Фонъ-Визина (1745—1792), интересный образчикъ нашей литературной эволюціи,

---

[1]) Переводы: «Der Betrueger», «Der Verblaendete», «Der Sibirische Schaman». St.-Petersb., 1786. «Drei Lustspiele». Berlin, 1788. «Der Familien—Zwist». Berlin, 1789. «O temps! o moeurs!». Paris, 1826. Сказки: «Le Czarewitz Chlore. Conte moral». Berlin, 1782. «Maerchen vom Zarevitsch Fewei». Berlin, 1784.

[2]) Кн. Вяземскій «Фонъ-Визинъ».

обозначающій собой рѣзкую ступень на пути освобожденія изъ-подъ опеки псевдоклассическихъ формъ. Комедіи, предшествовавшія Фонъ-Визину, представляли картины яко бы русской жизни, вставленныя во французскія рамки, — попытка, давшая весьма смѣшные, или вѣрнѣе, печальные результаты. Буало говоритъ, что Ронсаръ на французскомъ языкѣ «говорилъ» по-гречески и по-латыни; въ нашихъ первыхъ комедіяхъ люди на русскомъ языкѣ «жили» по-французски. Избитые со временъ Мольера имена Альцеста, Эраста, — стоятъ на спискѣ дѣйствующихъ лицъ; иногда они и чередуются съ русскими именами, но отъ этого не прибавляется русскихъ чертъ ни въ характерахъ, ни въ самомъ дѣйствіи, гдѣ субретки и лакеи составляютъ необходимую пружину, а свадебный контрактъ—неизбѣжный конецъ.

Фонъ-Визинъ разрываетъ узы этой насильственной традиціи; старыя цѣпи еще сказываются въ нѣкоторомъ симметричномъ расположеніи характеровъ, также въ злоупотребленіи резонерствомъ; но дѣйствующія лица уже совершенно свои, выросшія на родной почвѣ, а не пересаженныя. Предметъ комедіи—все таже «старая, но вѣчно юная исторія»: влюбленные, препятствія и свадьба. Препятствіе въ данномъ случаѣ является въ лицѣ властной, деспотической хозяйки дома, желающей дать дѣвушку въ жены своему сыну, этому «недорослю», безграмотному невѣждѣ, воспитанному въ правилахъ родительницы, которая удивляется—къ чему геогра-

фіи учиться, когда ныньче извозчики всюду довезутъ [1]). Мать и сынъ—самыя удачныя двѣ фигуры въ пьесѣ; другіе или слишкомъ каррикатурны, или слишкомъ назойливы въ своей добродѣтели. Препятствія опрокинуты, и свадьба обезпечена благодаря своевременному вмѣшательству дяди невѣсты, богатаго сибирскаго золотопромышленника, (это тотъ же «американскій дядя» новѣйшей французской комедіи). Этотъ дядя—проповѣдникъ пьесы, его безконечныя разсужденія о добродѣтели, о долгѣ, задерживаютъ дѣйствіе и очень тягостны для зрителя. Нашъ критикъ Бѣлинскій считаетъ «Недоросль» не столько комедіей, сколько сатирой, которая силится стать комедіей [2]). Эта мѣткая оцѣнка ясно подчеркиваетъ недостатки пьесы: слишкомъ мало дѣйствія и слишкомъ много проповѣди. И со всѣмъ тѣмъ, столько въ ней истиннаго комизма и незаимствованной жизненности, что, хотя пьеса написана 113 лѣтъ тому назадъ, она насъ увлекаетъ даже теперь. Сцена, гдѣ мать бранитъ портного за то, что онъ скроилъ ея сыну слишкомъ узкій кафтанъ,—одна изъ самыхъ смѣшныхъ, какія можно себѣ представить. Успѣхъ «Недоросля» былъ огромный: авторъ былъ на вершинѣ славы. «Умри, Денисъ,—или не пиши больше комедій!» воскликнулъ князь Потем-

---

[1]) О томъ, что знаменитое изрѣченіе г-жи Простаковой заимствовано фонъ-Визиномъ у Вольтера, я, признаюсь, не повѣдалъ иностранцамъ. *Прим. къ русск. изд.*

[2]) Т. VIII.

кинъ, всесильный въ то время фаворитъ [1]). Фонъ-Визинъ послѣдовалъ второй части совѣта: онъ послѣ того не писалъ болѣе комедій. «Недоросль» проникъ въ народное самосознаніе, многія собственныя имена сдѣлись нарицательными, многія изрѣченія перешли въ пословицы.

Таковы главные образцы нашей литературы XVIII вѣка. Насколько позволяла краткость, я постарался выяснить, что характеръ этой литературы стоялъ въ связи съ общимъ характеромъ тогдашняго просвѣщенія: какъ философія, какъ ученіе, какъ общественные свѣтскіе обычаи, такъ была и литература сто лѣтъ тому назадъ: придаткомъ жизни, но не составною частью. И тѣмъ не менѣе этотъ XVIII вѣкъ, такой живописный въ своемъ странномъ сочетаніи утонченности и грубости, такой смѣшной въ своемъ самодовольствѣ, такой трогательный въ своихъ попыткахъ къ самовоспитанію, такой печальный въ своей практической несостоятельности, этотъ XVIII вѣкъ, который еще чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ такъ же далекъ отъ насъ, какъ XVII вѣкъ теперь,—заслуживаетъ благодарности со стороны потомства. При Петрѣ Великомъ просвѣщеніе было заимствовано страной, при Екатеринѣ Великой оно приспособлялось къ странѣ; ему оставалось теперь быть усвоеннымъ и претвореннымъ. Корни пересажен-

---

[1]) О немъ: A. Brueckner «Potiomkin's Glueck und Ende» («Baltische Monatschrift» Neue Folge I.).

наго растенія искали пищи въ народной почвѣ; внѣшнія и внутреннія теченія должны были встрѣтиться,—они встрѣтились на порогѣ нашего столѣтія.

Однажды, въ 1815 году, въ Царскосельскомъ лицеѣ большое возбужденіе царило между учениками: старикъ Державинъ обѣщался присутствовать на экзаменахъ. Онъ пришелъ, маститый поэтъ,—сѣдой, согбенный подъ бременемъ семидесяти двухъ лѣтъ. Онъ почти совсѣмъ спалъ, такъ онъ былъ слабъ; но вотъ начался экзаменъ по русской литературѣ, тутъ онъ проснулся. Ученики говорили о немъ, читали его произведенія,—глаза его заблестѣли, лице просвѣтлѣло,—онъ преобразился. Вотъ выступаетъ впередъ юноша, курчавый какъ негръ, съ толстыми губами, съ глазами какъ горящій уголь, съ чѣмъ-то африканскимъ во всемъ обликѣ. Его представляютъ какъ начинающаго поэта; его просятъ прочитать что-нибудь своего сочиненія.

«Я прочелъ мои «Воспоминанія о Царскомъ Селѣ»,—пишетъ онъ позднѣе въ своихъ запискахъ,—стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей; когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій звенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда я убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи, онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли»...

«Мое время прошло,—говорилъ Державинъ вскорѣ послѣ того,—скоро явится свѣту второй Державинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей».

Подъ такимъ пророчествомъ вступилъ въ жизнь Александръ Пушкинъ.

Рожденіе поэта—главнѣйшее событіе въ хронологіи.

Эмерсонъ.

Лекція VI (1779—1837).

Внезапность и многосторонность умственнаго роста въ XIX вѣкѣ. Источники новыхъ литературныхъ движеній. Новиковъ и Московскій кружокъ.—Литературный горизонтъ западной Европы въ началѣ столѣтія. Сентиментализмъ въ Россіи. Карамзинъ. Романтизмъ въ Россіи. Жуковскій. Поэзія получаетъ новый смыслъ.—Пушкинъ. Его литературное значеніе. Поэзія жизни. Русское общество въ первыя десятилѣтія нашего вѣка.—«Евгеній Онѣгинъ». Сюжетъ романа, характеръ его прелести.—Лирика Пушкина. Отличительныя черты,—гармонія, многострунность. Народность и общечеловѣчность.

Во вступительной лекціи мы говорили, что не легко обозрѣть десять вѣковъ исторіи въ восемь часовъ времени,

Вмѣстивъ въ песочные часы
Созданіе временъ,

по выраженію Шекспира; но, пожалуй, еще труднѣе вмѣстить въ остающіяся три лекціи девяносто лѣтъ нашего столѣтія.

Быстрота, многосторонность и прогрессивное сгущеніе умственной дѣятельности таковы, что, если мы возьмемъ теперешнее состояніе русскаго ума, снабженнаго всѣмъ, что было выполнено за это сто-

лѣтіе, и если потомъ обратимъ взоры назадъ къ XVIII вѣку, мы съ трудомъ повѣримъ глазамъ своимъ. Наше современное критическое мышленіе, пріученное къ теоріи эволюціи съ ея постепенностью, теряется предъ внезапностью этого роста. Кто не испыталъ того чувства неожиданнаго удивленія, которое овладѣваетъ нами при видѣ ребенка послѣ нѣсколькихъ лѣтъ промежутка? Подобное же впечатлѣніе получаемъ мы при сопоставленіи различныхъ періодовъ русскаго литературнаго развитія. Сравнивая оба столѣтія, подумаешь, что имѣешь дѣло съ другой величиной. Мы теряемся въ многочисленности тѣхъ теченій, которыя намъ приходится прослѣдить обратно до ихъ источника; развѣтвленіе генеалогическихъ нитей такъ сложно, что представляется невозможнымъ свести ихъ къ тѣмъ немногимъ элементамъ, изъ которыхъ они зародились. Вовсе не умаляя значенія предъидущаго столѣтія, которому мы заплатили дань уваженія въ прошлой лекціи, мы не можемъ не изумляться несообразной быстротѣ развитія; какъ бы ни были велики усилія XVIII столѣтія, XIX со своими результатами представляется какъ гора, рожденная мышью. Въ нашей попыткѣ изслѣдовать развитіе и ростъ русской мысли со времени Екатерины, намъ нужно будетъ избрать другой пріемъ, чѣмъ тотъ, котораго мы придерживались до сихъ поръ.

Въ предъидущихъ лекціяхъ мы слѣдовали главнымъ образомъ за нитью событій; прагматическая

исторія была остовомъ нашего разсказа; московскіе государи были средоточіемъ событій и обозначали собой чередованіе историческихъ періодовъ,—исторія Россіи, собственно, ограничивалась оффиціальною исторіей Москвы. При Петрѣ это еще замѣтнѣе,—мы можемъ прямо сказать, что біографія государя есть исторія страны. Разсматривая царствованіе Екатерины, мы бросили прагматическую нить, мы отвлекли одну лишь умственную сторону; но, хотя мы и покинули событія оффиціальной исторіи, мы все же не вышли изъ оффиціальныхъ круговъ общества: императрица, дворъ, Петербургъ, воплощаютъ умственную жизнь того времени; русское просвѣщеніе, за исключеніемъ небольшого кружка при Московскомъ университетѣ, о которомъ мы будемъ говорить ниже, сводится къ Зимнему дворцу и въ видѣ придатка къ нему—академіи наукъ. Съ первыми годами настоящаго столѣтія положеніе мѣняется. Струя научныхъ и литературныхъ интересовъ врывается въ жизнь и захватываетъ умы; возникаетъ самостоятельный классъ литераторовъ, которые силою труда и авторитетомъ таланта опредѣляютъ и утверждаютъ направленіе русской мысли. Оффиціальные круги, до той поры бывшіе единственными проводниками просвѣщенія, теперь пріобрѣтаютъ такихъ сотрудниковъ, что уже теряютъ то исключительное значеніе, какое имъ принадлежало въ предъидущемъ столѣтіи. Втеченіе ста лѣтъ они сѣяли: сѣмена начинали давать ростки; извнѣ

привнесенные элементы, усвоенные и претворенные почвой, всходятъ надъ поверхностью и при быстротѣ роста, возможной лишь на дѣвственныхъ почвахъ, даютъ такой внезапный и обильный разцвѣтъ умственной дѣятельности, какой врядъ ли когда-нибудь повторится въ нашемъ отечествѣ. Если вы обратите вниманіе на то, что двѣсти лѣтъ съ лишнимъ отдѣляютъ лютеровскій переводъ Библіи отъ великаго германскаго поэта Гёте и что всего пятьдесятъ лѣтъ отдѣляютъ русскую грамматику Ломоносова отъ Пушкина, что менѣе ста лѣтъ лежитъ между Ломоносовымъ и Львомъ Толстымъ, вы поймете, какимъ усиленнымъ ходомъ двигалась русская мысль. Чтобы прослѣдить это движеніе, намъ ужь приходится оставить прагматическую исторію,—у насъ бы не хватило времени на то и другое; если въ предъидущихъ лекціяхъ преимущественно событія составляли остовъ нашего повѣствованія, то теперь главное наше вниманіе будетъ направлено на литературу, а исторія прагматическая и оффиціальные круги будутъ предметомъ нашего вниманія лишь постольку, поскольку они или вліяли на литературу, или отразились въ ней.

Съ Державинымъ исчезаетъ оффиціальный характеръ поэзіи. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ той свыше навязанной литературы, которая возникла, какъ результатъ привозной культуры. Странно, что нетолько характеръ поэзіи XVIII вѣка уже не повторится болѣе, но онъ почти даже не будетъ

имѣть вліянія на послѣдущее развитіе литературы; за исключеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ, которые находимъ въ юношескихъ произведеніяхъ Пушкина, гдѣ онъ является скорѣе, какъ дань уваженія къ старшимъ, нежели какъ составной элементъ поэзіи или врожденный вкусъ,—можно сказать, что псевдоклассицизмъ умираетъ бездѣтнымъ. Ни одно изъ послѣдующихъ литературныхъ теченій не можетъ быть выведено изъ Державина: если мы ихъ прослѣдимъ до ихъ источниковъ, они насъ приведутъ не ко двору императрицы Екатерины, и не въ оффиціальныя сферы, даже не въ Петербургъ, а въ Московскій университетъ, въ то знаменитое «Дружеское Ученое Общество», которое вызвало къ дѣятельности столько просвѣщенныхъ литературныхъ силъ, и центромъ котораго была благородная личность Новикова. Этотъ человѣкъ, посвятившій свою жизнь, свою неутомимую энергію и все свое состояніе на дѣло воспитанія и на издательство, составляетъ очагъ, изъ котораго распространился просвѣтительный свѣтъ первыхъ десятилѣтій нашего столѣтія.

Въ 1779 году Новиковъ получаетъ завѣдываніе московской университетской типографіей. Втеченіе первыхъ трехъ лѣтъ его управленія напечатано больше книгъ, чѣмъ втеченіе двадцати четырехъ лѣтъ. Лучшія умственныя силы собираются вокругъ него, и «Дружеское Общество» становится средоточіемъ самой горячей дѣятельности; преподаваніе,

сочиненія, переводы, путешествія, изысканія, издательство,—все находитъ себѣ поддержку въ Новиковѣ и его друзьяхъ. Цѣлый рядъ типографій возникаютъ подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ. Лучшія повременныя изданія екатерининскаго времени, «Опытъ Историческаго словаря россійскихъ писателей» [1]), великолѣпное собраніе историческихъ памятниковъ письменности, составляющее тридцать одинъ томъ «Древней Россійской Вивліоѳики», представляютъ лишь единичные образцы изумительной дѣятельности этого человѣка, ничего не жалѣвшаго для собиранія матеріаловъ и распространенія изданій. Въ такое время, когда служебное или придворное положенія были единственными источниками вліянія, Новиковъ съумѣлъ сдѣлаться силою, не опираясь ни на то, ни на другое. Онъ былъ раннимъ, единоличнымъ выраженіемъ тѣхъ общественныхъ и умственныхъ силъ, которыя еще дремали, но которыя скоро выскажутся независимо отъ оффиціальныхъ придворныхъ сферъ [2]). Нѣсколько именъ будетъ

---

[1]) Съ появленіемъ этой книги, по мнѣнію критика, начинается у насъ сознательное научное отношеніе къ отечественной литературѣ. (А. Н. Пыпинъ «Вопросы литературной исторіи». «Вѣстн. Евр.». Октябрь 1893).

[2]) Къ сожалѣнію, онъ былъ замѣшанъ въ масонство и тайныя общества, которыя въ послѣдніе годы царствованія Екатерины сильно тревожили правительство ввиду быстрыхъ успѣховъ французской революціи. Зависть и клевета преслѣдовали и очернили его. Онъ былъ арестованъ въ 1782 году, обвиненъ въ сношеніяхъ съ иностранными революціонерами и посаженъ

достаточно, чтобы показать литературное значеніе и вліяніе Новиковскаго кружка. Поэтъ Херасковъ (1733—1807), кураторъ Московскаго университета, былъ дѣятельнымъ помощникомъ Новикова; основанный имъ при университетѣ Благородный Пансіонъ былъ лучшимъ учебнымъ заведеніемъ того времени [1]). Историкъ Карамзинъ, поэтъ Жуковскій, который самъ говоритъ, что его семья была «литературною династіей», Тургеневъ, ректоръ университета, его два сына, студенты Геттингенскаго университета, игравшіе видную роль въ первую половину нашего столѣтія,—были всѣ или членами «Дружескаго Общества», или воспитаны въ его традиціяхъ. Все, что было выдающагося въ литературѣ втеченіе послѣдующихъ сорока лѣтъ, стояло въ связи съ этимъ московскимъ кружкомъ; учителя основаннаго въ 1811 году при Царскосельскомъ дворцѣ лицея всѣ были изъ Москвы; среди блестящихъ именъ, составляющихъ первый выпускъ

въ тюрьму. Это темная страница въ блестящей лѣтописи императрицы. Однимъ изъ первыхъ дѣяній императора Павла, по вступленіи на престолъ, было освобожденіе того, кто составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній царствованія его матери.

[1]) Хотя поэтъ не даровитый, Херасковъ пользовался большимъ почетомъ среди современниковъ. Его «Россіада» и «Владиміръ», поэмы въ псевдоклассическомъ духѣ, заслужили ему громкое прозваніе «русскаго Гомера». Онъ былъ послѣднимъ представителемъ старой школы, той, которая въ поэзіи вѣрила не въ вдохновеніе, а въ соблюденіе «правилъ».

этого лицея, имя Пушкина—самое блестящее; онъ былъ опредѣленъ туда вышеупомянутымъ Тургеневымъ.

Такова была почва, на которой возникли новыя литературныя теченія, создавшія новую русскую литературу, т. е. ту, которую собственно только и можно признать единственной, самостоятельной, истинно-русской литературой. Вы видите, какъ молода эта литература; мы прикоснулись къ самому корню ея, и это насъ привело къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія. Первое значительное произведеніе Пушкина появилось въ 1818 году,—два года послѣ смерти Державина. Не думаю, чтобы какая-либо изъ европейскихъ литературъ представляла подобный примѣръ внезапнаго роста. Не то, чтобы мы умаляли значеніе XVIII столѣтія и его вліяніе на развитіе литературнаго вкуса, въ особенности на выработку языка, но вы сами видѣли, до какой степени тѣ писатели были подражательны, до чего поэзія ихъ была не своя, не родная,—она какъ будто вызывалась внѣшними побужденіями, не внутренней потребностью; не будь у насъ вовсе послѣдующихъ поэтовъ, мы бы такъ и не знали, на что способенъ нашъ русскій языкъ, ибо все, что создано XVIII вѣкомъ, не было по существу русскимъ,—поэзія держалась выше почвы, она коснулась ея только при Пушкинѣ. И вотъ чѣмъ русская литература такъ удивительно отлична отъ другихъ, это тѣмъ, что съ той минуты, какъ поэзія

коснулась почвы, съ той минуты, какъ она сдѣлалась истинно-народной, она сдѣлалась и совершенной, до сей поры, по крайней мѣрѣ, не превзойденной. Прежде чѣмъ перейти къ великому поэту, намъ надо упомянуть о двухъ писателяхъ, установившихъ литературную атмосферу того времени; то были—историкъ Карамзинъ и поэтъ Жуковскій.

Вы помните европейскій литературный горизонтъ въ началѣ нашего столѣтія. Великая революція только что отгремѣла, потоки крови высохли, тучи дыма разсѣялись,—яркое солнце, казалось, утверждало барометръ на неизмѣнно ясной погодѣ. Народы, всполошенные революціоннымъ ураганомъ, наслаждались сознаніемъ миновавшей опасности, ничто не омрачало ясности небеснаго свода: Бонапартъ еще не сталъ Наполеономъ, еще не былъ завоевателемъ, онъ былъ укротителемъ, умиротворителемъ, — и наступавшее столѣтіе открывалось великолѣпнымъ лѣтнимъ днемъ. Новое литературное вѣяніе проносится въ воздухѣ и своею ласкою увлекаетъ утомленныя сердца; съ нѣгой отдаются они его чарующей прелести. Старыя псевдоклассическія трубы и парики, принадлежности обезглавленной королевской монархіи, сданы въ архивъ: литература больше не хочетъ аттрибутовъ; долой заимствованные наряды, долой одежды,—голая правда, простота, искренность, природа, одна только природа будетъ въ состояніи трогать сердца. И вотъ, является сентиментальный

2196
V

романъ[1]). Ричардсонъ и его безчисленные подражатели въ рукахъ всѣхъ читателей; слезы состраданія увлажняютъ глаза. Но нѣтъ горечи въ этихъ слезахъ,—великіе поэтическіе страдальцы нашего столѣтія еще не появлялись, и слезы эти, хотя и обильныя, сладки: новая литература обладала такими нѣжными, мягкими пріемами, она такъ глубоко врѣзалась въ душу, однако никогда не причиняла боли...

И тѣмъ не менѣе, не смотря на свою преувеличенную «чувствительность», первая романтическая волна имѣла свое значеніе; она указала литературѣ путь къ человѣческому сердцу, она подготовила сердца къ воспріятію истинной поэзіи: имъ скоро предстояло быть потрясенными, какъ они никогда еще не были потрясены. Мятежный геній того, кто

---

[1]) Сентиментальный романъ *явился*, собственно, гораздо раньше («Кларисса» Ричардсона—въ 1748 г., «Новая Элоиза» Руссо—въ 1761 г., «Сентиментальное путешествіе» Стерна, которое почему-то нашими критиками относится сюда же, хотя, собственно, принадлежитъ сюда лишь по заглавію,—въ 1768 г.), но въ тѣ времена авторы не пользовались такими средствами къ распространенію своихъ книгъ, какъ въ наши дни, а потому мы должны искать настоящаго европейскаго *вліянія* литературной школы гораздо позднѣе, чѣмъ моментъ *появленія* первыхъ образцовъ. Только когда наступаетъ періодъ подражаній, можно говорить о дѣйствительномъ утвержденіи того или другого направленія. Вообще популярность литературной школы выражается не въ количествѣ авторовъ, а въ количествѣ читателей, и послѣдніе обыкновенно отстаютъ отъ писателей: авторы уже создали новую школу, а большинство читающей публики еще живетъ и питается старой.

воспѣвалъ бури своей скитальческой души, скоро нарушитъ радужное настроеніе,—изъ Британіи туча надвигалась, полная грома. Изъ Веймара, гдѣ великій германецъ въ одиночествѣ своего олимпійскаго равнодушія воскрешалъ античную древность, разоблаченную Лессингомъ и Винкельманомъ, многострадальная повѣсть любви и самоубійства расходилась по лицу Европы. Героическая лира французской поэзіи, демократизированная рукою Беранже, была настроена на болѣе нѣжный ладъ Андреемъ Шенье и издавала первые аккорды религіозной мечтательности подъ могучимъ прикосновеніемъ Шатобріана. Изъ за развалинъ псевдоклассическаго театра, забытый образъ Шекспира вставалъ предъ очарованными сердцами... Никогда еще европейскіе умы не были увлечены такимъ дружнымъ сотрудничествомъ своихъ литературныхъ силъ. Россія примыкаетъ къ общему движенію.

Проводниками сентиментализма и первыхъ элементовъ романтизма въ русскую литературу были два вышеупомянутыхъ писателя: Карамзинъ и Жуковскій. Однако, мы сильно умалимъ значеніе перваго, если будемъ разсматривать его только съ этой точки зрѣнія; какую бы сторону умственной жизни того времени мы ни тронули, мы должны говорить о Карамзинѣ: интересъ къ исторіи, литературный вкусъ, кристаллизація народнаго самосознанія,—все получало направленіе и устойчивость благодаря его литературной дѣятельности. Благороднаго характера,

съ «чувствительнымъ» сердцемъ, съ наклонностью къ романтизму по природному вкусу, а не вслѣдствіе одного литературнаго предпочтенія, онъ властвовалъ надъ умами нетолько достоинствами своихъ произведеній, но неотразимой силою своихъ личныхъ качествъ; прелесть его характера такъ сильна, что до сей поры она не испарилась и живетъ даже въ самыхъ устарѣлыхъ изъ его произведеній.

Карамзинъ родился въ 1766 году (на слѣдующій годъ послѣ смерти Ломоносова) въ помѣщичьей семьѣ, около Симбирска на Волгѣ; получивъ образованіе въ просвѣтительномъ кружкѣ Новикова, онъ, собственно, одинаково принадлежалъ обоимъ столѣтіямъ, и трудъ его распадается на двое: въ XVIII столѣтіи онъ преданъ исключительно литературнымъ интересамъ, онъ издаетъ журналъ, пишетъ повѣсти; въ XIX онъ переходитъ къ изученію исторіи, онъ становится ученымъ, онъ пишетъ свою знаменитую «Исторію Государства Россійскаго». Первое произведеніе, которымъ Карамзинъ привлекъ вниманіе, были «Письма русскаго путешественника». Интересъ къ иностранной литературѣ, близкое знакомство съ произведеніями французскихъ и нѣмецкихъ писателей, переписка съ Лафатеромъ, [1]) — все это давно подбивало его къ поѣздкѣ въ чужіе края. Въ 1789 году онъ отправляется за границу, онъ

---

[1]) Французскій текстъ—въ «Запискахъ Академіи Наукъ». Т. LXXIII. Петербургъ 1893 г.

посѣщаетъ Германію, Швейцарію, Францію, Англію; вернувшись въ Москву, онъ учреждаетъ журналъ.

«Московскій Журналъ» отмѣчаетъ эру въ исторіи русскаго литературнаго движенія. Никогда еще ни одинъ журналъ не давалъ такого разнообразнаго матеріала, такихъ цѣнныхъ свѣдѣній о движеніи иностранныхъ литературъ, столько переводовъ изъ «новѣйшихъ» авторовъ, такихъ интересныхъ и авторитетныхъ критическихъ статей. Но главною приманкой въ журналѣ были «Письма русскаго путешественника» самого Карамзина [1]). Въ первый разъ дневникъ путешественика развертывалъ не обыденныя приключенія слоняющагося туриста, а картины литературной и ученой Европы. Въ Кенигсбергѣ онъ посѣщаетъ Канта, въ Берлинѣ онъ знакомится съ Николаи, съ поэтомъ Платнеромъ; въ Веймарѣ онъ встрѣчаетъ Гердера и Виланда; въ Цюрихѣ онъ обрѣтаетъ Лафатера, съ которымъ до того переписывался изъ Москвы; въ Парижѣ онъ знакомится съ Мармонтелемъ, Левэкомъ, Бартельми и др. Онъ посѣщаетъ мѣста, гдѣ жили Вольтеръ и Руссо, гдѣ писалась «Новая Элоиза»... Все это окружаетъ его ореоломъ литературнаго авторитета, какого ни одинъ писатель до него не имѣлъ. Его

---

[1]) Англійскій переводъ: «Travels from Moscow through Prussia, Germany, Switzerland, France and England» 3 vols. London 1803. Французскій переводъ: «Les lettres d'un voyageur russe». Paris 1886. Нѣмецкій переводъ: «Briefe eines reisenden Russen». 6 vols. Leipzig 1799—1802.

романтическія наклонности, подогрѣтыя близкимъ соприкосновеніемъ съ западнымъ сентиментализмомъ, производятъ совершенно новое, невѣдомое впечатлѣніе; его гибкое перо съ удивительнымъ мастерствомъ сочетаетъ неологизмы, умножающіе словесный матеріалъ, и архаизмы, придающіе рѣчи яркость и свѣжесть. Никогда еще русская проза не имѣла такой власти надъ читателемъ [1]).

Успѣхъ Карамзина достигаетъ высшей точки съ появленіемъ повѣсти «Бѣдная Лиза». Крестьянская дѣвушка изъ окрестностей Москвы, поддается соблазнительнымъ обѣщаніямъ молодого фата, и когда, вмѣсто того чтобы сдержать ихъ, онъ оставляетъ ее и женится на другой, она бросается въ воду и погибаетъ въ томъ самомъ пруду, который былъ свидѣтелемъ ихъ счастливѣйшихъ минутъ. Эта незатѣйливая повѣсть, въ наши дни вызывающая улыбку своей чрезмѣрной слащавостью, своимъ навязчивымъ дидактизмомъ, несоотвѣтствіемъ между положеніемъ дѣйствующихъ лицъ и рѣчами, которыя они держатъ, вызвала восторгъ среди современниковъ. Впервые русскій читатель проливалъ слезы надъ книгой; впервые трогательныя подробности любовной исторіи развертывались на родной почвѣ,

---

[1]) «Письма русскаго путешественника»—произведеніе великое, несмотря на всю поверхностность и мелкость содержанія: ибо великое не всегда только то, что само по себѣ дѣйствительно велико; но иногда и то, что достигаетъ великой цѣли, какимъ бы то ни было путемъ и средствомъ». Бѣл. Т. VIII.

между своими людьми, при обыденной каждодневной обстановкѣ. Положимъ, крестьянская дѣвушка говоритъ такимъ языкомъ, какимъ, конечно, никогда не могла бы говорить, но зато это была русская крестьянка, а не пастушка изъ французской пасторали; положимъ, Симоновъ монастырь, лежащій неподалеку отъ знаменитаго пруда, представленъ съ «готическими башнями», которыхъ ни одинъ русскій монастырь не могъ имѣть, но все же это былъ дѣйствительный, всѣмъ знакомый монастырь, въ окрестностяхъ Москвы, — и множество народа предпринимало литературныя паломничества, чтобы помечтать на берегу «Лизина пруда», или вырѣзать свое имя на одномъ изъ свѣсившихся надъ нимъ деревьевъ... «Бѣдная Лиза» указала литературѣ ея новое направленіе; вліяніе ея было велико, хотя если измѣрять ее исключительно однимъ эстетическимъ мѣриломъ, повѣсть въ наши дни почти не имѣетъ цѣны [1]).

Странны законы литературныхъ реакцій. Псевдоклассицизмъ имѣлъ дѣло съ человѣческими страстями, которыя сами по себѣ были понятны для всякаго, но онъ выбиралъ такихъ неестественныхъ героевъ, что страсти ихъ перестали интересовать насъ; сентиментальный романтизмъ перешелъ къ простымъ смертнымъ, но онъ надѣлилъ ихъ такими несоотвѣт-

---

[1]) Французскіе переводы: «La pauvre Lise» Paris 1808. Kazan 1817. «Marpha ou Novgorod conquise», nouvelle historique. Moscou 1804, Genève 1805. «Le sensible» et «L'indifférent». S.-Pétersbourg 1866.

ственными страстями, что насъ такъ же мало трогаетъ ихъ «естественность», какъ трогала напыщенность первыхъ. Сентиментальная школа въ своихъ благихъ начинаніяхъ упустила изъ виду одну весьма важную сторону своей задачи. Она стремилась къ точности, воспроизводила «мѣстный колоритъ» во всемъ, гдѣ только могла: общественный уровень героевъ, ихъ народность, обычаи, одежда, — все это соблюдалось; одно лишь было забыто,—человѣческія чувства, т.-е. именно то, въ чемъ новая школа полагала свою силу. Авторы не отваживались въ глубь душевныхъ движеній и, вмѣсто того чтобы разоблачать разнообразіе человѣческихъ сердецъ, они облекали ихъ въ однообразіе своихъ собственныхъ чувствъ. Кто бы ни былъ ихъ герой, къ какому бы общественному уровню, къ какой бы странѣ, къ какой бы исторической эпохѣ онъ ни принадлежалъ,—они надѣляли его своими собственными мнѣніями, нерѣдко общепринятымъ образомъ мыслей своей литературной школы: ихъ герои становились провозвѣстниками ихъ идей. Этимъ объясняется дидактизмъ, которымъ вѣетъ отъ всѣхъ произведеній сентиментальной эпохи; несмотря на разнообразіе внѣшнихъ подробностей, на нихъ лежитъ печать какого-то внутренняго однообразія, исключающаго для читателя возможность свободнаго выбора; при всей мягкости пріемовъ «чувствительной» школы, есть что-то давящее, деспотическое и своевольное въ той настойчивости, съ какою авторы навязываютъ себя читателю, *учатъ его чувствовать* и отказываютъ ему въ правѣ

личнаго предпочтенія. Карамзинъ не могъ не подвергнуться общему недостатку. Въ его повѣстяхъ это имѣло лишь эстетическое значеніе, дѣло становится серьезнѣе въ его историческихъ трудахъ.

Сильное романтическое дыханіе проникаетъ то удивительное возсозданіе древней Россіи, которое представлено въ двѣнадцати томахъ «Исторіи Государства Россійскаго». Взгляды Карамзина на историческій трудъ, по словамъ критика, были скорѣе взглядами художника или патріотическаго моралиста, нежели ученаго изслѣдователя [1]). И тѣмъ не менѣе, такъ великъ результатъ двадцати-пяти-лѣтней работы, такъ добросовѣстенъ историческій фундаментъ этого зданія, такъ прочна прагматическая ткань, что мы легко прощаемъ этому почтенному труду его сентиментально-романтическую окраску и всѣ проистекающіе отсюда недостатки и недочеты. По впечатлѣнію произведенному, «Исторію» Карамзина, нельзя сравнить ни съ одной другой книгой. Подумайте о чарующемъ дѣйствіи его предъидущихъ произведеній, и вы поймете, что́ должны были почувствовать люди, когда эта же самая чарующая сила, овладѣвъ ихъ сердцами и воображеніемъ, ввела ихъ не въ міръ литературнаго вымысла, а въ дѣйствительность ихъ собственнаго прошлаго. 28 Января 1813 года Карамзинъ поднесъ императору Александру I пер-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. «Начало XIX вѣка. («Вѣстн. Евр.», Августъ 1895).

ные восемь томовъ, и въ двадцать пять дней изданіе въ тридцать тысячъ экземпляровъ было распродано. Много было сдѣлано въ области русской исторической науки съ тѣхъ поръ,—ни одна книга не была такимъ откровеніемъ [1].. «Древняя Россія, говоритъ Пушкинъ, казалось, была найдена Карамзинымъ, какъ Америка Коломбомъ». Съ чисто-научной точки зрѣнія этотъ трудъ является монументальнымъ возсозданіемъ прошлаго на твердомъ основаніи историческихъ памятниковъ [2]): «примѣчанія» изобличаютъ поразительную начитанность и добросовѣстность въ авторѣ, который принялся за работу какъ художникъ, а въ пыли архивовъ мало-по-малу нерородился въ изслѣдователя [3]).

Какъ трудъ Карамзина, такъ и его личность имѣетъ свою особенную славу и своеобразную для насъ цѣнность. «Карамзинъ дорогъ для насъ не тѣмъ только, что̀ онъ сдѣлалъ,—говоритъ критикъ,—но и

---

[1]) «Вытѣсненная историческою философскою критикой, изъ рода твореній, удовлетворяющихъ потребностямъ современнаго общества, «Исторія» Карамзина навсегда останется великимъ памятникомъ въ исторіи русской литературы и въ исторіи литературы русской исторіи». Бѣлинскій т. VIII (писано въ 1843).

[2]) Переводы: Histoire de l'Empire de Russie». 11 vols. Paris. 1819—26. «Geschichte des russischen Reiches». Riga 1820—27. «Istoria dell' impero di Russia» 8 vol. Venezia 1820—24.

[3]) «Если бы мы имѣли несчастіе потерять всѣ источники, наука могла бы еще идти далѣе и совершенствоваться изъ одного его сочиненія. Въ его примѣчаніяхъ заключается почти другая исторія, столь же драгоцѣнная, изъ подлинныхъ словъ составленная». Погодинъ II.

чѣмъ онъ былъ... Онъ былъ русскій не только по рожденію, но и по чувству; всею жизнію своей и дѣятельностію, столь плодотворною, принадлежалъ онъ Россіи. Но въ своемъ качествѣ русскаго, онъ былъ человѣкъ и ничто человѣческое не считалъ себѣ чуждымъ; онъ былъ сынъ всемірной цивилизаціи... Онъ сходилъ въ глубины нашего прошедшаго, изъ забытыхъ архивовъ воскресилъ онъ для русскаго народа память его давняго, темнаго минувшаго; но онъ остался сыномъ своей эпохи, и корни прошедшаго любилъ онъ въ цвѣтѣ настоящаго» [1]). Рѣдко личность писателя бывала окружена бо́льшимъ вниманіемъ и уваженіемъ. По словамъ одного изъ нашихъ критиковъ, «онъ первый своимъ талантомъ, образованностью и нравственными качествами возвысилъ званіе литератора въ нашемъ отечествѣ» [2]). Онъ никогда не принялъ никакого офиціальнаго поста; ему было предложено занять каѳедру сперва въ Дерптскомъ университетѣ, позднѣе—въ Харьковскомъ, но онъ отклонилъ оба предложенія,—до конца дней своихъ онъ довольствовался титуломъ исторіографа. Весною 1826 года, по приказанію императора Николая I, военный корабль стоялъ на-готовѣ, чтобы везти больного исторіографа въ Италію, но онъ уже не могъ воспользоваться этимъ послѣднимъ знакомъ царскаго благоволенія,—онъ скончался 22 Мая.

---

[1]) М. Катковъ. Передовая статья въ «Моск. Вѣд.» № 254. 1866 г.
[2]) Галаховъ. «Ист. русск. лит.» т. II.

нія литературнаго вліянія его оригинальныя произведенія и многочисленные переводы имѣютъ одинаковую цѣнность: своими сочиненіями онъ насаждалъ романтизмъ въ русской поэзіи, между тѣмъ какъ для своихъ переводовъ съ нѣмецкаго и англійскаго онъ бралъ только то, что было сродни его собственному сердцу [1]). Этимъ обусловливается прелестная гармонія его поэзіи, гдѣ чужое и свое сочетаются въ миротворящемъ покоѣ элегическаго созерцанія [2]). Неотступная мысль о срочности земной жизни, увѣренность въ ея продолженіи за гробомъ, христіанская вѣра въ святость человѣческой души, смутное сознаніе какого-то мистическаго сродства между міромъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ,— все это были новыя струны въ русской поэзіи. «Его романтическая муза дала русской поэзіи душу и сердце, познакомивъ ее съ таинствомъ страданія, утратъ, мистическихъ откровеній и полнаго тревоги стремленія «въ оный таинственный свѣтъ», которому нѣтъ имени, нѣтъ мѣста, но въ которомъ

---

[1]) Жуковскій переводилъ: Грея, Драйдена, Саути, Гольдсмита, Мура, В.-Скотта, Байрона, Гёте, Шиллера, Уланда, Гебеля, Кёрнера, Ламотъ-Фукэ, Цедлица, Гальма, Риккерта, Гримма, Шамиссо. Кромѣ того, имъ переведены «Наль и Дамаянти» и «Одиссея».

[2]) «Жуковскій былъ переводчикомъ на русскій языкъ не Шиллера или другихъ какихъ-нибудь поэтовъ Германіи и Англіи: нѣтъ, Жуковскій былъ переводчикомъ на русскій языкъ романтизма... Вотъ значеніе Жуковскаго и его заслуга въ русской литературѣ». Бѣлинскій, т. VIII.

юная душа чувствуетъ свою родную завѣтную сторону» [1]).

Поэзія явилась, окруженная совершенно новымъ сіяніемъ. Если вы припомните слова Тредьяковскаго, находившаго, что поэзія все равно что фрукты и конфекты на богатомъ столѣ послѣ тяжелаго обѣда; если примемъ во вниманіе, что Державинъ славилъ Екатерину Великую за то, что

Поэзія тебѣ любезна,
Пріятна, сладостна, полезна,
Какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ,

вы поймете, что́ должны были люди почувствовать, когда явился Жуковскій и тѣмъ стихомъ, о которомъ Гоголь говорилъ, что онъ «безтѣлесенъ, какъ видѣніе, и порхаетъ, какъ неясный звукъ эоловой арфы»,—провозгласилъ, что

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

Съ Жуковскимъ поэзія въ Россіи получаетъ свое истинное мѣсто: она стоитъ независимо, выше практической жизни; границы ея расширены, элементы ея умножены. Это все еще не настоящая своя, русская поэзія,—часъ еще не насталъ; земля уже родила своего поэта, но онъ еще молчалъ; за то тѣмъ временемъ все, что могло быть затронуто поэзіей привнесенной извнѣ, было введено въ ея область. Языкъ сложился и уже пѣлъ въ самыхъ нѣжныхъ

---

[1]) Бѣлинскій, т. VIII.

стихахъ, люди услышали и уразумѣли смыслъ поэзіи, сердца уже бились во слѣдъ самыхъ высокихъ вожделѣній, идеалы манили и требовали воплощенія, пути были открыты, горизонты раздвинуты,— казалось, небеса стояли отверсты; земля ждала... Теперь онъ могъ явиться, родной поэтъ; и онъ явился, тотъ, о комъ Бѣлинскій сказалъ, что его поэзія—земля, проникнутая небомъ.

Въ 1820 году появилась въ печати поэма,— волшебная сказка въ народномъ духѣ; въ заглавіи стояло: «Русланъ и Людмила» [1]), въ подписи— Александръ Пушкинъ. Имя до тѣхъ поръ не встрѣчалось, но въ литературныхъ кругахъ уже знали, кто былъ поэтъ. Одинъ изъ учениковъ Царскосельскаго лицея съ нѣкотораго времени обращалъ на себя вниманіе поэтовъ и писателей. Скоро стало извѣстно, что онъ уже печаталъ въ журналахъ, что ему было всего четырнадцать лѣтъ отъ роду, когда появилось его первое, дѣтское стихотвореніе въ 1813 году, что ему принадлежали тѣ стихотворенія, за подписью А. П., въ одномъ изъ которыхъ авторъ, почти ребенокъ, объявлялъ, что онъ готовъ отдать безсмертіе своей души за безсмертіе своихъ пѣсенъ. Тѣ, кто интересовались поэзіей, были полны великихъ ожиданій. Старикъ Державинъ, если помните, на краю могилы склонилъ голову передъ тѣмъ,

---

[1]) Нѣмецкій переводъ: Goering «Metrische Uebersetzungen aus dem Russischen» Moscau 1833.

кто «уже въ Лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей»; Жуковскій подвергалъ свои произведенія оцѣнкѣ этого мальчика и не задумываясь вычеркивалъ стихи, которыхъ его удивительная память не могла сразу удержать. «Нельзя ни съ чѣмъ сравнить, говоритъ Бѣлинскій, восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою Пушкина «Русланъ и Людмила». Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шума, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма» [1]). Какую мѣрку литературнаго роста Пушкина даетъ намъ это сужденіе критика. Онъ полагаетъ начало новому, истинно народному искусству, онъ—высшая точка русской поэзіи, а его первое произведеніе, встрѣченное одними какъ яркая заря, другими,—какъ нахальное посягательство на святость классическихъ преданій, является просто «дѣтскимъ» въ сравненіи съ его послѣдующими произведеніями. Но размѣръ литературной карьеры Пушкина выступитъ еще ярче, если обратимъ вниманіе на ея продолжительность. Первыя пѣсни «Руслана и Людмилы» были написаны въ 1818 г.,—ему было тогда девятнадцать лѣтъ; 27 Января 1837 г. онъ былъ раненъ на смерть въ поединкѣ [2]). Девятнадцать лѣтъ было отпущено ему

---

[1]) Бѣлинскій т. VIII.

[2]) Онъ умеръ три дня спустя въ домѣ Кн. Волконской, Мойка № 12. Противникъ Пушкина, французъ, баронъ Дантэсъ-Геккернъ умеръ въ Сулцѣ (въ Альзасѣ) 5-го Ноября 1895 года, восмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду.

судьбой, чтобы завоевать свою славу; въ эти девятнадцать лѣтъ какой ростъ! Его литературное дѣтство разцвѣтало во лжи псевдоклассицизма, его отрочество дышало «плѣнительною сладостью» сентиментальнаго романтизма, его юность необузданно кидается въ объятія бурнаго, туманнаго байронизма; зрѣлый мужъ—онъ въ свободѣ мощнаго таланта даетъ высшее воплощеніе народнаго духа. И когда послѣ этихъ девятнадцати лѣтъ смерть похищаетъ его, его имя встаетъ какъ неувядаемая слава страны; въ девятнадцать лѣтъ онъ успѣлъ сдѣлаться гордостью своего народа, основателемъ цѣлой будущей литературы, среди великихъ поэтовъ міра—однимъ изъ самыхъ великихъ. Но больно, оскорбительно русскому сердцу, когда приходится разбирать, какъ законченное поприще, то что́ есть лишь плодъ насильственно прерванной жизни. Прошло нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ русская критика освоилась съ этимъ фактомъ и пріобрѣла необходимую устойчивость для спокойной оцѣнки. Бѣлинскій сдѣлалъ первую попытку въ 1843 году обозрѣнія Пушкинскихъ произведеній, какъ законченнаго литературнаго цикла; его знаменитый восьмой томъ, написанный менѣе чѣмъ десять лѣтъ спустя послѣ смерти Пушкина, составляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ, воздвигнутыхъ великому поэту [1]). Съ тѣхъ поръ критическіе

---

[1]) Статьи, составившія восьмой томъ его сочиненій, появлялись въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1843, 44, 45, 46 годахъ.

и біографическіе труды не прекращались. «Pouschkiniana», каталогъ сочиненіямъ о Пушкинѣ, изданный десять лѣтъ тому назадъ [1]), насчитываетъ свыше четырехъ тысячъ пятисотъ номеровъ съ 1837 года по 1886.

Вы не можете себѣ представить, что долженъ чувствовать русскій, призванный, какъ я сегодня, разоблачить предъ иностранными слушателями красоты Пушкинской поэзіи. Почти религіозное благоговѣніе, любовь, внушаемая высшими и чистѣйшими произведеніями художественнаго творчества,—безсильны передъ трудностью задачи. Трудность происходитъ нестолько отъ степени красоты, сколько отъ качества ея. Красота у Пушкина, въ отличіе отъ столькихъ другихъ поэтовъ, есть какъ бы самостоятельная величина; она не есть лишь спутница мысли, или мнѣнія, или философской системы, она не украшеніе, не придатокъ, она—сама суть поэзіи. Вотъ сторона вопроса, которую немногіе изъ нашихъ критиковъ согласны признать. Въ наши дни усиленнаго анализа и преобладанія мысли, когда писатель не можетъ обойтись безъ того, чтобы исповѣдывать строго опредѣленный катехизисъ нравственныхъ и поэтическихъ убѣжденій, критики недоумѣваютъ предъ этимъ удивительнымъ человѣкомъ, который властвуетъ надъ сердцами, и котораго между тѣмъ не удается «причислить» ни къ философской

---

[1]) Составленъ Межовымъ, изданъ Императорскимъ Александровскимъ лицеемъ въ 1886 г.

школѣ, ни къ опредѣленной политической партіи. Ему насильно приписывались вѣрованія, политическія программы; доказательства гражданскихъ доблестей выискивались въ его произведеніяхъ, и они становились отвѣтственны за впечатлѣніе, производимое его талантомъ. Но критикамъ этого направленія придется отказаться отъ своей задачи; усилія ихъ пропадутъ даромъ, ибо Пушкинъ представляетъ противорѣчія, да къ тому же политическія его стихотворенія не изъ лучшихъ. Слѣдовало бы намъ понять разъ на всегда, что человѣкъ, будучи только поэтомъ, можетъ быть совершенно такимъ же участникомъ современной ему жизни, какъ еслибы онъ былъ ученымъ или политикомъ. Бѣлинскій хорошо сознавалъ это, когда говорилъ, что «чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній» [1]). Всѣ, кто въ поэзіи ищутъ душевной услады, а не программы мнѣній, ничего большаго не потребуютъ отъ Пушкинскаго «міра поэтическихъ созерцаній» чѣмъ его «роскоши» и «чудной» красоты. Поэтъ и самъ не имѣлъ ввиду дать больше:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ. [2])

---

[1]) ibid.

[2]) Въ англійской передачѣ вмѣсто ямба—хорей.

И писатель, приведшій эти слова во время освященія памятника Пушкину въ Москвѣ, восклицаетъ: «Какой же пользы еще нужно? Да вѣдь такіе стихи *благодѣяніе!*» [1]).

Итакъ вы видите, какого рода красота Пушкинская, вы видите, почему такъ трудно передать ее. Поэзія его представляетъ такую срощенность формы и содержанія, что никакая критическая сила никогда не будетъ въ состояніи разъединить ихъ: ея этическая цѣнность есть непосредственная эманація ея эстетическаго совершенства. Лишь немногія, величайшія произведенія искусства являютъ подобное сліяніе этихъ двухъ началъ; красота и нравственность претворены другъ въ другѣ, и совокупное вліяніе ихъ сливается въ одну равнодѣйствующую, гдѣ мы уже не разбираемъ,—въ чемъ цѣль, въ чемъ средство, въ чемъ причина, въ чемъ слѣдствіе. Есть имена, предъ которыми невольно умолкаетъ вѣчный споръ о первенствѣ формы или содержанія; не вдаваясь въ метафизическія изслѣдованія того, чѣмъ обусловлена большая или меньшая цѣнность произведенія искусства, приходится признать, что на извѣстныхъ высотахъ творчества уже самый фактъ воплощенія красоты является дѣломъ нравственнымъ, и художникъ, отдающійся ему, становится сотрудникомъ Провидѣнія въ его промыслѣ объ устроеніи вселенной.

Что же давало матеріалъ, изъ котораго Пушкинъ

---

[1]) Рѣчь И. Аксакова 7-го Іюня 1880 г.

отвлекалъ красоту для воплощенія ея въ стихахъ? Вы помните, о чемъ пѣли предшествующіе поэты. Въ XVIII вѣкѣ они говорили о событіяхъ, обычаяхъ они изображали внѣшнюю жизнь; въ началѣ XIX столѣтія они воспѣваютъ чувства, грезы,— внутреннюю жизнь человѣка съ его безотчетными стремленіями въ невѣдомый міръ. Является Пушкинъ и производитъ сліяніе: внѣшній міръ отражается въ человѣческихъ чувствахъ, внутренній міръ выводится изъ своей замкнутости; силы человѣка удерживаются отъ безплодныхъ порывовъ въ недосягаемыя области и возвращаются землѣ, ибо земная красота—часть вселенской красоты, и призваніе человѣка не въ томъ, чтобы истощать себя въ грезахъ, а въ томъ, чтобы проявлять себя въ жизни. Жизнь, вотъ что нашъ поэтъ будетъ воспѣвать, и онъ обхватитъ ее со всей широтой своей универсальной природы, проникнетъ въ нее со всей глубиной могучаго индивидуальнаго характера. Онъ беретъ жизнь въ настоящемъ и даетъ картины современнаго общества (между прочимъ—извѣстный романъ въ стихахъ «Евгеній Онѣгинъ», на которомъ мы остановимся подробнѣе); онъ беретъ жизнь въ историческомъ отдаленіи,—и въ его драмѣ «Борисъ Годуновъ», которая воспроизводитъ «смутное время», цѣлая страна воскресаетъ и живетъ [1]); онъ

---

[1]) Французскій переводъ: «Boris Godounoff» et «Poémes dramatiques» trad. par Tourgenieff et Viardot. Paris. 1862.

беретъ жизнь въ этнографическомъ отдаленіи, и съ изумительной разносторонностью и способностью къ ассимиляціи даетъ образцы греческой и римской антологіи, восточныхъ пѣсенъ, испанскихъ романсовъ, средневѣковыхъ легендъ; онъ прикасается къ самому корню народной жизни, и, черпая изъ народныхъ сказокъ и преданій, вводитъ въ поэзію элементы, которые до тѣхъ поръ считались низкими и «подлыми», а отнынѣ станутъ излюбленнымъ дѣтищемъ русскихъ писателей; наконецъ, онъ уходитъ въ самого себя и здѣсь,—чѣмъ глубже онъ проникаетъ, тѣмъ выше поднимается, чѣмъ болѣе онъ субъективенъ, тѣмъ болѣе онъ общечеловѣченъ: удивительное собраніе его краткихъ лирическихъ стихотвореній составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ сокровищъ человѣческаго творчества [1]).

Поговоримъ подробнѣе хотя бы о нѣкоторыхъ изъ его произведеній. «Евгеній Онѣгинъ», романъ въ стихахъ, можетъ быть,—самое типическое изъ произведеній Пушкина; оно типично въ двоякомъ смыслѣ: по содержанію—какъ изображеніе той эпохи, по формѣ же, по изложенію, по многосторонности отступленій, которыми испещренъ разсказъ, по разнообразію настроеній и т. д., оно типично, какъ характерное отраженіе личности поэта. Однако, прежде

---

[1]) Весьма полный перечень трудовъ Пушкина въ журналѣ Англо-Русскаго Лит. Общества за 3-е іюля, T. P. Marchant.

чѣмъ приступимъ къ разбору романа, бросимъ взглядъ на тогдашнее общество.

Русское общество первыхъ десятилѣтій нашего столѣтія являетъ картину, не лишенную своеобразной прелести. Послѣ неурядицы, какую представляютъ первые годы реформы при Петрѣ Великомъ, послѣ неуклюжихъ и смѣшныхъ попытокъ приспособиться, послѣ поверхностнаго подражанія, царившаго при блестящемъ дворѣ Екатерины, ко времени Александра I,—какъ вы можете видѣть изъ великолѣпной панорамы, какую развертываетъ гр. Левъ Толстой въ своемъ романѣ «Война и Миръ»,—высшіе классы складываются въ общество съ опредѣленнымъ и довольно характернымъ обликомъ, въ которомъ, не смотря на преобладающую пустоту свѣтскихъ интересовъ, встрѣчаются примѣры высокаго образованія и въ особенности тонкаго литературнаго воспитанія. Событія 1812—1814 годовъ: нашествіе Наполеона I, его бѣгство, шествіе императора Александра I во главѣ европейской коалиціи, его въѣздъ въ Парижъ, паденіе Наполеона и торжество Александра [1]),—вызвали въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ (а, можетъ быть, и больше), взрывъ національнаго чувства. Верхніе классы принимаются за изученіе народа и его языка. Мало-по-малу французскій языкъ, который былъ нетолько признакомъ хорошаго воспи-

[1]) Объ этой эпохѣ—многочисленные мемуары,—французскіе, австрійскіе, прусскіе.

танія, но долгое время считался единственно пригоднымъ проводникомъ образованія [1]), теряетъ свое исключительное первенство; элементы родной, народной жизни выплываютъ на поверхность; лучшіе умы съ жадности принимаются за ихъ изученіе [2]): исторія Карамзина явилась какъ разъ во время. Возникаетъ цѣлый рядъ литературныхъ обществъ; они спорятъ о превосходствѣ стараго или новаго слога; Карамзинская реформа языка вызвала негодованіе среди старшаго поколѣнія [3]); Пушкинъ со своимъ юношескимъ пыломъ показался еще болѣе непочтительнымъ. Молодая партія, называвшая себя «Карамзинистами», образуетъ знаменитое общество «Арзамасъ». Жуковскій, Батюшковъ [4]), Пушкинъ, князь

---

[1]) Даже Пушкинъ, величайшій мастеръ русскаго языка, писалъ другу: «Je vous parlerai la langue de l'Europe, elle m'est plus familière» (письмо къ Чаадаеву 1820).

[2]) Пушкинъ въ своей деревнѣ записываетъ народныя пѣсни и сказки со словъ крестьянъ и своей старой няни, Арины Родіоновны; послѣдняя сослужила безцѣнную службу русской литературѣ, посвятивъ великаго поэта въ сокровища нашей народной поэзіи. «До обѣда,—пишетъ онъ брату,—пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія».

[3]) Въ полемикѣ Карамзина съ Шишковымъ, главнымъ сторонникомъ «классическаго стиля», впервые обозначается раздѣленіе тѣхъ двухъ теченій, которыя впослѣдствіи образуютъ партіи славянофиловъ и «западниковъ».

[4]) 1887—1855. Писалъ преимущественно въ древне-антологическомъ стилѣ (можетъ быть уподобленъ Парни). Вмѣстѣ съ

Вяземскій [1]), Уваровъ [2]), лучшія литературныя силы того времени, принадлежали къ «Арзамасу». Свѣтское общество заражено и увлечено литературными интересами. Жуковскій, представленный ко двору Уваровымъ, назначается чтецомъ къ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [3]); ея вечернія собранія въ «Pavillon des Roses», въ Павловскѣ, были знамениты въ тѣ времена [4]).

Таковы были центры, изъ которыхъ литературные вкусы распространялись. Мы должны сказать къ чести тогдашняго высшаго общества, что оно нетолько интересовалось литературой, но оно вывело

Жуковскимъ онъ можетъ быть названъ предшественникомъ Пушкина; послѣдній считалъ, что Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка то же, что Петрарка для итальянскаго.

[1]) 1792—1878. Сатирикъ и критикъ; былъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

[2]) Министръ Народнаго Просвѣщенія съ 1833 по 1849 г.

[3]) Вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна (принцесса Виртембергская), вдова Павла I, мать Александра I и Николая I; основательница многочисленныхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній, которыя послѣ ея смерти составили особое министерство подъ именемъ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.

[4]) Любимцемъ на этихъ собраніяхъ былъ «Дѣдушка Крыловъ», извѣстный баснописецъ (1768—1844). Ни одинъ русскій поэтъ не былъ такъ много переводимъ, какъ онъ. Его труды имѣются на двадцати одномъ языкѣ (на *всѣхъ* индо-европейскихъ, многихъ восточныхъ и одномъ семитскомъ). Французскихъ переводовъ—72, итальянскихъ—32, англійскихъ—12. Лучшій англійскій: M. Harrison «Kryloff's original fables». London. 1884.

изъ своихъ рядовъ большинство поэтовъ и писателей; въ послѣдующее время литературные интересы, по видимому, нѣсколько покинули центръ, но въ первые годы нашего столѣтія русская аристократія представляла, можетъ быть, единственный въ исторіи примѣръ: она положительно создала русскую литературу. Пушкинъ принадлежалъ къ тому же классу, и его литературное поприще началось въ той атмосферѣ, которую мы сейчасъ описали. Однако въ своемъ «Онѣгинѣ», онъ не вводитъ насъ ни въ одинъ изъ этихъ центровъ,—онъ вращается около нихъ, онъ не рисуетъ умственныхъ или литературныхъ исключеній, онъ беретъ суетное, заурядное, безличное общество,—большую безъимянную толпу баловъ, театровъ, концертовъ и другихъ, такъ называемыхъ, увеселеній, въ однообразіи которыхъ люди ищутъ развлеченія отъ бездѣйствія и лѣни.

Онѣгинъ, герой повѣсти,—обыкновенный, дюжинный человѣкъ; но вѣдь тѣмъ интереснѣе: чѣмъ менѣе исключителенъ человѣкъ, тѣмъ большаго числа людей онъ является представителемъ. Пушкинскій герой—представитель поколѣнія, къ которому принадлежалъ поэтъ. Воспитанный французскимъ гувернеромъ, онъ получилъ внѣшній лоскъ образованія, какъ разъ сколько нужно для гостиныхъ: прекрасная французская рѣчь, анекдотическая исторія «отъ Ромула до нашихъ дней», изящныя манеры танцы, два-три кстати ввернутыхъ латинскихъ слова, чего-же болѣе?—«свѣтъ рѣшилъ, что онъ уменъ

и оченъ милъ». Вѣдь въ сущности, какъ говоритъ поэтъ,

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Брошенный въ водоворотъ Петербургской жизни, молодой франтъ скоро пресыщается докучными развлеченіями свѣта. Въ этотъ психологическій моментъ тяжкая болѣзнь и смерть дяди вызываютъ его въ деревню. Петербургъ со своими дворцами, Нева съ гранитной набережной, театры, рестораны, актрисы и танцовщицы исчезаютъ, — русская деревня во всей нетронутой прелести своей дѣвственной красоты развертываетъ зеленую даль своихъ полей и лѣсовъ...

Сосѣдъ, по имени Ленскій, юноша только что вернувшійся изъ Геттингенскаго университета, восторженный поклонникъ Шиллера и самъ поэтъ, — вводитъ Онѣгина въ домъ старой госпожи Лариной и ея двухъ дочерей, Татьяны и Ольги. Младшая помовлена съ Ленскимъ; это веселый, свѣжій, здоровый ребенокъ, но Онѣгинъ не понимаетъ, почему его пріятель остановился на ней, а не на сестрѣ:

«Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.»

Дѣйствительно, совершенно иная была старшая сестра: характера мечтательнаго, всегда погружена

въ раздуміе, она тяготилась обществомъ, предпочитала уединеніе, уходила въ свои мечты:

Задумчивость ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней.

Часами просиживала она въ саду, или бродила по аллеямъ «съ французской книжкою въ рукахъ», и часто

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ...

Является Онѣгинъ и становится властелиномъ ея мечтаній. Бѣдная дѣвушка уступаетъ силѣ охватившей ея страсти и, вопреки всякимъ правиламъ благоприличія, пишетъ Онѣгину письмо, при всей своей страстности, дышащее поэзіей невинности. Столичный баловень, пресыщенный любовными похожденіями петербургскаго свѣта и полусвѣта, принимаетъ исповѣдь провинціальной дѣвушки съ досадливымъ равнодушіемъ. Онъ мысленно готовитъ отвѣтъ и послѣ приличнаго промежутка времени отправляется къ сосѣдкамъ. Онъ застаетъ Татьяну въ въ саду. Въ длинной проповѣди, въ которой онъ съ изумительнымъ мастерствомъ драпируется въ живописную тогу великодушія, онъ обдаетъ струей холодной философіи ея горячую любовь и отказывается отъ счастія, котораго считаетъ себя недостойнымъ. Тѣмъ временемъ близится день свадьбы Ленскаго съ Ольгой. Но Онѣгинъ, снѣдаемый скукой, недовольный и другими, и самимъ собой, находитъ злорадное удовольствіе въ томъ, чтобы раз-

и оченъ милъ». Вѣдь въ сущности, какъ говоритъ поэтъ,

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть.

Брошенный въ водоворотъ Петербургской жизни, молодой франтъ скоро пресыщается докучными развлеченіями свѣта. Въ этотъ психологическій моментъ тяжкая болѣзнь и смерть дяди вызываютъ его въ деревню. Петербургъ со своими дворцами, Нева съ гранитной набережной, театры, рестораны, актрисы и танцовщицы исчезаютъ, — русская деревня во всей нетронутой прелести своей дѣвственной красоты развертываетъ зеленую даль своихъ полей и лѣсовъ...

Сосѣдъ, по имени Ленскій, юноша только что вернувшійся изъ Геттингенскаго университета, восторженный поклонникъ Шиллера и самъ поэтъ, — вводитъ Онѣгина въ домъ старой госпожи Лариной и ея двухъ дочерей, Татьяны и Ольги. Младшая помовлена съ Ленскимъ; это веселый, свѣжій, здоровый ребенокъ, но Онѣгинъ не понимаетъ, почему его пріятель остановился на ней, а не на сестрѣ:

«Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.»

Дѣйствительно, совершенно иная была старшая сестра: характера мечтательнаго, всегда погружена

въ раздуміе, она тяготилась обществомъ, предпочитала уединеніе, уходила въ свои мечты:

Задумчивость ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней.

Часами просиживала она въ саду, или бродила по аллеямъ «съ французской книжкою въ рукахъ», и часто

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ...

Является Онѣгинъ и становится властелиномъ ея мечтаній. Бѣдная дѣвушка уступаетъ силѣ охватившей ея страсти и, вопреки всякимъ правиламъ благоприличія, пишетъ Онѣгину письмо, при всей своей страстности, дышащее поэзіей невинности. Столичный баловень, пресыщенный любовными похожденіями петербургскаго свѣта и полусвѣта, принимаетъ исповѣдь провинціальной дѣвушки съ досадливымъ равнодушіемъ. Онъ мысленно готовитъ отвѣтъ и послѣ приличнаго промежутка времени отправляется къ сосѣдкамъ. Онъ застаетъ Татьяну въ въ саду. Въ длинной проповѣди, въ которой онъ съ изумительнымъ мастерствомъ драпируется въ живописную тогу великодушія, онъ обдаетъ струей холодной философіи ея горячую любовь и отказывается отъ счастія, котораго считаетъ себя недостойнымъ. Тѣмъ временемъ близится день свадьбы Ленскаго съ Ольгой. Но Онѣгинъ, снѣдаемый скукой, недовольный и другими, и самимъ собой, находитъ злорадное удовольствіе въ томъ, чтобы раз-

преслѣдуетъ ее любовью, которую она не можетъ принять.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!...»

восклицаетъ она. Ея послѣднія слова падаютъ, какъ удары молота на его сердце:

«Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна».

Она уходитъ. Онѣгинъ остается, какъ громомъ пораженный. Но за дверью раздаются шпоры,—Татьянинъ мужъ. Въ эту «злую» для него минуту поэтъ покидаетъ своего героя «надолго... навсегда»...

Таковы будничныя картины жизни, развертывающіяся въ восьми главахъ легкой, плавной ямбической рѣчи. Что передастъ своеобразную прелесть, которая окружаетъ и проникаетъ эту простую повѣсть, такую простую, что она скорѣе похожа на подтвержденіе чѣмъ на вымыселъ? Мы не можемъ даже прибѣгнуть къ сравненію: ни одна изъ иностранныхъ литературъ не имѣетъ ничего аналогичнаго [1]). До нѣкоторой степени «Онѣгинъ» можетъ быть сопоставленъ съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона [2]),

---

[1]) Изъ извѣстныхъ намъ переводовъ нѣмецкій переводъ Боденштедта наименѣе плохъ («Poetische Werke aus dem Russischen uebersetzt». 3 B. Berlin 1854—55).

[2]) Пушкинъ въ юности не избѣгъ всеобщей байронической эпидеміи; впослѣдствіи онъ судилъ его строго: «Ce Byron n'a jamais conçu qu'un seul caractère—c'est le sien» (письмо къ Раевскому, 1825).

ея дома: передняя пуста, онъ идетъ дальше; въ гостиной никого, онъ отворяетъ еще дверь,—блѣдна, неубрана, сидитъ передъ нимъ княгиня и, опершись на руку, плачетъ надъ какимъ-то письмомъ...

О, кто бъ нѣмыхъ ея страданій
Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ!
Кто прежней Тани, бѣдной Тани
Теперь въ княгинѣ бъ не узналъ!

Въ порывѣ безумнаго сожалѣнія онъ падаетъ къ ея ногамъ, схватываетъ ея руку, жадно прижимаетъ ее къ губамъ... Она его не останавливаетъ, смотритъ на него, и послѣ долгаго молчанія наконецъ тихо молвитъ:

«Довольно; встаньте. Я должна
Вамъ объясниться откровенно.
Онѣгинъ, помните-ль тотъ часъ,
Когда въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сегодня очередь моя».

Ничто не можетъ дать понятія о красотѣ Татьянина отвѣта. Въ яркихъ краскахъ встаетъ изъ прошлаго и развертывается предъ глазами Онѣгина многострадальная повѣсть ея любви, сперва въ деревенскомъ уединеніи, потомъ въ суетной пустотѣ столичной жизни; и подъ жгучимъ прикосновеніемъ этихъ воспоминаній сердце Татьяны рвется на части отъ любви къ тому, кто отвергъ ее въ тѣ дни, и негодованія на того, кто теперь

преслѣдуетъ ее любовью, которую она не можетъ принять.

«А счастье было такъ возможно,
Такъ близко!...»

восклицаетъ она. Ея послѣднія слова падаютъ, какъ удары молота на его сердце:

«Я васъ люблю (къ чему лукавить?).
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна».

Она уходитъ. Онѣгинъ остается, какъ громомъ пораженный. Но за дверью раздаются шпоры,—Татьянинъ мужъ. Въ эту «злую» для него минуту поэтъ покидаетъ своего героя «надолго... навсегда»...

Таковы будничныя картины жизни, развертывающіяся въ восьми главахъ легкой, плавной ямбической рѣчи. Что передастъ своеобразную прелесть, которая окружаетъ и проникаетъ эту простую повѣсть, такую простую, что она скорѣе похожа на подтвержденіе чѣмъ на вымыселъ? Мы не можемъ даже прибѣгнуть къ сравненію: ни одна изъ иностранныхъ литературъ не имѣетъ ничего аналогичнаго [1]). До нѣкоторой степени «Онѣгинъ» можетъ быть сопоставленъ съ «Донъ-Жуаномъ» Байрона [2]),

---

[1]) Изъ извѣстныхъ намъ переводовъ нѣмецкій переводъ Боденштедта наименѣе плохъ («Poetische Werke aus dem Russischen uebersetzt». 3 B. Berlin 1854—55).

[2]) Пушкинъ въ юности не избѣгъ всеобщей байронической эпидеміи; впослѣдствіи онъ судилъ его строго: «Ce Byron n'a jamais conçu qu'un seul caractère—c'est le sien» (письмо къ Раевскому, 1825).

но только по внѣшней формѣ: тѣ же краткія строфы, та же быстрота, тѣ же частыя отступленія, то же постоянное присутствіе личности автора; но какая разница съ британскимъ современникомъ! Ни капли горечи, — онъ свѣтѣлъ, прозраченъ; поэтическая призма, сквозь которую онъ созерцаетъ дѣйствительность, — изъ чистѣйшаго кристалла, безъ дымки, безъ окраски. И чего только она не преломляла! Этотъ человѣкъ, который былъ нашимъ величайшимъ романтикомъ, былъ въ то же время и нашимъ первымъ реалистомъ; его поэзія не боится никакихъ подробностей. Но онъ никогда ни въ чемъ не выводитъ предъ нами сырую жизнь, всегда—*картины* жизни; не то чтобы украшенную, принаряженную жизнь, нѣтъ, — настоящую, но преломленную жизнь, преображенную искусствомъ. Всякій стихъ его реаленъ; но какъ бы ни реальна картина, она остается перломъ искусства. Своимъ стихомъ онъ заставляетъ насъ любить природу, а наслаждаясь красотой природы, мы проникаемся еще большей любовью къ воплотившему ее стиху. А чего не воплотилъ онъ!

Вотъ Петербургъ съ суровой красой своихъ зимъ; Петербургъ со сказочной прелестью своихъ весеннихъ бѣлыхъ ночей, когда небо не меркнетъ, и утренняя заря спѣшитъ смѣнить вечернюю, «давъ ночи полъ часа». Петербургъ со своими памятниками, со своей исторіей; Петръ Великій, стоящій на топкихъ берегахъ недавно завоеванной Невы и

провидящій будущій гранитный городъ, гавань, полную судовъ, и праздничную картину ихъ пестрыхъ флаговъ [1])...

Москва! Звонъ ея колоколовъ, разливающійся въ ясномъ, свѣтломъ воздухѣ воскреснаго утра; однообразная суетливость ея безконечныхъ улицъ; гордый златоглавый Кремль; мрачная фигура Наполеона, ожидающаго узрѣть у своихъ ногъ колѣнопреклоненную столицу,—и городъ, «отвѣчающій пожаромъ»...

А картины современнаго общества! Балъ у старушки Лариной; что за портреты въ нѣсколькихъ словахъ, даже второстепенныя лица! Татьянина старая няня, напримѣръ, эта типичная крѣпостная, которая въ своей скромной, подначальной долѣ умѣетъ выказать столько беззавѣтной преданности. Сцена, когда Татьяна въ мучительную безсонную ночь разспрашиваетъ ее о годахъ ея молодости, была-ли она влюблена и какъ вышла замужъ; страданіе бѣдной дѣвушки, впервые сознающей, что она любитъ, растерянность старушки, которая думаетъ, что дитя нездорово; тишина соннаго дома, перемѣнный шепотъ дѣвушки и старушки, удушливый воздухъ жаркой лѣтней ночи и холодный свѣтъ «вдохно-

---

[1]) Надѣюсь, что русскіе читатели не примутъ это за признакъ невѣжества или недосмотра; если въ разборъ «Евг. Он.» введена картина изъ «Мѣдн. Всадн.», то лишь по ассоціаціи,—образъ самъ напросился.

вительной луны»,—составляютъ одну изъ самыхъ чудныхъ страницъ всемірной литературы.

А описанія природы, деревенскія картины, времена года, характерное Пушкинское предпочтеніе осени! Что передастъ прелесть всего этого и то заразительное ощущеніе *жизни*, которое овладѣваетъ вами и заставляетъ ваше сердце биться за одно съ сердцемъ поэта! Ибо поэтъ вездѣсущъ, что бы онъ ни описывалъ, проникаетъ каждое слово,—сдержанъ, не навязчивъ,—но всегда на лицо; его всеобъемлющая душа все преисполняетъ; читатель никогда не предоставленъ самому себѣ, онъ наперсникъ радости и печали поэта, его спутникъ въ веселіи, товарищъ въ шуткахъ. И это сообщество до такой степени обаятельно, полно такой услады, что, когда мы подходимъ къ концу повѣсти, мы положительно сами не знаемъ, чтó намъ больнѣе, закрыть-ли книгу или разстаться съ авторомъ. И поэтъ сознаетъ власть своего обаянія, сознаетъ чарующую силу, проистекающую отъ его постояннаго присутствія въ собственномъ произведеніи. Грустно его прощаніе съ читателемъ, грустнѣе его развѣ только послѣдующія строки, въ которыхъ онъ какъ будто двоится, отдѣляется отъ самого себя, для того чтобы разстаться съ любимыми образами своего разсказа:

Прости-жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеалъ,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ

Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явилися впервые мнѣ—
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще не ясно различалъ.
Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужь нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Разстанемся и мы съ «Онѣгинымъ», чтобы сказать нѣсколько словъ о лирикѣ Пушкина [1]).

Трудно опредѣлить, какому собственно чувству нашъ поэтъ отдаетъ предпочтеніе. Любовь-ли, дружба-ли, печаль-ли, радость-ли, смѣхъ и шутка или слезы и страданіе,—положительно нельзя опредѣлить, которая любимая сфера поэта, до такой степени онъ равно превосходенъ во всемъ. Въ своемъ художественномъ созерцаніи жизни, какъ поэтическаго матеріала, онъ беретъ людскую радость и людское горе съ такимъ отсутствіемъ пристрастія въ ту или другую сторону, что не только одинаково превосходно изображаетъ ихъ, но онъ никогда не выводитъ ихъ порознь; какъ сама жизнь, такъ и различныя чувства

---

[1]) «Евгеній Онѣгинъ», обработанный для сцены, былъ положенъ на музыку Чайковскимъ; это одно изъ самыхъ поэтичныхъ произведеній покойнаго композитора († 1893).

въ жизни сложны, а потому и изображеніе ихъ многострунно. Отчаяніе у Пушкина всегда озарено лучемъ надежды, за радостью чувствуется сознаніе скоротечности, и смутное предчувствіе смерти проникаетъ самое необузданное веселье. Его радости печальны: уста улыбаются, но чело задумчиво; его печаль скоропреходяща: очи полны слезъ, а уста уже смѣются. Проливной дождь при яркомъ солнечномъ сіяніи, такова его поэзія. Не думаю, что будетъ преувеличеніемъ съ моей стороны, если скажу, что всякій другой лирическій поэтъ покажется одностороннимъ по сравненію съ Пушкинымъ. Эта многострунность душевная, при полномъ отсутствіи какого-либо преобладающаго чувства, обусловливаетъ то миротворящее, проясняющее впечатлѣніе, какое въ цѣломъ производитъ Пушкинская поэзія. Удивительная гармонія ея происходитъ отъ того, что всѣ ея элементы коренятся въ человѣческой душѣ,—ничего внѣ ея предѣловъ, ничего сверхъестественнаго, надмірнаго, ничего недосягаемаго, нѣтъ безплодныхъ стремленій въ идеальные міры. Въ то время какъ столько другихъ поэтовъ уклоняютъ наши духовныя силы, направляя ихъ въ міръ грезъ и мечтаній, у Пушкина онѣ сосредоточиваются на дѣйствительной жизни; душа человѣка находитъ свои радости и средства противъ горя въ природѣ своего собственнаго существа, а не въ безцѣльныхъ попыткахъ уйти отъ самой себя.

Мы теперь лучше поймемъ выраженіе Бѣлинскаго

Намъ пора проститься съ Пушкинымъ. Мы покидаемъ его съ грустнымъ сознаніемъ недостаточности нашего краткаго и неполнаго разбора; Пушкинская поэзія — одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые могутъ привести критика въ отчаяніе: какъ бы ни былъ добросовѣстенъ его разборъ, всегда будетъ казаться, что онъ говорилъ нестолько о поэтѣ, сколько о своихъ къ нему чувствахъ...

Національный характеръ Пушкина часто подвергался обсужденію: въ какой мѣрѣ онъ представитель своей народности, до какой степени онъ типически русскій. Человѣкъ, который умѣетъ такъ ассимилироваться съ греческой антологіей, съ романтической Испаніей, съ средневѣковой легендой, — принадлежитъ человѣчеству, а не одному народу. Такъ говорятъ критики; одинъ французскій писатель прямо отказываетъ ему въ какой бы то ни было «этнической» окраскѣ: «развѣ это его умаляетъ, спрашиваетъ онъ, что мы отнимемъ его у его народа и передадимъ его человѣчеству?» [1]) Какъ будто, предвидя это сужденіе, Бѣлинскій за сорокъ лѣтъ отвѣтилъ на него, замѣтивъ, что поэтъ, который такъ превосходенъ въ изображеніи другихъ народностей, не можетъ не быть превосходенъ въ изображеніи своей народности [2]). А еще ранѣе его, за четыре года до смерти Пушкина, Гоголь писалъ, что тѣ картины

---

[1]) V-te M. de Vogüé «Le roman russe» 1886.
[2]) T. VIII.

Пушкина, которыя проникнуты русской душой, могутъ быть поняты лишь тѣмъ, для кого Россія родина [1]). Такимъ образомъ, его національная цѣнность становится однимъ изъ элементовъ его общечеловѣческой цѣнности. Эта мысль была развита Достоевскимъ; онъ обозначилъ характеръ Пушкина новымъ именемъ, котораго я не могу вамъ передать иначе, какъ образовавъ греческое слово: πανάνθρωπος («всечеловѣкъ») должно было означать, что Пушкинъ совмѣщалъ всѣ человѣческія качества и потому принадлежалъ всѣмъ народамъ, но при этомъ самая многосторонность, способность ассимилироваться, выставлялась какъ специфически-національная черта [2]).

Намъ этотъ споръ кажется празднымъ, празднымъ въ особенности для русскихъ. Пусть другіе рѣшаютъ, насколько Пушкинъ помогаетъ пониманію *русскаго* характера, для насъ же онъ дорогъ тѣмъ, что, будучи русскимъ, онъ помогъ русскимъ понимать *человѣческій* характеръ. Онъ предугадалъ свое значеніе въ этомъ смыслѣ, когда въ своей передѣлкѣ Гораціева «памятника» говорилъ:

И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

---

[1]) Арабески («Нѣсколько словъ о Пушкинѣ»).

[2]) Рѣчь, произнесенная при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, 7 Іюня 1880 г.

Но это не уменьшаетъ универсальнаго значенія того, кто восклицалъ:

Нѣтъ, весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Карамзинъ сказалъ, что «хорошо писать для россіянъ, но еще лучше писать для всѣхъ людей». Когда люди научатся читать его, они увидятъ, что Пушкинъ писалъ для всѣхъ людей. Будемъ надѣятся, что этотъ день когда-нибудь придетъ и для васъ. Что касается меня, я увѣренъ, что наступитъ время, когда все что есть высокаго, прекраснаго на землѣ, станетъ доступно всякому; когда отдѣльныя части великой человѣческой семьи не будутъ лишены того, что составляетъ общечеловѣческое достояніе, только въ силу незнакомства съ тѣмъ или другимъ языкомъ. «То, что дѣйствительно прекрасно, говоритъ Гёте, отличается своею принадлежностью всему человѣчеству» [1]). Настанетъ день, когда эти слова изъ области умозрительныхъ истинъ перейдутъ въ область практическихъ выводовъ; настанетъ день, когда всякому откроется доступъ въ тотъ высшій міръ, въ которомъ духовное творчество народовъ создало единую общую родину для всѣхъ.

---

[1]) Письмо къ Карлайлю отъ 15 Іюня 1828 г.

Тотъ день, какъ юноша мечтолюбивый,
Проснулся рано на зарѣ.

Шекспиръ.

Лекція VII (1837—1861).

Лермонтовъ, романтическій пессимизмъ. Лермонтовъ и Пушкинъ. Кольцовъ, народная рѣчь въ поэзіи. Литературный и иной аристократизмъ того времени. — Гоголь. Смыслъ его появленія. Смѣхъ Гоголя. Мѣсто сатиры въ эволюціи народа. — Сороковые года. Московскій Университетъ. — Бѣлинскій и его вліяніе. Славянофилы и «западники». Пробужденіе національныхъ интересовъ. Восшествіе Александра II.

Въ Мартѣ 1837 года Гоголь, въ то время находившійся въ Римѣ, писалъ къ пріятелю подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Пушкина: «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему посмѣется, чему изрѣчетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы». Въ такихъ выраженіяхъ основатель русской «натуральной» школы оплакивалъ смерть великаго романтика.

Эти слова Гоголя составляютъ драгоцѣнное звено въ цѣпи русскаго литературнаго развитія: два полюса художественнаго созерцанія жизни—вершина ея идеалистическихъ красотъ и самое дно ея реалистической бѣдноты—стоятъ лицемъ къ лицу; связанныя силою таланта, освященныя взаимнымъ уваженіемъ, оба противоположныя направленія скоро сольются въ тотъ могучій потокъ, который подниметъ и понесетъ все, что русская жизнь раскроетъ въ своихъ пока неизвѣданныхъ глубинахъ.

Однако мы не можемъ еще приступить къ великому прозаику. Муза Пушкина увлекла насъ въ такія высоты, что мы упустили изъ виду дѣйствительность;—говоря о поэзіи, мы забыли о поэтахъ; а Пушкинъ былъ не одинъ: цѣлая плеяда молодыхъ поэтовъ окружаетъ молодого учителя. Молодость, какъ физическая такъ и нравственная, составляетъ отличительную черту той эпохи. Духъ ли времени способствовалъ раннему развитію талантовъ, или сами поэты сообщили печать своей юности всему окружающему, только рѣдко общество чувствовало себя до такой степени молодымъ, какъ русское общество въ первыя десятилѣтія нашего столѣтія. Всѣ были молоды въ тѣ дни. Императоръ Александръ I вступаетъ на престолъ двадцати трехъ лѣтъ, когда,—какъ сказалъ бы Викторъ Гюго,—столѣтію, шелъ всего второй годъ. Пушкинъ даетъ знать себя въ девятнадцать лѣтъ и умираетъ въ тридцать восемь. Его другъ Дельвигъ вступаетъ въ

литературу шестнадцати и умираетъ тридцати трехъ. Гоголь становится знаменитостью въ двадцать два года и достигаетъ высшей славы пять лѣтъ позднѣе, въ день постановки «Ревизора». Другая комедія, оспаривающая у «Ревизора» первенство на нашей сценѣ, «Горе отъ ума» Грибоѣдова [1]), появляется въ то время, какъ автору ея всего двадцать восемь лѣтъ [2]).

Но самый удивительный, самый молодой изъ молодыхъ современниковъ Пушкина, это Лермонтовъ, который началъ печатать въ двадцать одинъ годъ и былъ убитъ на поединкѣ на двадцать седьмомъ году (1841). Въ шесть лѣтъ онъ успѣлъ подняться на уровень высшей поэтической славы. Въ русской литературѣ его имя стоитъ непосредственно за именемъ Пушкина; онъ нетолько продолжаетъ, онъ до нѣкоторой степени пополняетъ своего старшаго современника. Среди всѣхъ поэтовъ, окружающихъ автора «Евгенія Онѣгина», Лермонтовъ одинъ обладаетъ настолько сильною индивидуальностью, чтобы стоять независимо, отдѣльно отъ Пушкина. Въ то время какъ такіе изящные поэты, какъ Дельвигъ,

---

[1]) «Gore ot ouma», transl. by N. Benardaky. London 1857. Два нѣмецкихъ перевода: Reval 1831. Leipzig 1853.

[2]) Молодость и ранняя смерть писателей этого поколѣнія отодвигаютъ отъ насъ всю литературную эпоху и дѣлаютъ ее болѣе отдѣленной, чѣмъ она на самомъ дѣлѣ, когда подумаешь, что Пушкинъ могъ бы быть старшимъ современникомъ Тургенева, Некрасова, Льва Толстого.

Баратынскій, Языковъ, не смотря на совершенство языка и законченность формы, лишь сопутствуютъ главной звѣздѣ, въ то время какъ они живутъ ея свѣтомъ, Лермонтовъ питаетъ такое пламя сдержанной страсти въ своемъ горячемъ сердцѣ, что зажигаетъ свою отдѣльную звѣзду со своимъ независимымъ блескомъ [1]).

Мы далеки отъ Пушкинской гармоніи въ Лермонтовской поэзіи: земля и небо строго раздѣлены, они рѣдко соприкасаются, и именно эта невозможность сближенія сообщаетъ его стихамъ ихъ своеобразную окраску безнадежной тоски. Какъ мало у него стихотвореній свѣтлыхъ, умиротворяющихъ: когда земля и люди злы или печальны, небеса прекрасны, но далеки и полны сомнѣнія; когда земля прекрасна, она не для него, солнце свѣтитъ для другихъ, а онъ чужой, изгнанникъ; и тѣмъ не менѣе, больше сожалѣнія, чѣмъ надежды, въ его мысли о смерти. Нѣмецкій критикъ Лермонтова, Боденштедтъ, удивляется, какъ могли его сравнивать съ Пушкинымъ; и въ самомъ дѣлѣ, именно тѣ черты, которыми они разнятся, составляютъ характерную сторону каждаго изъ нихъ. Вы помните Пушкинскую многосторонность даже при изображеніи одного какого-нибудь чувства? Никогда онъ на немъ не

---

[1]) Лучшій переводъ: Bodenstedt «Poetischer Nachlass» 2 B. Berlin 1852. Изъ Лермонтовской прозы: «A hero of our own times» London 1854. «Choix de nouvelles russes» trad. par Chopin. Paris 1853.

останавливается, не предается ему всецѣло, безусловно: когда онъ страдаетъ въ одиночествѣ, онъ идетъ въ толпу, когда онъ страдаетъ въ толпѣ, онъ ищетъ утѣшенія въ одиночествѣ; изъ-за самыхъ горькихъ слезъ его свѣтится улыбка; какъ юноша въ полномъ сознаніи могучихъ силъ, онъ стряхиваетъ свою скорбь и точно восклицаетъ: «довольно объ этомъ, давайте стаканъ искрометнаго вина!». Лермонтовъ отказывается отъ всякаго утѣшенія, его раны зіяютъ, его скорбь настойчива; и какъ глубоки онѣ! Онъ точно предчувствовалъ кратковременность своего земного поприща и нарочно тратилъ свои духовныя силы, точно торопился въ эти нѣсколько лѣтъ прожить цѣлую жизнь. Сравнивая себя съ Байрономъ, онъ восклицаетъ:

Я раньше началъ, кончу ранѣ...

а тѣмъ временемъ не жалѣетъ себя; онъ даетъ все, что можетъ дать, онъ истощаетъ, пожираетъ свое сердце,—Прометей поэзіи, онъ становится собственнымъ коршуномъ; онъ раздуваетъ свой внутренній огонь, точно желаетъ, чтобы сама душа его прогорѣла, чтобы ничего отъ него не осталось въ роковой день, когда пуля пронзитъ его грудь, чтобы все перешло въ поэзію. Только въ поэзіи, говоритъ тотъ же нѣмецкій критикъ, былъ Лермонтовъ самимъ собой. И въ самомъ дѣлѣ,—небольшого роста, невзрачный, до болѣзненности чувствительный, щепетильный и обидчивый, молодой офицеръ проходилъ

по гостинымъ петербургскаго свѣта съ личиной презрѣнія; мрачный, разсѣянный, онъ точно отсутствовалъ и только отъ времени до времени возвращался къ дѣйствительности, разражаясь язвительной насмѣшкой, полной горечи и желчи: онъ въ жизни не высказывался и весь уходилъ въ поэзію. Удивительная сила чувства, густота красокъ въ изображеніи настроеній, вполнѣ вознаграждаютъ за сравнительное однообразіе, которое невольно поражаетъ послѣ Пушкина. Кромѣ того, поэтическая форма его, одежда, въ которую онъ облекаетъ свои чувства, представляетъ удивительное разнообразіе. Стихъ его не до такой степени естественно простъ какъ Пушкинскій, за то Лермонтовъ нашелъ новые размѣры, и достигъ звуковыхъ эффектовъ, которыхъ даже Пушкинъ не достигалъ. Въ своей полу-восточной, полу-Байроновской поэмѣ «Демонъ» онъ, право, доходитъ до той грани, гдѣ поэзія кончается и начинается музыка. Четырехъ-стопный ямбъ «Евгенія Онѣгина» является положительно преображеннымъ: никто не признаетъ въ торжественномъ теченіи этого звучнаго стиха— легкаго, быстраго, шутливаго стиха Пушкинскаго романа.

Внѣшняя обстановка, картины, въ которыхъ вращается поэзія Лермонтова, составляютъ послѣ богатства стиха одну изъ главныхъ ея прелестей. Красота его пейзажей при мрачномъ настроеніи выступаетъ съ тѣмъ большей яркостью. Самыя грустныя его произведенія полны солнца, свѣта,

цвѣтовъ, и синева небесъ сіяетъ радостью въ пѣсняхъ того, кто такъ удивительно передалъ Байроновское «Душа моя мрачна». Введя Крымскую и Кавказскую природу въ свои стихи, Лермонтовъ и Пушкинъ раздвинули географическія границы русской поэзіи; она воспѣвала сѣверное сіяніе во дни Ломоносова, она теперь поетъ о виноградникахъ, кипарисахъ, она созерцаетъ небесную лазурь сквозь пахучія грозди бѣлой акаціи [1]...

Въ нашей бѣглой характеристикѣ Лермонтовской поэзіи мы постарались главнымъ образомъ подчеркнуть тѣ стороны, которыми она разнится отъ Пушкина. Какъ вы можете замѣтить, ея окружность меньше, ея основаніе кажется сравнительно ограниченнымъ, однако ея художественная высота такова, что ставитъ имя Лермонтова на одинъ уровень съ именемъ Пушкина; ихъ личности не соизмѣримы, но достоинство поэзіи одинаково. Лермонтовъ не такъ многоструненъ, какъ Пушкинъ, но, еслибы его струны прибавить къ лирѣ Пушкина, онѣ бы не разстроили ея, онѣ лишь привнесли бы въ свѣтлую гармонію его ма-

---

[1]) Тѣмъ, которые все еще не могутъ отдѣлаться отъ представленія о Россіи, какъ о странѣ вѣчнаго снѣга и льда, можно посовѣтовать книгу Vachon «La Russie au soleil» (Paris 1886), если описанія русскаго лѣта на страницахъ Гоголя и Тургенева имъ кажутся не достаточно краснорѣчивыми и заслуживающими довѣрія.

жорнаго трезвучія скорбь минорныхъ ладовъ и томительную боль диссонансовъ, жаждущихъ разрѣшенія...

Личность Лермонтова, конечно, не успѣла ни вполнѣ сложиться, ни вполнѣ выразиться въ его произведеніяхъ, но возьмите литературное наслѣдіе даже величайшихъ поэтовъ міра и посмотрите, что́ бы отъ него осталось, еслибы смерть настигла ихъ на двадцать седьмомъ году.

Намъ нужно сказать нѣсколько словъ о другомъ поэтѣ тридцатыхъ годовъ—о Кольцовѣ (1809—1842). Внѣ всякой литературной школы, Кольцовъ въ нѣкоторомъ смыслѣ поэтъ-самоучка; сынъ Воронежскаго купца, онъ получилъ образованіе, лишь насколько требовалось для торговыхъ дѣлъ отца; но страстная любовь къ книгамъ и въ особенности къ стихамъ не давала ему покоя; творенія Жуковскаго, Пушкина, Дельвига и др. попадаются ему въ руки и онъ принимается самъ писать. Онъ написалъ немного, да и недолго писалъ,—съ 1834 года до 1842; какъ и другіе, онъ умеръ рано,—тридцати трехъ лѣтъ; однако значеніе его въ литературѣ велико. Онъ первый ввелъ въ поэзію народную рѣчь, первый сдѣлалъ крестьянскую рѣчь орудіемъ искусства, первый сдѣлалъ дѣйствительную жизнь крестьянина предметомъ поэтическаго вымысла. У Кольцова душа крестьянина живетъ и дышитъ на самыхъ высшихъ ступеняхъ художественнаго творчества; она завоевываетъ себѣ то мѣсто, которое

отнынѣ ей будетъ принадлежать въ дальнѣйшемъ развитіи русской литературы. Кольцовъ имѣлъ продолжателей въ начатомъ имъ дѣлѣ, но ни у кого нѣтъ его наивной, почти безсознательной, свѣжести. Никитинъ гораздо болѣе литературенъ и притомъ примѣшалъ много городского, мѣщанскаго элемента къ своимъ деревенскимъ картинамъ; Некрасовъ же, даже въ своихъ самыхъ прочувствованныхъ произведеніяхъ этого рода, остается зрителемъ, наблюдателемъ; онъ говоритъ *за* крестьянина, становится его ходатаемъ, тогда какъ у Кольцова крестьянинъ *самъ* говоритъ устами поэта: его страданія, его радости, его любовь, всѣ событія его несложной жизни въ ихъ постоянной зависимости отъ земли и погоды встаютъ предъ нами въ чудныхъ стихахъ, которые кажутся такимъ же естественнымъ ихъ выраженіемъ, какъ запахъ естественно отдѣляется отъ цвѣтка [1]).

Кольцовъ интересенъ и въ другомъ отношеніи. Онъ первый писатель не принадлежащій къ аристократическимъ кругамъ Петербурга. Всѣ авторы, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, принадлежали къ этому классу, и это не могло не имѣть вліянія на положеніе литературы и на отношеніе къ ней общества. M-e de Staël была весьма близка къ

---

[1]) О Кольцовѣ: W. R. J. Ralston («Fourtnightly Review» Sept. 15-th 1866).

истинѣ, когда говорила, что «въ Россіи нѣсколько дворянъ занимаются литературой» [1]). Поэты и писатели составляли нѣчто вродѣ союза со строгой олимпійской замкнутостію, чрезъ которую долженъ былъ переступить всякій, желавшій посвятить себя литературѣ; карьера была немыслима безъ освященія и признанія со стороны тѣхъ, кто уже былъ признанъ. Кольцовъ въ своей провинціальной глуши испытываетъ притягательную силу олимпійскихъ вершинъ. Правда, что только послѣ его пріѣзда въ Петербургъ и послѣ личнаго знакомства съ Пушкинымъ и другими начинается дѣйствительно цѣнная пора его творчества, но даже, если бы онъ и раньше началъ, онъ бы не смогъ въ тѣ времена заслужить литературнаго признанія, не покидая своего родного города [2]). Впрочемъ аристократизмъ составляетъ отличительную черту не одной только литературы.

Съ 1825 года мы уже не въ царствованіи Александра I. Просвѣщенный внукъ Екатерины Великой, воспитанный швейцарцемъ Лагарпомъ въ духѣ французской философіи, по немногу измѣнилъ свои идеи. Послѣ удивительной эпохи 1812—1814 годовъ, приведшей къ паденію Наполеона и водворенію Европы въ ея прежнихъ политическихъ гра-

---

[1]) «Dix années d'exil».

[2]) Вышеупомянутый Никитинъ, повидимому, первый русскій поэтъ, заслуживший признанія, не выѣзжая изъ родного города Воронежа.

ницахъ, послѣ великолѣпія и блеска коалицій и конгрессовъ, Александръ мало-по-малу впадаетъ въ какую-то отвлеченную романтическую религіозность и кончаетъ дни свои, погруженный въ мистицизмъ подъ вліяніемъ извѣстной г-жи Крюденеръ [1]) и окруженный представителями либо жестокаго милитаризма, какъ графъ Аракчеевъ, либо обскурантическаго недовѣрія, какъ Шишковъ. Въ 1825 году ему наслѣдуетъ братъ его, Николай I. Перемѣна царствованія ознаменована взрывомъ, такъ называемой, Декабрьской революціи. Лучшіе умы того времени приняли участіе въ движеніи, главная задача котораго была освобожденіе крестьянъ. Но время еще не наступило, и тѣ, кто прибѣгли къ насилію, были сломлены силою [2]).

Царствованіе императора Николая I принадлежитъ къ тому періоду европейской исторіи, когда вопросы внѣшней политики значительно перевѣшивали интересы внутренніе [3]). Государи Европы, казалось, были заняты исключительно обезпеченіемъ добрыхъ отношеній между собой,—не потому, что это считалось, какъ въ наши дни, условіемъ внутренняго благо-

---

[1]) О ней: Ch. Eynard «Vie de M-me Krudener». 2 vols. Paris. 1849.

[2]) Гр. Левъ Толстой выбралъ эту эпоху предметомъ романа; къ сожалѣнію, «Декабристы» остановились на третьей главѣ.

[3]) О Николаѣ I: P. Lacroix «Histoire de Nicolas I». 8 vols. Paris. 1864.

денствія, а потому, что оно являлось залогомъ внутренней безопасности. Монархи были вынуждены къ солидарности; они избавились отъ вмѣшательства «Цезаря», но память его еще жила, и революціонный духъ бродилъ и вспыхивалъ въ разныхъ мѣстахъ. Поэтому узы династической солидарности были стянуты какъ можно туже. На почвѣ Священнаго Союза,—въ программѣ котораго романтическій идеализмъ Александра I былъ значительно разбавленъ практической неразборчивостью австрійскаго министра Метерниха,—государи того времени тоже представляли своего рода замкнутое общество, члены котораго, не смотря на различное положеніе каждаго въ своей странѣ, были всѣ заняты одной и той же мыслью—соблюденіемъ легитимистическаго «statu quo» въ полной неприкосновенности. Однако онъ просуществуетъ не долго. Вмѣшательство другого Наполеона скоро нарушитъ общее спокойствіе, а тяжелыя испытанія Крымской войны укажутъ, что внутреннее благосостояніе, по крайней мѣрѣ, такое же важное условіе для существованія страны, какъ и внѣшнее величіе. Но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда европейскія правительства составляли какъ бы аристократическую ассоціацію, все, что представляло внутренній интересъ, все, что носило характеръ истинно-народный, а не оффиціально-народный,—отзывалось нѣкоторымъ демократизмомъ и не пользовалось успѣхомъ.

Русская литература въ лицѣ своихъ предста-

вителей вступила на путь той же аристократической исключительности. Хотя писатели и воспроизводили русскую жизнь, однако это не была жизнь во всемъ ея объемѣ; это была лишь видимая жизнь, фасадъ, парадное крыльцо; это была картина,—жизненно-правдивая, художественно-прекрасная,—но все же картина, не статуя; ея нельзя было обойти кругомъ. Жизнь изучалась въ ея результатахъ, конечныхъ формахъ, не въ процессѣ созиданія; авторы говорили о цвѣтахъ, они не трогали еще корней; ни одинъ изъ нихъ еще не коснулся жгучихъ интересовъ общественныхъ слоевъ, ихъ условій, ихъ взаимныхъ отношеній; ни разу еще никто не прикоснулся къ тѣмъ единичнымъ, индивидуальнымъ пружинамъ, чрезъ посредство которыхъ правительственный механизмъ проникалъ въ общество и народъ. Кольцовъ, какъ вы видѣли, былъ первымъ представителемъ другого класса въ средѣ писателей, онъ первый внесъ новые элементы въ литературу. Его дѣло было не настолько крупно, чтобы обозначить собой новую эпоху,—честь эта принадлежитъ другому.

Весною 1831 года, юноша лѣтъ двадцати двухъ, недавно пріѣхавшій изъ Малороссіи, былъ подведенъ, какъ тогда выражались, «подъ благословеніе Пушкина». Онъ служилъ въ одномъ изъ департаментовъ и пробовалъ свое перо въ прозѣ и стихахъ. То былъ будущій авторъ «Тараса Бульбы» и «Ревизора». Гоголь былъ принятъ литературными

кружками съ распростертыми объятіями. Скромный чиновникъ, проводившій утро въ департаментѣ за казенными бумагами, а днемъ дававшій уроки исторіи, по вечерамъ появлялся въ модныхъ тогдашнихъ литературныхъ гостиныхъ князя Одоевскаго, князя Вяземскаго, привлекательной и умной фрейлины Россетъ [1]). Въ этой просвѣтительной средѣ, подъ животворнымъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина, зрѣлъ и развивался его талантъ.

Съ Гоголя литература въ Россіи перестаетъ быть украшеніемъ гостиной и становится народной собственностью, и съ Гоголя же русская литература перестаетъ принадлежать одному народу, а входитъ въ составъ литературы всемірной.

Мы дошли до той точки, съ которой наша литература знакома всѣмъ, или, по крайней мѣрѣ, можетъ быть изучена всякимъ,—столько за послѣдніе годы было переведено. Это до извѣстной степени облегчаетъ нашу задачу. Вы согласитесь, что для того, чтобы разобрать произведенія такихъ литературныхъ гигантовъ, какъ Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Толстой,—нужно располагать нѣсколько бо̀льшимъ временемъ, чѣмъ располагаемъ мы, если принять во вниманіе, что это наша предпослѣдняя лекція. Вотъ почему мы не столько остановимся на

---

[1]) Фрейлина Императрицы Александры Ѳеодоровны, супруги Николая I, сестры Вильгельма I, императора Германскаго; впослѣдствіи г-жа Смирнова.

разборѣ ихъ произведеній, сколько постараемся опредѣлить мѣсто, которое они занимаютъ въ общемъ ходѣ развитія русской мысли; мы обозначимъ ихъ литературную генеалогію, разберемъ ихъ взаимное отношеніе, разсмотримъ, въ какой степени они отразили современную жизнь или повліяли на нее, какихъ умственныхъ теченій они являются представителями. Такимъ путемъ мы получимъ болѣе или менѣе полную картину русской умственной и литературной жизни съ конца тридцатыхъ до начала восьмидесятыхъ годовъ; и, когда придетъ конецъ нашимъ бесѣдамъ, я утѣшу себя сознаніемъ, что, если я вамъ и не все сообщилъ о новой русской литературѣ, за то, по крайней мѣрѣ, изложилъ вамъ ту сторону вопроса, съ которой иностранный читатель врядъ-ли можетъ ознакомиться изъ одного лишь чтенія нашихъ авторовъ [1]).

Существуетъ мнѣніе, по которому основателемъ русской «натуральной» школы, первымъ представителемъ которой былъ Гоголь, считается Пушкинъ. Это сужденіе уменьшаетъ заслугу перваго и измѣняетъ характеръ второго. Пушкинъ имѣлъ огромное вліяніе на Гоголя (вы помните, въ какихъ выраженіяхъ послѣдній оплакиваетъ смерть поэта); онъ внесъ свѣтъ и порядокъ въ дѣятельность молодого романиста, внушилъ ему сознаніе своей силы, сооб-

---

[1]) Мы больше не будемъ указывать переводовъ,—это загромоздило бы страницы и вытѣснило бы текстъ.

щилъ ему спокойствіе, необходимое для развитія таланта, и которое послѣдній находитъ лишь въ уваженіи и признаніи со стороны другихъ. Все это связываетъ имена Гоголя и Пушкина неразрывными узами; однако зависимость Гоголя отъ Пушкина носитъ характеръ личной признательности, никакъ не литературнаго преемства: поэтъ вліялъ на романиста, но произведенія романиста не вытекаютъ изъ произведеній поэта. Недоразумѣніе происходитъ отъ того, что, если вы помните, Пушкинъ первый обратился къ дѣйствительной жизни; однако какая разница въ пріемахъ! Поэтъ, какъ бы ни былъ реалистиченъ, никогда не забываетъ, къ какой школѣ онъ принадлежитъ, и, когда онъ беретъ жизнь, то не ради нея, а для того чтобы ввести ее въ романтизмъ; романистъ обращается къ жизни и забываетъ, что что-либо другое на свѣтѣ существуетъ, онъ рѣшительно поворачиваетъ спину всякому отвлеченному міру поэзіи, и его великолѣпный языкъ, удивительныя краски его воображенія, становятся лишь средствами, которыя кажутся тѣмъ болѣе роскошными, чѣмъ печальнѣе нагота изображаемой имъ жизни.

Хотите знать, однимъ словомъ, что новаго Гоголь внесъ въ литературу? И до него писатели воспроизводили жизнь и заставляли людей чувствовать все, что можетъ человѣкъ прочувствовать отъ соприкосновенія съ жизнью: радость по жизни, скорбь по жизни, гордость, отвращеніе, но первый

Гоголь заставилъ ихъ *устыдиться жизни*. Припомните, что было сказано объ аристократизмѣ того времени, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе появленія Гоголя. Аристократизмъ былъ оффиціальной нотой; слѣдуя общему примѣру, писатели все больше замыкались въ олимпійское созерцаніе; дѣйствительность жизни была позабыта; никто и не думалъ заглянуть въ печальные углы, гдѣ она прозябала подъ гнетомъ рабства, грубости, невѣжества, предразсудковъ. Послѣ размягчающаго прикосновенія сентиментальной поэзіи, послѣ первыхъ ударовъ Пушкинскаго реализма, люди почувствовали точно они расплатились со всѣми долгами по отношенію къ дѣйствительности: они глянули было на жизнь сквозь волшебное окно романтизма, и теперь всѣ двери опять закрылись. Общество было утонченное, воспитанное, болѣе европейское, чѣмъ сами европейцы,— и вотъ, люди предались успокоительному отдохновенію, какъ путникъ, который взобрался на гору и которому дальше некуда идти. Какъ легкую поклажу изъ долинъ они взяли съ собой нѣкоторую теоретическую любовь къ меньшей братіи, не потому что эта меньшая братья представляла для нихъ человѣческія существа, но потому, что въ ихъ глазахъ она была живымъ матеріаломъ, воплощавшимъ страну, страну съ ея величіемъ, могуществомъ, ея европейскимъ престижемъ: было гораздо больше патріотическаго эгоизма, чѣмъ истиннаго человѣколюбія въ тогдашнемъ увлеченіи «народностью». Си-

стема сохраненія «statu quo», проводимая во внѣшней политикѣ, соблюдалась и дома; люди были увѣрены, что они живутъ въ лучшемъ изъ міровъ и самодовольно благодушествовали на лонѣ патріотическаго квіэтизма. При такихъ условіяхъ внезапно раздается смѣхъ Гоголя: завѣса взвивается надъ самыми мрачными закоулками жизни и разоблачаетъ дѣйствительность во всей ея наготѣ.

Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ смѣхѣ, заглянемъ въ душу автора,—это значительно облегчитъ намъ нашъ трудъ. Вотъ знаменитое начало седьмой главы «Мертвыхъ душъ».

«Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякостью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ наконецъ знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками, и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ на-встрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти! Счастливъ семьянинъ, у котораго есть такой уголъ; но горе холостяку!

«Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка,

который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы! Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца, отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ. Нѣтъ равнаго ему въ силѣ!... Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъчасъ горькая и скучная дорога,—и, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ

выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, лицемѣрно безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и Божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озаряющія солнцы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаетъ сего современный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю; безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участія, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово

его поприще и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью идти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей..» [1]).

Все заключается въ этомъ великолѣпномъ отрывкѣ. Тоска человѣка, никогда не знавшаго семейныхъ радостей; скорбь сатирика, чувствующаго свое одиночество среди парнасскихъ поэтовъ; страданія писателя, который думаетъ, что онъ не понятъ современниками, и не сознаетъ, что онъ опережаетъ грядущее поколѣніе; невыполнимыя мечты о томъ, чтобы перемѣнить строй своей лиры; внутренній разладъ того, кто впослѣдствіи откажется отъ всего, что онъ писалъ во дни своей славы; мучительныя колебанія этой души, истерзанной постоянной борь-

---

[1]) Знаю, что со временъ Бѣлинскаго «лирическія мѣста» «Мертвыхъ Душъ» не обрѣтаются въ чести; но, если кто и устоитъ противъ литературныхъ красотъ приведеннаго отрывка, то всякій признаетъ, что по своему несомнѣнно автобіографическому значенію и глубинѣ литературной самооцѣнки,— при сжатости нашего разсказа,—онъ представлялъ слишкомъ удобный матеріалъ, чтобы мы могли не воспользоваться имъ.

Прим. къ русск. изд.

бой между писателемъ и піэтистомъ; всѣ испытанія этой неуравновѣшенной жизни, которая началась въ малороссійской деревенской глуши, разцвѣла въ литературныхъ гостиныхъ Петербурга, продолжалась въ грустныхъ скитаніяхъ по Европѣ и, послѣ печальнаго паломничества въ Іерусалимъ, кончилась въ Москвѣ физической болѣзнью и умственнымъ безплодіемъ....

Въ 1831 году появились «Вечера на хуторѣ близь Диканьки» [1]). Когда издатель вошелъ въ типографію, разсказываетъ Пушкинъ, онъ засталъ наборщиковъ хохочущими. Смѣхъ Гоголя имѣлъ нѣсколько фазисовъ. Въ теченіе первыхъ лѣтъ его пребыванія въ Петербургѣ, среди туманныхъ улицъ сѣверной столицы, родная Малороссія жила въ его памяти со всею лѣтней роскошью своихъ цвѣтущихъ степей. Его описанія казацкой и крестьянской жизни проникнуты чувствомъ безконечной любви; его юморъ нѣженъ, его шутки искрятся радостью и добротой, веселье его дѣтски чисто, ни капли горечи, ни единой «незримой слезы» за этимъ «видимымъ смѣхомъ». Въ слѣдующіе три года городская среда врывается въ его идиллическое настроеніе; слякотныя улицы, грязныя квартиры, бѣдные чиновники, художники и писатели, безшумно гибнущіе въ борьбѣ за существованіе, наполняютъ

---

[1]) Диканька—имя деревни и помѣстія Полтавской губерніи, принадлежитъ кн. Кочубею.

большинство его повѣстей [1]), въ то время какъ въ другихъ, хотя и появляются живописныя картины малороссійской жизни, но онѣ уже полны или мелкими подробностями ежедневной суеты [2]), или эпическими картинами человѣческихъ страданій [3]). Теперь слезы просачиваются сквозь его смѣхъ, горечь проникаетъ въ его сердце,—разложеніе его оптимистическаго міросозерцанія началось. Скоро красота будетъ поражать его не собою, а тѣми оскорбленіями, которыя ей наноситъ людская низость; весь міръ предстанетъ предъ нимъ въ образѣ нравственнаго униженія падшей красоты. «Никогда, говоритъ онъ, жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата». Красота жизни мало-по-малу блекнетъ и раскрываетъ язвы и струпья. Но онъ не можетъ измѣнить пера: человѣкъ страдаетъ, писатель смѣется; только смѣхъ его уже не тотъ: прежде онъ писалъ, чтобы смѣшить людей, теперь же онъ пишетъ, чтобы смѣяться надъ ними. «Ревизоръ», въ первый разъ представленный въ Апрѣлѣ 1836 года, рисуетъ печальную картину мелкихъ чиновниковъ, прозябающихъ въ провинціальной глуши и погрязнувшихъ во взяточничествѣ. «Мертвыя Души», появившіяся въ 1842 году, развертываютъ

---

[1]) «Портретъ», «Невскій Проспектъ», «Шинель» и др.

[2]) «Старосвѣтскіе помѣщики», «Ссора Ив. Ив. съ Ив. Ник.» и друг.

[3]) «Тарасъ Бульба».

даль русской деревенской жизни до освобожденія крестьянъ съ ея безконечнымъ разнообразіемъ типовъ и безконечнымъ однообразіемъ интересовъ, сосредоточенныхъ на наживѣ и провинціальныхъ сплетняхъ. «И ни одного честнаго лица!» восклицали люди, выходя изъ театра послѣ перваго представленія «Ревизора». Нѣтъ,—«было, восклицаетъ авторъ, было одно честное, благородное лице, дѣйствовавшее въ ней (въ пьесѣ) во все продолженіе ея. Это честное благородное лице былъ—*смѣхъ*» [1]).

Такова въ краткихъ чертахъ эволюція литературнаго настроенія Гоголя, приведшая его мало-помалу отъ «Вечеровъ на хуторѣ»,—чрезъ Петербургскія повѣсти и «Тараса Бульбу»—къ «Ревизору» и «Мертвымъ душамъ». Послѣ этого талантъ его идетъ къ низу и, наконецъ, гибнетъ въ мутныхъ водахъ піэтистическихъ бредней. Я бы желалъ прежде, чѣмъ идти дальше, отвѣтить на два замѣчанія, которыя

---

[1]) «Театральный разъѣздъ», драматическая сцена, въ которой авторъ даетъ сводъ различнымъ отзывамъ о немъ современной критики. Сопоставленіе этой пьесы съ Мольеровской «La critique de l'école des femmes» невольно напрашивается, но, какъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, различіе интереснѣе сходства; подчеркнемъ хотя бы общественное значеніе театра, какъ оно обрисовывается въ обѣихъ пьесахъ; мѣсто дѣйствія Мольеровской пьесы—гостиная, у Гоголя—театральная прихожая: радіусъ того круга общества, которое охвачено критическимъ духомъ и откликается на литературные интересы, несравненно шире у второго; демократичность Гоголя прежде всего бросается въ глаза въ сравненіи съ салонностью Мольера.

мнѣ часто приходилось слышать отъ иностранцевъ по поводу Гоголя.

«Какъ это возможно, чтобы такая піэса, какъ «Ревизоръ», была разрѣшена къ постановкѣ въ Россіи?». Что она была допущена при императорѣ Николаѣ I, довольно удивительно, однако, это произошло по приказанію самого государя, который лично интересовался комедіей. Что касается до того, что съ той поры она не сходила со сцены и до сего дня остается на афишахъ, то это для насъ русскихъ не представляется удивительнымъ; удивленіе иностранцевъ понятно: они, очевидно, судятъ по тѣмъ безжалостнымъ урѣзкамъ, которыя русской комедіи пришлось испытать подъ ножомъ нѣмецкой цензуры, когда директоръ Берлинскаго Императорскаго театра, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ, рѣшился поставить ее [1]).

Другое замѣчаніе болѣе серьезнаго характера. «Что за картина Россіи получается отъ чтенія «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». Какой ужасъ! Ни одного честнаго лица!». Простите меня за рѣзкость,—но какъ мало литературнаго смысла изобличаютъ тѣ, кто такъ говорятъ! Въ какой странѣ, спрошу я ихъ, въ какія времена, въ какой литературѣ сатира принималась за полную картину

---

[1]) См. «Корреспонденція изъ Берлина» («Новое Время» 21-го Апрѣля 1895 г.) г-жи Шабельской, переводчицы комедіи Гоголя.

жизни во всемъ ея объемѣ? Такъ оттого-ли, что про Россію вообще мало извѣстно, изображеніе самыхъ мрачныхъ закоулковъ жизни будетъ приниматься за цѣльную картину дѣйствительности, одинъ изъ величайшихъ сатириковъ въ мірѣ будетъ низведенъ на степень газетнаго репортера, который записываетъ факты? Нѣтъ, не будемъ обезцѣнивать автора, умаляя творческую силу его прозрѣнія и проникновенія въ дѣйствительность, и не будемъ также осуждать народъ, который сдѣлался предметомъ подобной сатиры: тотъ же народъ, который сталъ предметомъ сатиры, тотъ же, а не другой, произвелъ сатирика. Критическая, отрицательная литература страны не лежитъ внѣ народной души, она составляетъ часть,—и цѣнную часть,—народнаго самосознанія. Если народъ отвѣтственъ за безобразіе своихъ пороковъ, то онъ долженъ быть отвѣтственъ и за красоту своего самоосужденія. Великій сатирикъ, точно какъ великій поэтъ, есть плодъ эволюціи народа, и что бы онъ ни раскрылъ въ глубинахъ его нравственной бѣдноты, слово его, какъ и слово поэта, дѣлаетъ честь его народу. Только мощные характеры способны обратить всѣ свои умственныя силы противъ самихъ же себя, только народъ, душа котораго закалена для тяжкой борьбы самосовершенствованія, могъ повернуть противъ себя такое ядовитое жало, какъ сатира Гоголя.

Съ Гоголемъ исчезаетъ послѣдній крупный представитель литературы, по личнымъ связямъ тяготѣю-

щій къ прошлому, послѣдній изъ молодой плеяды нашихъ писателей; имена, которыя теперь будутъ вставать предъ нами, тяготѣютъ къ будущему и составятъ вторую плеяду, послѣдніе представители которой—Левъ Толстой въ прозѣ, Майковъ и Полонскій въ поэзіи.

Десятилѣтіе между Гоголевскими «Мертвыми душами» и первымъ появленіемъ Льва Толстого отмѣчаетъ собой важный моментъ въ нашей умственной жизни. Такъ какъ направленіе умовъ обозначилось главнымъ образомъ съ 1840 года, то и вся эпоха отсюда получила свое названіе. Слово «сороковые года» въ Россіи имѣетъ совсѣмъ своеобразную прелесть; оно обладаетъ нѣкоей поднимающей силой, увлекающей насъ въ идеалистическія области научныхъ, литературныхъ, философскихъ споровъ и пересудовъ, нѣсколько отвлеченныхъ, наивно восторженныхъ, но весьма цѣнныхъ по своей искренности и безкорыстію. Московскій университетъ въ тридцатыхъ годахъ сдѣлался средоточіемъ усиленной умственной дѣятельности. Рѣдко цѣлая корпорація профессоровъ и студентовъ бывала увлечена такимъ единодушнымъ порывомъ. Нѣмецкая философія становится главнымъ предметомъ изученія и споровъ. Юные умы, воспламененные ученіями Шеллинга, увлечены краснорѣчивыми чтеніями профессоровъ—Надеждина [1]), Павлова [2]),

---

[1]) Искусство и археологія.

[2]) Физика и земледѣліе.

Шевырева [1]) и др. Вокругъ этихъ именъ встаютъ другія, имена тѣхъ, которые, теперь еще студенты, въ слѣдующее десятилѣтіе сдѣлаются водителями русской мысли, которые приготовятъ литературную почву, съ которой встанутъ наши писатели пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и которые создадутъ нравственную атмосферу того общества, которое двадцать лѣтъ спустя отзовется на призывъ своего монарха къ освобожденію крестьянъ. Среди этихъ именъ самые замѣчательные: Грановскій, будущій профессоръ исторіи, имѣвшій такое сильное вліяніе на послѣдующее поколѣніе, что имя его стало синонимомъ эпохи. Бѣлинскій, будущій критикъ, котораго мы такъ часто приводили, въ особенности, когда говорили о Пушкинѣ, и который, по выраженію одного писателя, составляетъ главное русло нашего литературнаго и общественнаго развитія въ сороковыхъ

---

[1]) Литература. Мы приводили выдержки изъ него, когда говорили о лѣтописяхъ и «Словѣ о Полку Игоревѣ». Характерное замѣчаніе вызвалъ у Гёте («Kunst und Alterthum») разборъ Шевыревымъ второй части «Фауста»: «Шотландецъ старается проникнуть произведеніе искусства, французъ—понять его, русскій—ассимилировать его. Такимъ образомъ, Г. Карлайлъ, Г. Ампэръ и Г. Шевыревъ, не сговариваясь между собой, представили всѣ виды отношенія человѣка къ произведенію искусства». (Н. Барсуковъ «Жизнь и труды М. П. Погодина» т. III Петербургъ. 1889—91. См. также: «Correspondence between Goethe and Carlyle». ed. C. E. Norton. Mc Millan & C°. 1887, письмо XIV, отъ 15 Іюня 1828 г.).

годахъ [1]). Соловьевъ, съ 1845 года профессоръ русской исторіи, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей исторической науки [2]). Братья Аксаковы, будущіе предводители славянофиловъ, сыновья извѣстнаго писателя Сергѣя Аксакова [3]).

Вся эта молодежь жила въ состояніи какого-то философскаго опьяненія. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ уже не Шеллингъ, а Гегель воспламеняетъ умы и возбуждаетъ споры. «Нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ Логики, въ двухъ Эстетики, Энциклопедіи и пр.,—говоритъ современникъ,—который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали

---

[1]) А. Н. Пыпинъ «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ». Петербургъ. 1890.

[2]) Его «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», составляетъ самый капитальный вкладъ въ науку по этому предмету; 29-й томъ (царствованіе Екатерины Великой) доводитъ разсказъ до 1780 года.

[3]) 1791—1859. Его «Семейная Хроника» (Нѣмецкій переводъ: «Russische Familien-Chronik» 2 B. Leipzig. 1858)—прототипъ русскаго семейнаго романа; въ своихъ книгахъ о рыболовствѣ и охотѣ онъ даетъ первые образцы того непосредственнаго, любвеобильнаго отношенія къ природѣ, которое становится отличительной чертой Тургенева. Только вслѣдствіе слишкомъ опредѣленнаго автобіографическаго характера, сочиненія С. Т. Аксакова не занимаютъ въ беллетристикѣ того мѣста, какого они заслуживаютъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ.

за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности», и о ея *по себѣ бытіи*. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ или уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней». Не меньшую восторженность возбуждала поэзія. «Знаніе Гёте, особенно второй части Фауста, было столько же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ». Отвлеченность интересовъ дѣлала ихъ до смѣшного идеалистичными: «Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступившая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи» [1]).

Все это было нѣсколько смѣшно, ребячески преувеличено, но искренно и безкорыстно. Съ годами явились устойчивость и практическій смыслъ: прежніе студенты сдѣлались профессорами, восторженные идеалисты—ревностными работниками науки и просвѣщенія [2]). Изъ числа именъ, освѣщающихъ эту

---

[1]) Приведено А. Н. Пыпиномъ op. cit. (Герценъ?).

[2]) Одинъ изъ первыхъ, кто далъ толчекъ новому философскому движенію, былъ молодой поэтъ Веневитиновъ, юноша

эпоху, возьмемъ то, о которомъ было сказано, что оно составляетъ главное русло литературнаго и общественнаго развитія сороковыхъ годовъ.

Изъ многочисленныхъ цитатъ, которыя мы приводили, литературный обликъ Бѣлинскаго уже долженъ былъ до нѣкоторой степени обрисоваться предъ вашими глазами: вы, конечно, оцѣнили тонкость его художественнаго воспріятія, точность его анализа, его удивительную прозорливость, высокій критерій его эстетическаго сужденія; можно сказать, что все послѣдующее поколѣніе писателей, тѣхъ, которые утвердили общечеловѣческое значеніе русской литературы, почерпнуло свое эстетическое воспитаніе изъ трудовъ Бѣлинскаго. Если примемъ во вниманіе, что онъ упражнялъ свои критическія способности надъ такими выдающимися писателями, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, если вспомнимъ, что онъ былъ ихъ современникомъ, слѣдовательно не пользовался всѣми преимуществами обратнаго (ретроспективнаго) сужденія,—его проникновеніе въ смыслъ литературныхъ явленій и въ ихъ связь съ жизнью представляется просто поразительнымъ. Никогда никакая теорія, хотя бы онъ и самъ ее когда-нибудь проводилъ, не помрачала безпристрастія его сужденій. «Только тотъ, кто не до-

---

исключительныхъ дарованій, умершій 22 лѣтъ отъ роду (1805—1827). «Какъ могли вы дать ему умереть!», писалъ Пушкинъ къ его друзьямъ.

рожитъ истиной, никогда не мѣнялъ мнѣнія», говаривалъ онъ. И до такой степени полна истины его оцѣнка жизни и искусства въ ихъ взаимодѣйствіи, что, право, трудно рѣшить, есть ли это совѣтъ современнымъ писателямъ или пророчество о будущихъ, когда онъ говоритъ: «Политико-экономъ, вооружаясь статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ* въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба *убѣждаютъ*, только одинъ логическими доводами, другой—картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого—всѣ. Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества есть его собственное благосостояніе, равно простертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію сознаніе, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука и искусство равно необходимы» [1]).

Большое значеніе имѣла публицистическая дѣя-

---

[1]) Т. IX.

тельность Бѣлинскаго. «На немъ, говоритъ критикъ, въ особенности сосредочивались горячее сочувствіе новыхъ поколѣній, самая ожесточенная ненависть старыхъ литературныхъ партій и вражда новой школы, враждебной «западному направленію» [1]). Что же это за «новая школа» и что за «западное направленіе»? Одинъ современникъ такъ ихъ характеризуетъ [2]). «Въ то время общество московскихъ ученыхъ и литераторовъ распадалось на два кружка, такъ называемыхъ западниковъ и такъ называемыхъ славянофиловъ. Первый, и многочисленнѣйшій, группировался около новоприбывшихъ изъ-за границы профессоровъ Московскаго университета и представлялъ собою отраженіе, въ маломъ размѣрѣ, господствовавшей въ то время въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ, правой стороны Гегелевой школы. Въ другомъ кружкѣ вырабатывалось мало-по-малу воззрѣніе православно-русское». То, что современникъ называетъ двумя кружками, скоро превратилось въ два лагеря, и Бѣлинскій, когда разногласія обозначились съ полной рѣзкостью, сдѣлался однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ «западничества». Западники, собственно, не представляли изъ себя, что называется, — партіи; они были возведены

---

[1]) А. Н. Пыпинъ, op. cit.

[2]) Ю. Самаринъ († 1876), самъ славянофилъ; позднѣе— членъ редакціонной комиссіи, призванной выработать планъ освобожденія крестьянъ.

въ партію своими противниками, славянофилами, отъ которыхъ заслужили и свое прозвище. Такъ какъ они не представляютъ никакихъ характерныхъ чертъ, которыя бы отличали ихъ отъ поборниковъ просвѣщенія въ какой бы то ни было странѣ, мы скорѣе обрисуемъ противную партію и такимъ образомъ выведемъ разницу.

Если помните, мы уже подчеркнули мимоходомъ нѣкоторыя черты славянофильскаго ученія, говоря о различныхъ оцѣнкахъ петровскаго преобразованія [1]). Вы помните, что этой партіи реформа представляется, какъ насильственное вмѣшательство въ естественный ходъ развитія страны, какъ уклоненіе, ведущее лишь къ пагубному подражанію западной Европѣ. Такая оцѣнка одного изъ величайшихъ моментовъ въ русской исторіи была прямымъ слѣдствіемъ цѣлой системы. Не смотря на національную исключительность, къ которой оно ведетъ, не смотря на обскурантическую нетерпимость, въ которую оно выродилось впослѣдствіи, славянофильство выросло на строго научной почвѣ; основатели ученія были весьма просвѣщенные люди, стоявшіе на высокой степени европейской культуры [2]). Странно, что эти поборники націонализма,

---

[1]) См. тамъ же и библіографическія данныя.

[2]) Ср. впечатлѣніе, произведенное на Маккэнзи Уолласа представителями партіи, съ которыми ему пришлось встрѣтиться въ семидесятыхъ годахъ («Russia», v. II, ch. XXVI).

провозглашающіе преимущества Греко-Славянскаго міра предъ Латино-Германскимъ, основывали свои теоріи на пріобрѣтеніяхъ той самой западной культуры, которую они,—а въ особенности ихъ послѣдователи,—такъ сильно оспариваютъ. Собственно говоря, это было лишь примѣненіе недавно выпущенной Шеллингомъ теоріи историческаго чередованія рассъ и народовъ, которую Гегель пріурочилъ къ нѣмцамъ; только съ той разницей, что то самое, что у нѣмцевъ осуждалось какъ признакъ національной гордости (потому что стояло на исключительно-раціоналистической почвѣ, безъ всякаго религіознаго элемента), то, разъ оно было пересажено на русскую почву, выставлялось, какъ признакъ христіанскаго смиренія. Правда, что по ихъ ученію Провидѣніе даровало русскому народу преимущественно предъ всѣми другими особенныя, высшія качества, но вмѣстѣ съ тѣмъ такую догматическую неоспоримость имѣла ихъ теорія въ ихъ собственныхъ глазахъ, съ такою искренностью вѣровали они въ нее, что, какъ ни странно, а положительно въ ихъ вѣрѣ было больше покорности и смиренія, чѣмъ самомнѣнія и гордости [1]). Мы не будемъ останав-

---

[1]) Какъ ни противорѣчиво это можетъ казаться, — они провозглашаютъ величіе Россіи со смиреніемъ: «Мы велики, — какъ будто говорятъ они, —потому, что мы смиренны». «Русское смиреніе» становится излюбленной темой (К. Аксаковъ, Шевыревъ). Свой грѣхъ самомнѣнія они тутъ же смываютъ раскаяніемъ, и послѣднее, конечно, тѣмъ больше пріобрѣ-

ливаться на подробностяхъ славянофильскаго ученія: оставимъ имъ ихъ презрѣніе къ Европѣ, антипатію къ Петру Великому и всему петербургскому періоду нашей исторіи, ихъ ненависть къ Риму и латинскому католицизму [1],—все это отрицательныя качества, неважныя и безплодныя; но было и хорошее начало въ ихъ ученіи, начало любви, и оно было плодотворно и цѣнно по своимъ послѣдствіямъ.

Низшіе классы народа, какъ избѣгнувшіе губительнаго вліянія «цивилизаціи», представлялись имъ какъ носители первоначальной, не только національной, но и христіанской, чистоты. Это была нѣсколько преувеличенная идеализація, однако, ея практическія послѣдствія были благотворны. Всѣ эти ученые и писатели обратили свои способности и силы на изученіе народа, каждый въ своей спеціальности. Кирѣевскій изучаетъ и собираетъ образцы народной поэзіи; поэтъ Хомяковъ изучаетъ исторію

таетъ цѣнности, въ ихъ глазахъ, чѣмъ преувеличеннѣе было первое; однако, сознаніемъ своей заслуги не увеличиваемъ-ли мы отвѣтственность за свой грѣхъ? Въ самомъ яркомъ своемъ выраженіи (К. Аксаковъ) славянофильство представляетъ лавированіе между національнымъ самомнѣніемъ и христіанскимъ смиреніемъ безъ какой-либо надежды на примирительный исходъ.

[1]) Шевыревъ, кажется, первый пустилъ въ ходъ выраженіе «гнилой западъ». Это, однако, не омрачало ясности его научныхъ взглядовъ; онъ много работалъ надъ сравнительнымъ изученіемъ русской *и западной* литературъ, и вышеприведенный отзывъ о немъ Гёте былъ для него далеко не безразличенъ.

и этнографію,—его наблюденія по крестьянскому быту много помогли выясненію задачи освобожденія крестьянъ; Шевыревъ даетъ великолѣпный разборъ древней народной поэзіи и лѣтописей; Валуевъ, Погодинъ [1]) и др. составляютъ цѣнныя изслѣдованія по отечественной исторіи. Ихъ добросовѣстность и преданность наукѣ отводятъ имъ почетное мѣсто среди работниковъ на пользу родного просвѣщенія,и, что́ бы потомство ни думало о ихъ убѣжденіяхъ, оно преклоняется предъ высокими качествами ихъ духа и признаетъ ихъ научныя заслуги съ благодарностью [2]).

Въ этихъ своихъ работахъ на пользу русской науки славянофилы идутъ въ руку своимъ противникамъ, тѣмъ, которыхъ они окрестили западниками. Представители обѣихъ партій сохранили среди разногласія въ убѣжденіяхъ ту восторженную любовь къ наукѣ, которая воспламеняла юные умы въ студенческіе годы, когда убѣжденія еще не двоились. Плеяда даровитыхъ молодыхъ профессоровъ

---

[1]) Погодинъ, какъ и Шевыревъ, не причислялъ себя къ славянофиламъ, однако, направленіе его журнала «Москвитянинъ» не многимъ отличалось отъ славянофильства; онъ принадлежалъ къ группѣ, которая позднѣе именовалась «почвенниками» (см. лекція VIII). Въ наукѣ Погодинъ извѣстенъ примѣненіемъ къ русской исторіи того, что онъ называлъ «математическимъ методомъ».

[2]) Это, разумѣется, относится лишь къ тѣмъ трудамъ, въ которыхъ научное безпристрастіе не поколеблено славянофильскими предрасположеніями. Идеалистическая картина древнеславянскаго язычества, которую намъ рисуетъ К. Аксаковъ, конечно, не войдетъ въ науку.

вызываетъ взрывъ научной дѣятельности; съ удивительной энергіей въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ времени они поднимаютъ русскую исторіографію и филологію на тотъ уровень, на какомъ эти науки стоятъ въ западной Европѣ. Такія имена, какъ Устряловъ, Соловьевъ, Кавелинъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Буслаевъ, Срезневскій, почитаются за услуги, оказанныя наукѣ вообще, а не только за труды, понесенные на пользу науки въ Россіи [1]). Теперь уже не личное, единичное, вліяніе того или другого нѣмецкаго или французскаго ученаго, а непосредственное соприкосновеніе съ великимъ цѣлымъ всемірной науки приводитъ въ движеніе умственныя силы страны,—движеніе, въ которомъ имена такихъ знаменитостей, какъ Ранке, Гриммъ, Нибуръ, Боппъ,—являются не какъ указки послушнымъ ученикамъ, а какъ стяги, обозначающіе методы и направленія. Возникаютъ научныя общества: Археографическое (1834), Археологическое (1846), Географическое (1846), Императорское Историческое (1867) въ Петербургѣ и въ Москвѣ; подобныя же общества открываются при университе-

---

[1]) Мы говоримъ лишь объ исторіи и литературѣ, но мы могли бы назвать не мало именъ и въ другихъ отрасляхъ: Струве — по астрономіи, Пироговъ — по медицинѣ, Менделѣевъ—по химіи, Лобачевскій—по математикѣ. (О Лобачевскомъ: D-r G. B. Halsted «Address by prof. Vasiliev». Texas. 1894. Имъ же переведено: «Geometrical researches on the theory of parallels» 4-th. ed.).

тахъ въ другихъ городахъ. Прошлое и настоящее страны и ея народа встаетъ предъ умами, освобожденными отъ предразсудковъ и равнодушія.

Вѣрная завѣтамъ Бѣлинскаго, литература идетъ рука объ руку съ наукой. Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Гончаровъ и др., со всей искренностью юной «натуральной школы», также разоблачаютъ страну и народъ. Силою своего таланта они воплощаютъ въ образахъ и провозглашаютъ лучшія стремленія современниковъ и указываютъ ихъ обществу. Народное самосознаніе окончательно сложилось. Крымская война въ 1853 и 1856 годахъ наноситъ ударъ національному самомнѣнію, но поднимаетъ всѣ сердца на борьбу за внутреннее, общественное и экономическое совершенствованіе. Николаю I, въ 1855 году, наслѣдуетъ сынъ его, Александръ II, и съ его восшествіемъ занимается заря освобожденія крестьянъ. Надежда и сознаніе собственныхъ силъ держатъ умы въ состояніи восторженнаго выжиданія. Юностью и мужествомъ дышитъ молодое поколѣніе и съ идеалистической отзывчивостью «сороковыхъ годовъ» въ сердцахъ своихъ, готово ринуться въ отвѣтъ на призывъ своего монарха. Въ Мартѣ 1856 года, въ рѣчи, обращенной къ представителямъ Москвы, голосъ государя возвѣстилъ паденіе рабства въ Россіи. 19-го Февраля 1861 года эмансипація была объявлена.

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшее изъ званій—*человѣкъ.*

Жуковскій (Александру II).

«*Человѣкъ*»—высшее наименованіе,
чѣмъ «президентъ» или «король».

Чаннингъ.

Лекція VIII (1861—....).

Шестидесятые года. Освобожденіе крестьянъ. Паденіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи. Нравственное вліяніе преобразованія. — Роль литературы. Три главныхъ представителя натуралистической школы.—Тургеневъ—мыслитель заслоненъ художникомъ. Критика шестидесятыхъ годовъ. Нигилизмъ. — Достоевскій—художникъ заслоненъ мыслителемъ. Достоевскій и Тургеневъ. Общечеловѣческія и національныя черты Достоевскаго.—Левъ Толстой—мыслитель и художникъ соперники. Литературный обликъ Толстого. Философское ученіе и его вліяніе; отрицательныя начала и духъ раздробленія.—Заключеніе.

«Шестидесятые года» въ Россіи, точно также какъ и «сороковые», отмѣчаютъ эпоху. Но такъ быстръ былъ общественный ростъ за эти двадцать лѣтъ, что тотъ подъемъ духа, который отличаетъ время сороковыхъ годовъ, кажется чуть не дѣтской игрой въ сравненіи съ тѣмъ движеніемъ, которое увлекало поколѣніе шестидесятниковъ. Сороковые года были дѣломъ немногихъ, слѣдствіемъ частной дѣятельности небольшой группы людей, шестидесятые года — результатъ всеобщей дѣятельности,

продуктъ совмѣстныхъ усилій правительства и общества, освященныхъ верховной властью. Теперь уже не отдѣльная группа, а вся страна въ лицѣ своихъ просвѣщеннѣйшихъ представителей создаетъ духовную атмосферу эпохи, отмѣченной такими преобразованіями, какъ освобожденіе крестьянъ, учрежденіе земства (внутренняго самоуправленія) [1]), введеніе новыхъ судебныхъ установленій [2]). Восторженность, съ какою лучшія силы страны откликнулись на призывъ монарха, дѣлаетъ изъ этой эпохи одну изъ славнѣйшихъ страницъ исторіи, и имя Александра II всегда будетъ освѣщать ее свѣтомъ своей личной доблести и почіющей на немъ народной благодарности [3]).

Кто хочетъ изучать настоящее положеніе Россіи, неминуемо долженъ восходить къ шестидесятымъ годамъ. Формы, въ которыя сложились наши общественные классы, ихъ взаимное положеніе, пути, открытые для личнаго совершенствованія и преуспѣянія, русская наука, какъ она стоитъ въ наши дни, русская жизнь, какъ она выражается въ литературѣ и русская литература, по скольку она изображаетъ современную жизнь,—все результатъ этого періода нашей исторіи.

---

[1]) S. Bleclon. «Travaux statistiques des Zemstwo russes». Paris 1893.

[2]) «Code d'organisation judiciaire de l'Empire de Russie de 1864», trad. et annoté par le C-te J. Kapnist. Paris 1893.

[3]) Объ Александрѣ II: C. Cardonne «L'Empereur Alexandre II». Paris 1883.

Мнѣнія нѣсколько расходятся въ оцѣнкѣ той эпохи. Шестидесятые года до настоящаго времени сильно осуждаются. Говорятъ, — либеральныя стремленія того времени разнуздали воображеніе, вызвали къ дѣятельности не однѣ лучшія, но и худшія силы страны; революціонное броженіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ принималось многими, какъ естественный ходъ развитія того самаго духа, который вызвалъ вышеупомянутыя реформы; нашлись люди, усмотрѣвшіе въ трагической кончинѣ Александра II своего рода искупленіе.... Не наше дѣло судить; да къ тому же событія еще слишкомъ близки, воспоминанія слишкомъ свѣжи: потребуется время, прежде чѣмъ изслѣдователи современной исторіи обрѣтутъ спокойствіе и ясность взора, необходимыя для истинной оцѣнки; но одно несомнѣнно: партія, провозглашающая начала всеобщаго братства, а на дѣлѣ устрашающая вселенную чудовищностью своихъ преступленій, конечно, совершила самый вопіющій изъ своихъ грѣховъ, когда убила того, кто употребилъ свою самодержавную власть на то, чтобы вернуть права человѣческаго достоинства двадцати двумъ милліонамъ людей.

Какъ великъ ни представляется актъ Александра II съ точки зрѣнія общечеловѣческой, онъ кажется еще выше, когда разсмотрѣть мѣсто, которое онъ занимаетъ въ нашей отечественной исторіи. «Значеніе крѣпостного права въ русской жизни,—говоритъ одинъ изъ нашихъ писателей,—было универ-

сально. Это право обусловливало всѣ стороны быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими. Оно было тормазомъ, рѣшительно препятствовавшимъ развитію Россіи. Прогрессъ общественныхъ учрежденій, накопленіе національнаго богатства, распространеніе въ массахъ просвѣщенія, усовершенствованіе семейныхъ отношеній, воспитанія, нравовъ, понятій, словомъ улучшеніе какой бы то ни было стороны общественной жизни было не мыслимо при немъ» [1]). Вы можете судить по этому о характерѣ реформы и ея значеніи: если болѣзнь имѣла характеръ универсальный, то и упраздненіе ея должно было имѣть универсальное значеніе и также должно было отозваться «во всѣхъ сторонахъ быта, начиная отъ крупныхъ и кончая самыми мелкими».

Освобожденіе крестьянъ въ Россіи часто сопоставляется съ освобожденіемъ негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ; приблизительная одновременность этихъ двухъ событій невольно наводитъ на сравненія. Они, дѣйствительно, сравнимы съ общечеловѣческой точки зрѣнія, но, если разсмотримъ мѣстныя условія и исторически-народное значеніе каждой эмансипаціи, мы увидимъ, что онѣ въ корнѣ отличны другъ отъ друга. Въ Америкѣ рабъ былъ привезенъ съ другого материка, онъ принадлежалъ другой расѣ, онъ не составлялъ органической

---

[1]) И. Иванюковъ. «Паденіе крѣпостного права въ Россіи». СПБ. 1882.

части великаго народнаго цѣлаго,—и потому рабство въ Соединенныхъ Штатахъ было чѣмъ-то наноснымъ, оно было не столько болѣзнью, сколько наростомъ, требовало не столько лѣченія, сколько ампутаціи; политическая жизнь страны могла бы продолжаться, и даже процвѣтать, и при существованіи рабства, ибо въ Америкѣ рабство было коммерческимъ учрежденіемъ, не историческимъ наслѣдіемъ. Иное дѣло въ Россіи. Хотя въ теченіе первыхъ семи вѣковъ своего существованія Россія не знала крѣпостного права, хотя первый оффиціальный актъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ относится къ 1597 году, однако такъ глубоко проникла болѣзнь въ самую плоть и кровь общественнаго строя, что казалось невозможнымъ извлечь ее, не поколебавъ политическую безопасность страны [1]).

Учрежденіе крѣпостного права въ Россіи было мѣрою политико-экономической, вызванной военными нуждами. Въ старину войско поставлялось землевладѣльцами, которые получали землю отъ князей подъ условіемъ, что по первому призыву они явятся готовые къ войнѣ во главѣ отряда, набраннаго изъ

---

[1]) Появленіе рабства въ сравнительно позднюю эпоху нашей исторіи часто приводилось въ доказательство того, что рабство, собственно, не въ природѣ русскаго характера; нѣкоторые историки даже сопоставляютъ начало рабства съ началомъ иностраннаго вліянія, и въ этомъ одинъ изъ ихъ главнѣйшихъ доводовъ противъ преобразованія Петра.

крестьянъ, обработывающихъ ихъ землю; но, такъ какъ крестьяне были свободны выбирать своихъ господъ, они естественно понемногу уходили служить къ тѣмъ, кто больше платилъ; бѣднѣйшіе землевладѣльцы оказались безъ крестьянъ и не въ состояніи выполнить свои обязательства по отношенію къ правительству. И вотъ, въ 1597 году Борисомъ Годуновымъ издается указъ, прикрѣпляющій крестьянина къ той землѣ, которую онъ обработываетъ. «Прикрѣпленіе крестьянъ, говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ,—это вопль отчаянія, испущенный государствомъ, находящимся въ безвыходномъ экономическомъ положеніи» [1]). Отъ прикрѣпленія работника къ землѣ былъ лишь одинъ шагъ до закрѣпощенія его личности къ землевладѣльцу. Такъ оно и случилось и такъ и осталось въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ. Воинская повинность понемногу измѣнялась, правильный наборъ былъ введенъ при Петрѣ Великомъ, но положеніе крестьянина не мѣнялось; законодательство пыталось нѣсколько разъ улучшить его условія, попытки правительства парализовались обычаями и убѣжденіями, по которымъ на крестьянина смотрѣли, какъ на движимое имущество. Нельзя было улучшать,—нужно было искоренить самый принципъ. Въ теченіе трехъсотъ лѣтъ общество болѣло извѣстной болѣзнью, и, за исключеніемъ нѣсколькихъ единичныхъ слу-

---

[1]) «Чтенія о Петрѣ Великомъ».

чаевъ [1]), люди почти что и не сознавали той нравственной аномаліи, въ которой они жили. Но часъ пробужденія ударилъ, наконецъ.

Когда царскій голосъ возвѣстилъ уничтоженіе рабства, все, что было благороднаго, сильнаго, здороваго, встало, какъ одинъ человѣкъ, и доказало, что страна готова принять отвѣтственность за разрѣшеніе одной изъ труднѣйшихъ задачъ человѣческой исторіи. Четыре года работали подготовительныя комиссіи надъ выработкой плановъ [2]). Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ двадцать два милліона людей ожидали разрѣшенія своей судьбы [3]). «Я не могу не удивляться и не радоваться,—сказалъ Государь, передавая Государственному Совѣту проэкты, выработанные комиссіями,—Я не могу не радоваться, и увѣренъ, что и вы всѣ также радуетесь, тому довѣрію и спокойствію, какое выказалъ нашъ добрый народъ въ этомъ дѣлѣ». Имъ оставалось не долго ждать. Согласно лично государемъ выраженному желанію, занятія комиссій были прикончены въ половинѣ Февраля, для того чтобы законъ могъ войти

---

[1]) Въ числѣ ихъ—Радищевъ, который въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» (1790) съ поразительнымъ реализмомъ рисуетъ картины современнаго быта крестьянъ; затѣмъ—декабристы. Пушкинъ въ одномъ стихотвореніи выражаетъ надежду, что когда-нибудь цѣпи рабства падутъ «по манію царя».

[2]) Объ этомъ времени: A. Leroy Beaulieu «Un homme d'état russe» («Revue des deux Mondes», Oct. 1880).

[3]) Общее число освобожденныхъ крестьянъ было—21,625,609.

въ силу ко времени начала полевыхъ работъ [1]). 19-го Февраля манифестъ былъ подписанъ Александромъ II, 5-го Марта онъ былъ прочитанъ въ церквахъ обѣихъ столицъ, въ первыхъ числахъ Апрѣля онъ былъ извѣстенъ во всѣхъ концахъ имперіи.

Что крестьянинъ былъ не только освобожденъ, но надѣленъ землей, и что преобразованіе не стоило странѣ ни капли крови, составляетъ два важныхъ пункта, которыми уничтоженіе рабства въ Россіи отличается отъ того-же акта въ другихъ странахъ. Эмансипація въ Россіи была актомъ практически-жизненнымъ, а не просто удовлетвореніемъ отвлеченной теоріи: крестьянинъ получилъ не только право на свободу, но возможность быть свободнымъ, ибо свобода есть лишь пустое слово, когда она не обезпечена собственностью. (Такую свободу одинъ нашъ писатель называетъ «птичьей свободой»). Вотъ почему пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ встанетъ у насъ на очередь рабочій вопросъ, такъ обострившійся въ западныхъ государствахъ, гдѣ милліоны людей не могутъ существовать иначе, какъ поступившись своей свободой; и Россія въ этомъ случаѣ не будетъ жалѣть, что она отстала отъ Европы,—она лишь надѣется, что, когда наступитъ часъ ея рабочаго кризиса, то передовыя

---

[1]) Такъ называемая «редакціонная комиссія», работала въ теченіе девятнадцати мѣсяцевъ и имѣла 409 засѣданій.

страны міра къ тому времени успѣютъ ей показать путь къ разрѣшенію вопроса...

Ничто не можетъ дать понятія о восторженности, охватившей сердца въ тѣ дни. «Бываютъ эпохи, говоритъ современникъ, когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе въ жизни,— эпохи, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ своего собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и общемъ чувствѣ; благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи! Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху! [1])» Въ подобномъ настроеніи находили люди того времени необходимыя силы, чтобы восторжествовать надъ колебаніями тѣхъ, кто страшился экономическихъ и политическихъ осложненій, представляемыхъ реформой. Знаменательно, что въ теченіе всего этого времени, когда разногласіе мнѣній въ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ вызывало бурныя пререканія, печать представляла такое единогласіе, какое послѣ того не выказывалось ни по одному экономическому или политическому вопросу: только одинъ журналъ высказался не за полное освобожденіе, а за посте-

---

[1]) М. Катковъ, рѣчь произнесенная за обѣдомъ, даннымъ въ Москвѣ 28 Декабря 1857 г.

пенное улучшеніе быта крестьянъ [1]); всѣ же остальные органы печати сразу ступили на путь либеральныхъ идей и своими разъясненіями способствовали усвоенію и уразумѣнію реформы.

Намъ уже трудно въ наши дни составить себѣ понятіе о перемѣнѣ, какую эмансипація внесла въ общественный обликъ страны. Рѣдко реформа оказывала такое уничтожающее вліяніе на то, противъ чего она была направлена. Когда мы видимъ теперь крестьянина, участвующаго въ земскомъ собраніи съ одинаковымъ правомъ голоса, какъ его господинъ, сидящій рядомъ съ нимъ безъ всякаго слѣда прежняго антагонизма, кáкъ можемъ мы представить себѣ тѣ времена, когда онъ былъ не болѣе какъ вещью, которую можно было купить и продать? Всего тридцать пять лѣтъ прошло, а рабство точно кануло въ область сказочныхъ преданій; тѣ, кто видѣли, помнятъ, второе поколѣніе едва понимаетъ, третье—не будетъ въ состояніи даже вообразить себѣ. Никакія усилія воспитательныя, никакая проповѣдь, никакая школа, не были бы въ состояніи произвести такое коренное перерожденіе народнаго сознанія, какъ тотъ почеркъ пера, которымъ Александръ II подписалъ знаменательный актъ 19-го Февраля [2]). И государь сознавалъ это, когда въ вышеупомянутой рѣчи

[1]) «Журналъ Землевладѣльцевъ»; первый номеръ—Москва 1858 г.

[2]) Перо хранится въ Московскомъ Историческомъ музеѣ.

къ Государственному Совѣту онъ сказалъ: «Крѣпостное право установлено Самодержавною властью, и только Самодержавная власть можетъ уничтожить его». Онъ этими словами не выражалъ сомнѣнія въ силахъ или готовности своей страны, но онъ чувствовалъ, что вѣка потребовались бы на то, чтобы произвести реформу путемъ воспитательнымъ. Въ томъ видѣ, какъ она была выполнена, реформа была навязана всѣмъ безъ различія убѣжденій, и одного поколѣнія оказалось достаточно для сознательнаго ея принятія: реформа сама сдѣлалась воспитательнымъ орудіемъ.

Въ нашу задачу не входитъ изученіе экономическихъ и аграрныхъ условій, вызванныхъ преобразованіемъ; мы посмотримъ, какъ оно отразилось на дѣятельности русской мысли, по-скольку послѣдняя выражается въ литературѣ. Мы видѣли, что за-долго до эмансипаціи наука стала интересоваться вопросами народной жизни, въ ея прошломъ и настоящемъ. Литература пошла по тому же направленію; уже въ сороковыхъ годахъ лучшіе ея представители вводятъ крестьянина въ свои произведенія и тѣмъ способствуютъ упраздненію тѣхъ нравственныхъ преградъ, которыя воздвигаются сословными различіями и мѣшаютъ свободному общенію душъ [1]).

---

[1]) Первый ввелъ крестьянина въ беллетристику—Григоровичъ («Антонъ-горемыка», 1846), а не Тургеневъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Одинъ критикъ называетъ перваго литературнымъ Колумбомъ крестьянина, тогда какъ второй—Америко-Веспучи (Скабичевскій).

Время не позволяетъ намъ обнять современную русскую литературу во всемъ ея объемѣ, но мы посмотримъ, какимъ образомъ три главныхъ представителя новой школы исполнили свою задачу. Тургеневъ, Достоевскій и Толстой, всѣ трое преслѣдуютъ одну цѣль — разоблаченіе человѣческой души, хотя каждый по своему; послѣдніе два тѣмъ болѣе разнятся, что каждый довелъ свои теоріи до крайней степени преувеличенности.

Тургеневъ, утонченный «западникъ», вооружается всѣми преимуществами аристократическаго воспитанія и со свѣтильникомъ европейской культуры спускается въ неизслѣдованныя глубины крестьянской жизни; подъ живописной первобытностью обстановки онъ открываетъ духовную красоту человѣка, и общность чувствъ въ его сердцѣ и въ сердцѣ крестьянина, одинаковая сила отзывчивости въ обоихъ, служитъ для него залогомъ далекаго, но неминуемаго сліянія всѣхъ началъ человѣческой жизни, отъ даровъ цивилизаціи до природныхъ сокровищъ народной души.

Достоевскій, мрачный эпилептикъ, разочарованный въ «цивилизаціи», въ высшихъ классахъ и во всемъ, что изъ Европы, проповѣдуетъ личное самоотреченіе; онъ идетъ къ отбросамъ общества; среди убійцъ, каторжниковъ и падшихъ женщинъ онъ открываетъ сокровища духовной красоты, и въ порывѣ какого-то мистическаго обожанія преклоняется предъ душой русской меньшей братіи, какъ предъ

единственнымъ представителемъ истиннаго христіанскаго смиренія, долженствующаго переродить вселенную.

Совсѣмъ въ другую сторону идетъ Левъ Толстой. Отрицая всякое просвѣщеніе, подкапывая всѣ авторитеты, этотъ философъ-самородокъ стряхиваетъ съ себя всякое историческое наслѣдіе, изгоняетъ всякое начало коллективности въ человѣческой жизни; опрокинувъ національныя, политическія, общественныя перегородки, онъ предоставляетъ человѣка его личному самосовершенствованію; не зная предѣловъ своей освободительной дѣятельности, онъ, наконецъ, разбиваетъ семейныя узы: освобожденному человѣчеству предоставляется изсякнуть путемъ обязательнаго воздержанія или добровольнаго безплодія.

Таковы конечные предѣлы, до которыхъ доходитъ русская мысль въ твореніяхъ трехъ романистовъ. Исходная ихъ точка была одна,—всѣ трое поставили себѣ цѣлью разоблаченіе дѣйствительной жизни. Тургеневъ и Достоевскій могли бы точно такъ же, какъ и Толстой, сказать: «Герой моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда» [1]).

Однако, *правда*, хотя и одна, какъ предметъ наблюденія, становится многообразной, когда вос-

---

[1]) «Севастополь въ Декабрѣ 1853 г.».

вивъ крестьянина и барина лицемъ къ лицу на общей почвѣ деревенской жизни, въ непосредственной близости къ природѣ, онъ показалъ добро и зло съ той и другой стороны; а что добрыя начала, изображенныя въ крестьянинѣ, взяли перевѣсъ въ томъ *впечатлѣніи*, какое произвела книга, то этого еще недостаточно для того, чтобы видѣть протестъ или сатиру въ томъ, что было лишь правдивой, искренней картиной. Въ этомъ исключительная особенность Тургенева, что, истинный художникъ, онъ рисуетъ жизнь какъ она есть,—жизнь съ ея загадками, а не съ отвѣтами на ея загадки. Онъ представляетъ собой одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ силы искусства, какъ такового. Онъ проникаетъ въ душу читателя исключительно путемъ красоты, но такъ преисполнена жизни эта красота, которую мы воспринимаемъ, что, разъ она проникла въ сознаніе, она возбуждаетъ къ дѣятельности и мысль, и чувство [1]). Всю свою жизнь Тургеневъ былъ призываемъ къ отвѣту, всегда ему навязывали теоріи, мнѣнія, намѣренія; и надо сказать, что добровольный изгнанникъ, поселившійся въ Парижѣ

---

[1]) Въ этомъ истинная причина его повсемѣстнаго успѣха. Вотъ почему въ эпоху сильно обостренныхъ мнѣній, онъ одинаково былъ принятъ и либеральной, и консервативной партіей; вотъ почему, не смотря на близость къ «вопросамъ дня», его повѣсти до сихъ поръ не утратили своей свѣжести; вотъ почему его произведенія, до такой степени русскія, оказываютъ такое неотразимое вліяніе на иностраннаго читателя.

и лишь отъ времени до времени проводившій лѣто въ своей русской деревнѣ, слѣдилъ не безъ удовольствія за критической перепалкой, какую его писанія вызывали въ его далекомъ отечествѣ. Слабые характеры непрочь нести отвѣтственность за пороки, которыхъ они не имѣютъ, а съ другой стороны охотно принимаютъ воздаянія за воображаемыя доблести: имъ одинаково льститъ—что прослыть хуже, что прослыть лучше, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ; такъ и нашъ писатель,—не протестовалъ, а охотно принималъ ту роль, въ которую облекала его критика.

Русская критика шестидесятыхъ годовъ имѣла важное вліяніе на развитіе молодого поколѣнія и представляетъ сама по себѣ довольно интересную эволюцію. Требованіе Бѣлинскаго,—чтобы искусство объясняло дѣйствительную жизнь, послужило исходной точкой для послѣдующихъ критиковъ. Цѣлая школа писателей, забывъ, что ихъ предшественникъ объявилъ равноправность искусства съ наукой и даже признавалъ за искусствомъ нѣкоторое первенство въ виду общедоступности его средствъ,—мало-по-малу отвела искусству второстепенную, вспомогательную роль, которая, наконецъ, низвела его на степень простого распространителя полезныхъ свѣдѣній. Въ трудахъ ея главныхъ представителей, Чернышевскаго [1]),

---

[1]) Его диссертація «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности»—одно изъ самыхъ яркихъ выраженій новаго направленія. Онъ въ особенности извѣстенъ своимъ рома-

Добролюбова и Писарева, русская критика того времени представляетъ постепенное пониженіе эстетическаго критерія и замѣну его критеріемъ практической пользы [1]). Произведеніе искусства цѣнилось лишь по стольку, по скольку оно являлось иллюстраціей дѣйствительной жизни; внутреннихъ художественныхъ достоинствъ не требовалось, ихъ даже не искали; вмѣсто того чтобы разбирать художественное произведеніе, критика стала заниматься разборомъ научныхъ или общественныхъ теорій, изложенныхъ въ произведеніи. Литература была объявлена чуть не постыднымъ дѣломъ, если не ставила себѣ цѣлью немедленную пользу. Писаревъ прямо радуется, что со времени Гоголя прозаики берутъ перевѣсъ надъ поэтами и видитъ въ этомъ «счастливое» предзнаменованіе, что придетъ пора, когда и они въ свою очередь уступятъ мѣсто болѣе полезному роду литературной дѣятельности, чѣмъ писаніе романовъ и повѣстей [2]).

Подобное направленіе не могло не привести

номъ «Что дѣлать?», увлекавшимъ молодые умы того времени. (Англійскій переводъ: Benj. Tucker).

[1]) Упомянутыхъ трехъ критиковъ часто принимаютъ за основателей революціоннаго «нигилизма» семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ; однако эта генеалогія и поверхностна и произвольна: въ своемъ реализмѣ они были восторженные идеалисты, и, если они являются яркими представителями своего времени, то ихъ нельзя дѣлать отвѣтственными за анархическія аберации послѣдующаго поколѣнія.

[2]) «Цвѣты невиннаго юмора».

въ концѣ концовъ къ полному отрицанію всякаго искусства: ясно, что нетолько многія литературныя формы не находили пощады предъ подобными требованіями, но цѣлыя области человѣческаго творчества должны были быть изгнаны изъ числа искусствъ, какъ музыка, архитектура, которыя не могли удовлетворять требованію немедленной пользы [1]). Молодое поколѣніе набросилось на это ученіе съ жадностью: оно было легко, удобно; оно избавляло отъ унизительнаго преклоненія предъ авторитетами, отъ почитанія того, чѣмъ другіе восхищались. Вмѣсто того чтобы проходить чрезъ трудный процессъ воспитанія, который возвышаетъ насъ до степени сознательнаго воспріятія великаго художественнаго произведенія, — было проще объявить, что слава великихъ художниковъ есть созданіе людскихъ предразсудковъ, что нѣтъ великихъ художниковъ и что прежде всего искусство само по себѣ не стоитъ, чтобы о немъ говорили: дѣйствительность предъявляла слишкомъ трудныя задачи, чтобы можно было позволять себѣ тратить время на пустяки; практическія требованія жизни важнѣе всякаго искусства, и, собственно, какъ гласитъ одно изъ тогдашнихъ изреченій, «сапоги выше Шекспира». До такихъ

---

[1]) Архитектура, какъ искусство, конечно, не имѣетъ утилитарныхъ цѣлей: зданіе есть произведеніе искусства не въ силу того, что оно *удобно*, а лишь поскольку оно *прекрасно*; архитекторъ, строющій удобное зданіе—не болѣе какъ техникъ, только строитель прекраснаго зданія—*художникъ*.

преувеличеній юные, пылкіе умы довели теоріи своихъ учителей. Нивелирующее вліяніе этихъ теорій, возникшихъ на почвѣ чисто литературной, мало-по-малу распространилось шире и, наконецъ, смело всякое признаніе какого бы то ни было авторитета.

Въ болѣе или менѣе преувеличенной формѣ, съ большей или меньшей примѣсью политическаго протеста и религіознаго скептицизма, эти теоріи исповѣдовались значительнымъ большинствомъ молодого поколѣнія. Въ первый разъ онѣ были выведены въ литературѣ—Тургеневымъ, который въ своей повѣсти «Отцы и дѣти» далъ имъ прозваніе «нигилизма» [1]). Молодой Базаровъ,—первый литературный типъ этого рода; онъ былъ повторенъ другими; Гончаровъ въ своемъ «Обрывѣ» начерталъ образъ нигилиста, Достоевскій въ «Бѣсахъ» изобразилъ цѣлое общество политическихъ преступниковъ. Однако эти позднѣйшія воспроизведенія не лишены дидактизма и тенденціозности; Тургеневъ же изображаетъ своего героя съ такимъ олимпійскимъ безпристастіемъ, что до сего дня критики не разобрались, сочувствуетъ ли онъ своему герою или осуждаетъ его. Цѣлая буря была поднята появленіемъ «Отцовъ и дѣтей»; мнѣнія перепутались: въ либеральномъ

---

[1]) Какъ видите, въ тѣ дни это слово еще не имѣло той террористической окраски, какую придали ему впослѣдствіи и главнымъ образомъ въ Западной Европѣ, гдѣ его сдѣлали синонимомъ съ «анархизмомъ».

лагерѣ, одни превозносили автора за то, что онъ на сторонѣ «дѣтей», другіе бранили его за сочувствіе къ «отцамъ»; такъ же точно и въ консервативномъ лагерѣ: одни привѣтствовали въ немъ какъ-бы цензора заблужденій молодежи, другіе осуждали его за осмѣяніе старшаго поколѣнія. Самъ авторъ въ своихъ письмахъ, безъ особенной разборчивости, просто подогрѣвалъ тѣхъ, кто его хвалилъ. Нужно сказать, что Тургеневъ подглядѣлъ изображенный имъ типъ, когда онъ только что обрисовывался, когда, полный энергіи и благороднаго стремленія къ полезной дѣятельности, онъ только отдѣлился отъ старшаго поколѣнія; протестъ въ это время былъ полонъ обѣщаній, которыя не могли не вызывать сочувствія, несмотря на внѣшнюю грубость и циничность пріемовъ. Никто бы въ тѣ времена не угадалъ, до какихъ неестественныхъ преувеличеній этотъ типъ долженъ былъ дойти въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи. Писаревъ съ своемъ разборѣ «Отцовъ и дѣтей» говоритъ: «Смыслъ романа такой: теперешніе молодые люди увлекаются и впадаютъ въ крайности; но въ самыхъ увлеченіяхъ оказываются свѣжія силы и неподкупный умъ; эта сила и этотъ умъ, безъ всякихъ постороннихъ пособій и вліяній, выведутъ молодыхъ людей на прямую дорогу и поддержатъ ихъ въ жизни». Увы, они не «поддержали ихъ»,—по крайней мѣрѣ не всѣхъ изъ нихъ: онѣ вывели ихъ на дорогу, но куда бы не влекли ихъ стремленія ихъ, это не «прямая дорога», разъ она

ведетъ къ разрушенію. Свѣжимъ силамъ и неподкупнымъ умамъ придется искать иныхъ путей.

Вотъ главныя мысли, которыя группируются вокругъ имени Тургенева. Можемъ упомянуть еще одну литературную особенность, которая составляетъ симптомъ времени и стоитъ въ связи съ движеніетъ, также достигшимъ значительной степени преувеличенія. Въ своей повѣсти «На канунѣ» Тургеневъ представилъ первый образъ женщины, интересы которой выходятъ за предѣлы ея семейнаго круга. Елена — первая женщина въ нашей литературѣ, находящая въ своей любви достаточно силы, чтобы стать духовной спутницей своего мужа не только въ его семейной жизни, но и въ его работѣ внѣ семьи. Она представительница той русской женщины, которая, не поступаясь обязанностями домашняго очага, наполняетъ собой всю жизнь своего супруга, которая, не переставая быть супругой и матерью, съ одинаковымъ безстрашіемъ слѣдуетъ за избранникомъ своего сердца въ отвлеченныя области науки, въ трудности житейской борьбы, въ мракъ сибирскаго изгнанія. Позднѣе и это было преувеличено; научный интересъ сталъ какимъ-то протестомъ противъ семьи и вызвалъ лѣтъ двадцать, двадцать пять тому назадъ типъ дѣвушки, которая, повидимому, желала быть чѣмъ угодно, кромѣ супруги и матери. Можетъ быть, богатство дѣвственной русской почвы, дремавшей въ теченіе столькихъ столѣтій, виной тому, что всякое падающее на нее зерно

выростаетъ до послѣднихъ предѣловъ преувеличенности...

Переходимъ къ Достоевскому. Если въ Тургеневѣ мыслитель пропадалъ за художникомъ, въ Достоевскомъ художникъ заслоненъ мыслителемъ и моралистомъ. Мы не будемъ проникать въ скорбный міръ созданныхъ имъ образовъ. Кто читалъ «Записки изъ мертваго дома» или «Преступленіе и наказаніе», тотъ испыталъ ужасное обаяніе, производимое этой толпой преступниковъ, умалишенныхъ, эпилептиковъ, самоубійцъ, и всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» отбросовъ человѣчества, которые сквозь многострадальное свое земное умираніе провозглашаютъ безсмертную красоту человѣческой души. Несмотря на нѣкоторыя несообразности въ архитектурномъ построеніи почти всѣхъ его произведеній, несмотря на извѣстную неуклюжесть его черезчуръ нагроможденныхъ романовъ, сила и направленіе этого таланта таковы, что дѣлаютъ изъ Достоевскаго совершенно своеобразный образъ во всемірной литературѣ. Весь его трудъ представляетъ какъ-бы одну гигантскую попытку высвободить душу человѣческую изъ-подъ забвенія, въ которомъ держатъ ее людское равнодушіе и предубѣжденіе; всѣ его силы устремлены на раскрытіе первоначальной чистоты духовнаго человѣка подъ самыми ужасными видами нравственнаго или физическаго растлѣнія. Ничто не устрашаетъ его, онъ самъ увеличиваетъ трудности своей задачи, онъ нагромождаетъ самыя

отталкивающія подробности [1]), и со всѣмъ тѣмъ струя живой воды всегда пробивается сквозь омутъ гнили и свѣтъ торжествуетъ надъ мракомъ. Подобно Гоголю, онъ проникаетъ въ тину нашей жизни, но отлично отъ Гоголя, возводившаго тину «въ перлъ созданія», Достоевскій изъ тины извлекаетъ сокровища дѣйствительности. И ничто не пугаетъ его въ его изысканіяхъ: подобно тѣмъ самоотверженнымъ героямъ, которые несутъ свою помощь прокаженнымъ, онъ идетъ къ «униженной и оскорбленной» братіи и несетъ имъ утѣшеніе въ христіанскомъ признаніи ихъ человѣческаго достоинства; бѣдствія, болѣзнь, грубость, жестокость,—онъ ко всему приступаетъ съ одинаковымъ безстрашіемъ; нѣтъ препятствія достаточно сильнаго, чтобы остановить этого духовнаго Ливингстона мрака и скорби.

«На Достоевскаго, говоритъ критикъ, нельзя смотрѣть какъ на обыкновеннаго романиста, какъ на талантливаго и умнаго литератора. Въ немъ было нѣчто большее, и это большее составляетъ его отличительную особенность и объясняетъ его дѣйствіе на другихъ» [2]).

---

[1]) Лишь одно изъ числа намъ извѣстныхъ произведеній въ западной литературѣ сравнимо съ этой стороной таланта Достоевскаго, это—«Giovanni Episcopo» Gabriele D'Annunzio; хотя то религіозное дыханіе, та мистическая красота, которыя проникаютъ даже самыя отталкивающія картины Достоевскаго, совершенно отсутствуютъ въ итальянской повѣсти.

[2]) Вл. Соловьевъ «Три лекціи о Достоевскомъ».

Вліяніе Достоевскаго было огромное. Въ противуположность Тургеневу, который жилъ преимущественно въ своихъ произведеніяхъ и личность котораго до конца была окружена недовѣріемъ, авторъ «Преступленія и наказанія» сдѣлался самымъ популярнымъ человѣкомъ своего времени,—болѣе популярнымъ, чѣмъ Левъ Толстой въ наши дни, ибо его популярность была лишена того характера партійности, который отличаетъ послѣдователей автора «Моей вѣры». Какъ приливъ морской, ринулось молодое поколѣніе на его призывъ; и это было благородное, благотворное движеніе. Въ такое время, когда революціонное броженіе омрачало умы и потрясало основанія вѣры и убѣжденій, когда великое безъимянное чудовище европейской анархіи вербовало и поглощало столько «свѣжихъ силъ» и «неподкупныхъ умовъ» среди русской молодежи, когда ненависть и разрушеніе провозглашались, какъ начала, долженствующія возродить вселенную,—въ такое время христіанскія начала любви и смиренія, проповѣдуемыя Достоевскимъ, звучали какъ бы пророческимъ предостереженіемъ; исходя изъ устъ человѣка, который самъ прошелъ чрезъ четыре года каторжныхъ работъ [1]), его идеи получали такую силу, что никто не смѣлъ оспаривать ихъ подъ страхомъ оскорбить почтеннаго писа-

---

[1]) Достоевскій былъ сосланъ въ 1849 году по извѣстному «дѣлу Петрашевскаго».

теля [1]). И дѣйствительно, вокругъ его горячаго сердца разногласія политическія утихали. Своей знаменитой рѣчью при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ, въ Іюнѣ 1880 г., онъ воспламенилъ и увлекъ за собой рѣшительно всѣхъ: славянофилы, западники, либералы, консерваторы,—всѣ слились въ одинъ общій восторгъ; въ позднѣйшей критикѣ мнѣнія опять обозначились, и та же рѣчь о Пушкинѣ оцѣнивалась различно, но въ тотъ моментъ какъ она была произнесена, всѣ были побѣждены,—такова была сила этого человѣка. Его удивительная наружность (небольшого роста, худой, изнуренный эпилепсіей), его могильный голосъ и при этомъ изумительная дикція, въ которой внутренній огонь проступалъ сквозь аскетическую суровость внѣшняго облика,—производили совершенно гипнотизирующее впечатлѣніе. Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ часто принималъ участіе въ публичныхъ чтеніяхъ; его послѣдній романъ «Братья Карамазовы», писался какъ разъ въ то время, и многія главы этой страшной книги, въ которой религія и преступленіе, аскетизмъ и сладострастіе сплетаются въ самую ужасную трагедію, впервые стали знакомы публикѣ изъ чтеній самого автора. Я помню одинъ изъ такихъ вечеровъ зимою 1879—80 г.

---

[1]) Припоминаю слова проф. О. Ѳ. Миллера (Петерб. унив.); на одной изъ своихъ лекцій послѣ похоронъ Достоевскаго, по поводу страннаго предложенія нѣкоторыхъ студентовъ нести предъ гробомъ цѣпи каторжника, онъ сказалъ: «бо̀льшаго оскорбленія нельзя было нанести памяти Ѳеодора Михаиловича».

Тургеневъ былъ въ Петербургѣ и также принималъ участіе; онъ былъ встрѣченъ и привѣтствованъ съ тѣмъ восторгомъ, который мы всѣ испытываемъ при соприкосновеніи съ лучшими воспоминаніями нашей юности. Странно, — Тургеневъ всегда останется сверстникомъ молодежи; въ нашемъ поколѣніи мы любимъ его за тѣ ощущенія, чрезъ которыя мы прошли, когда мы его читали въ первый разъ,— ибо никогда мы его не читали такъ, какъ въ шестнадцать лѣтъ; мы на Тургенева озираемся, мы любимъ его какъ воспоминаніе,—и вотъ мы встрѣтили его въ тотъ вечеръ, какъ самого дорогого спутника нашихъ счастливѣйшихъ дней. Однако, сѣдой богатырь, очаровавшій насъ прелестной страницей изъ «Записокъ охотника», принужденъ былъ отдать пальму первенства тщедушному автору «Преступленія и наказанія», который потрясъ своихъ слушателей новою главой «Братьевъ Карамазовыхъ». Совершенно независимо отъ литературныхъ достоинствъ каждаго изъ нихъ, личность Достоевскаго въ тѣ дни говорила больше сердцу и воображенію: онъ не былъ воспоминаніемъ, онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ жизни, онъ былъ живою частью каждаго изъ насъ,—и его привѣтствовали съ тѣмъ забвеніемъ всякой мѣры, которое охватываетъ людей, когда все ихъ существо со всѣми испытаніями въ прошломъ, со всѣми надеждами въ будущемъ,—потрясено до самаго корня. Когда онъ скончался, 29 Января 1881 года, люди почувствовали,

что чего-то великаго не стало на землѣ, и его же словами повторили: «Праведникъ отходитъ,—свѣтъ его остается». Свѣтъ, оставшійся послѣ Достоевскаго, одинъ изъ чистѣйшихъ свѣтящихся на землѣ; это одно изъ самыхъ цѣнныхъ сокровищъ, завѣщанныхъ человѣкомъ грядущимъ поколѣніямъ.

Мѣрило, какимъ мы должны измѣрять Достоевскаго, видно изъ слѣдущихъ строкъ Льва Толстого. «Я никогда не видалъ этого человѣка, и никогда не имѣлъ прямыхъ отношеній съ нимъ; и вдругъ, когда онъ умеръ, я понялъ, что онъ былъ самый близкій, дорогой, нужный мнѣ человѣкъ. И никогда мнѣ въ голову не приходило мѣряться съ нимъ, никогда. Все, что онъ дѣлалъ, было такое, что чѣмъ больше онъ сдѣлаетъ, тѣмъ мнѣ лучше. Искусство вызываетъ во мнѣ зависть, умъ тоже, но дѣло сердца—только радость» [1]). Достоевскій былъ въ литературѣ дѣятельнымъ, неутомимымъ борцомъ за распространеніе христіанскихъ началъ любви, смиренія, самозабвенія. Вся его этика исчерпывается тѣми немногими словами, въ которыхъ онъ говоритъ, что каждый изъ людей виноватъ предъ каждымъ. Съ болѣе частной, національной точки зрѣнія, за свои теоріи онъ можетъ быть причисленъ къ партіи, которая составляетъ какъ бы фракцію славянофильства; такъ какъ главный ихъ доводъ тотъ, что высшіе классы оторвались отъ народной почвы и что

---

[1]) Письмо къ Страхову.

имъ слѣдуетъ къ ней вернуться, то ихъ обозначаютъ именемъ «почвенниковъ» [1]). Простой народъ, разсуждаютъ они,—носитель истиннаго христіанства, не испорченнаго цивилизаціей; если мы грѣховны, то потому, что мы утратили то, что онъ сохранилъ; мы должны забыть о Европѣ, не думать ни о комъ, кромѣ насъ самихъ, но не съ патріотической гордостію, а въ смиреніи должны мы ступить на путь личнаго совершенствованія; мы должны уподобиться меньшей братіи, и когда вся наша страна переродится въ истинномъ христіанствѣ,—тогда уже можно будетъ намъ подумать о другихъ и въ патріотическомъ самосознаніи своего перерожденія предпринять перерожденіе другихъ. Въ ежемѣсячномъ изданіи, «Дневникъ Писателя», Достоевскій развивалъ эти идеи все съ большей настойчивостью; подогрѣваемый интересами современности, разжигаемый полемикой, его тонъ нерѣдко уклонялся отъ правилъ христіанскаго смиренія. Въ общемъ, «Дневникъ Писателя» нельзя причислить къ лучшимъ страницамъ Достоевскаго, но онъ представляетъ интересную картину важнѣйшихъ вопросовъ нашей политической, общественной, умственной жизни, какъ они отражались въ умѣ одного изъ лучшихъ нашихъ писателей.

Вопросъ о личномъ самосовершенствованіи составляетъ исходную точку двухъ противуположныхъ

---

[1]) Ихъ главные представители: Погодинъ, Шевыревъ, критикъ Аполлонъ Григорьевъ, критикъ и публицистъ Страховъ

теченій современной русской мысли. Вы видѣли, что у Достоевскаго личное самосовершенствованіе есть начало длиннаго процесса, который по немногу приводитъ къ общественному, національному и, наконецъ, общечеловѣческому совершенствованію; и, дѣйствительно, у него душа единичная есть лишь входящая часть, вспомогательная величина единой всечеловѣческой души; принципъ коллективности проникаетъ всѣ творенія того, кто говорилъ, что каждый человѣкъ виновенъ предъ каждымъ человѣкомъ. Отдѣльная личность есть лишь орудіе, конечная цѣль личной дѣятельности—великая человѣческая семья, и единственный способъ достичь всеобщаго благоденствія—установленіе единой церкви, при условіи соціальной солидарности. Таковы были идеи Достоевскаго; но вотъ является другой литературный гигантъ; исходя изъ того же начала личнаго самосовершенствованія, онъ приходитъ къ совершенно противуположнымъ выводамъ. Такъ какъ коллективность обыкновенно покупается цѣною личныхъ уступокъ, такъ какъ дурныя ея стороны значительны и часто берутъ перевѣсъ надъ хорошими, всякое начало коллективности осуждается, какъ препятствующее естественному развитію лица. Узы общественныя, національныя, церковныя, развязываются, человѣкъ предоставляется самому себѣ и личное совершенствованіе, путемъ единичнаго возрожденія неминуемо ведущее къ возрожденію общему,—возлагается на человѣка, какъ единственный долгъ,

единственная цѣль всѣхъ его стремленій. Вы видите разницу обѣихъ теорій: у Достоевскаго личное совершенствованіе ведетъ къ единенію; оно ведетъ къ разъединенію въ ученіяхъ Льва Толстаго.

Странны взаимныя отношенія художника и мыслителя въ этомъ удивительномъ писателѣ. У Тургенева мыслитель скрытъ, онъ заключенъ въ художникѣ; мысль есть непосредственное слѣдствіе, какъ бы продолженіе красоты. У Достоевскаго они раздѣльно существуютъ; мыслитель преобладаетъ, однако онъ не изгоняетъ художника, онъ занимаетъ много мѣста, онъ громоздокъ, онъ затрудняетъ работу художнику, однако послѣдній проталкивается сквозь нагроможденный матеріалъ, пробиваетъ свою дорогу и иногда одной какой-нибудь сценой изумительной душевной правдивости подтверждаетъ цѣлыя страницы философіи. Въ Толстомъ художникъ и мыслитель также живутъ вмѣстѣ, но они—соперники, они никогда не говорятъ одновременно, они рѣдко подтверждаютъ другъ друга, иногда они прямо таки другъ другу противорѣчатъ [1]). И, тѣмъ не ме-

---

[1]) Генералъ Драгоміровъ, хорошо извѣстный своими теоріями о воспитаніи солдата и войска (См. «Théories du Général Dragomiroff». Paris. Ch. Lavauzelle «Le général Dragomirow». Art Roë «Revue des deux Mondes» 1-r Nov. 1895), разсматривая «Войну и Миръ» съ военной точки зрѣнія, отмѣчаетъ не одну великолѣпную картину, разбивающую несостоятельныя теоріи. «Невольно поражаешься изумленіемъ, какъ одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ такъ превосходно рисовать боевыя сцены и такъ плохо объяснять явленія войны и боя».

нѣе, изъ двухъ—правъ всегда художникъ; мыслитель поднимаетъ свой голосъ съ навязчивой настойчивостью, но художникъ не даетъ себя перекричать, и, когда только онъ появляется во всемъ неоспоримомъ авторитетѣ своего генія, ясность его взора проникаетъ дальше, глубже, выше, чѣмъ всякія философскія мудрованія мыслителя.

Литературный обликъ великаго романиста хорошо извѣстенъ всякому. Это, можетъ быть, первый примѣръ писателя, при жизни достигшаго послѣдней степени славы, потому что графъ Толстой первый великій писатель, которому дано воспользоваться всѣми услугами новѣйшей цивилизаціи. Между тѣмъ какъ даже Данте, Шекспиру, Сервантесу, пришлось ждать столѣтія, пока человѣчество усовершенствуется въ языкознаніи настолько, чтобы перевести ихъ на всѣ языки, въ книгопечатаніи настолько, чтобы размножить ихъ до безконечности, въ способахъ передвиженія и торговыхъ сношеніяхъ настолько, чтобы разослать ихъ во всѣ углы вселенной, графъ Толстой имѣлъ преимущество родиться въ такое время, когда та самая цивилизація, противъ которой онъ такъ ратуетъ, даруетъ ему въ нѣсколько лѣтъ результатъ вѣковъ: его посмертная слава не будетъ громче, чѣмъ его популярность. Вѣрные нашей программѣ, мы разсмотримъ не столько особенности его литературнаго дарованія, сколько его идеи, ихъ вліяніе и то, какъ онѣ принимаются.

Рѣдкій писатель достигалъ такого всемірнаго признанія, какъ авторъ «Войны и Мира»: всѣ партіи, всѣ школы, всѣ поколѣнія, всѣ народности согласны. Неоспоримы, какъ сама жизнь, его великолѣпныя изображенія жизни; они какъ жизнь широки и разнообразны, страшны какъ жизнь, и какъ жизнь глубоки, ибо ни предъ кѣмъ жизнь не представала съ такой глубиной, какъ предъ нимъ; никто не измѣрялъ такихъ тайниковъ человѣческой души, никто не провожалъ ея такъ далеко до порога земнаго существованія; никто съ такой неутомимой настойчивостью не преслѣдовалъ микробовъ неискренности, оскверняющихъ человѣческую совѣсть; никто съ такимъ жестокимъ хладнокровіемъ не погружался въ зіяющія раны, вскрытыя ножомъ психологической вивисекціи. И всякій, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя побѣжденнымъ этой силой, уничтоженнымъ подъ всемогуществомъ этого генія, который въ эпическихъ панорамахъ своихъ романовъ охватываетъ народы, арміи, государства, а въ краткой картинкѣ, гдѣ кающійся «хозяинъ» переливаетъ свою жизнь въ замерзшаго «работника», обнялъ все человѣчество; который на узкомъ пространствѣ пары саней, затерянныхъ въ мятели и погребенныхъ подъ снѣгомъ, съумѣлъ сосредоточить вселенную и раскрыть врата вѣчности. Таковъ художникъ,—съ величайшей силой объединенія, когда-либо выказанной романистомъ. Но вотъ является мыслитель и какъ будто задается цѣлью раздѣлать работу художника. Одна изъ самыхъ характерныхъ особен-

ностей этого ума заключается въ разницѣ между объединяющей силой его художественнаго дарованія и раздробленіемъ, проповѣдуемымъ его философіей. Раздробленіе начинается съ него самого. Мыслитель отдѣляется отъ художника и становится его судьей; авторъ «Моей вѣры» произноситъ приговоръ надъ авторомъ «Войны и мира». Искусство объявляется игрой недостойной тѣхъ, кто дѣйствительно занятъ благомъ ближняго. Развѣ народъ знаетъ Пушкиныхъ, Гоголей, Тургеневыхъ? развѣ онъ чувствуетъ въ нихъ потребность? Высшіе классы должны сосредоточить свою дѣятельность только на томъ, что приноситъ непосредственную пользу массамъ; все, что не клонится къ этой цѣли—излишество, а мы обязаны отъ всякаго излишества воздерживаться. Мыслитель заставляетъ художника писать сказки для народа; и художникъ до того универсаленъ, до того недоступенъ всякимъ сословнымъ соображеніямъ, что эти сказки, написанныя для крестьянъ, становятся любимымъ чтеніемъ всякаго. Мыслитель заставляетъ художника бросить кисть и сдѣлаться писателемъ-философомъ. Съ этой минуты духъ разъединенія переходитъ изъ его личности въ его произведенія и, наконецъ, во мнѣнія тѣхъ, кто были такъ единодушны въ оцѣнкѣ художника. Въ нѣсколькихъ словахъ ученіе Толстого сводится къ слѣдующему. Его основаніе—непротивленіе злу; его догматъ—вредъ цивилизаціи, какъ результатъ коллективности; его заповѣдь—раздробленіе обществъ въ пользу лица.

Мы не будемъ останавливаться на хорошихъ сторонахъ ученія, которыя въ общемъ могутъ быть сведены къ походу противъ неискренности во всѣхъ ея проявленіяхъ,—авторъ достаточно хорошо самъ себя защищаетъ. Мы скорѣе прослѣдимъ его недостатки, и даже нестолько внутренніе недостатки ученія, сколько отрицательныя стороны его вліянія.

Истинные послѣдователи Толстого, настоящіе «толстовцы» немногочисленны; это люди, заслуживающіе всякаго уваженія за выполненіе, въ предѣлахъ возможнаго, заповѣди воздержанія отъ всего лишняго, хотя, конечно, грань, между тѣмъ, что дѣйствительно необходимо и тѣмъ, что только кажется такимъ, довольно трудно опредѣлима. Самъ графъ, въ своемъ имѣніи, даетъ довольно странные примѣры практическаго примѣненія своихъ правилъ. Авторъ «Анны Карениной» погружаетъ руки въ глину и выводитъ печи, которыя, послѣ того, переправляются настоящими печниками; затѣмъ, онъ беретъ плугъ, пропахиваетъ положенное число бороздъ, послѣ чего испытываетъ рѣдкое преимущество обѣдать въ потѣ лица своего. Изъ всего этого,—что́ необходимо, что́ излишне? можетъ быть, плугъ и печи необходимы, можетъ быть обѣдъ представляется подлежащимъ упраздненію какъ излишество?..

И со всѣмъ тѣмъ, эта практическая сторона ученія при всей наивности своей представляетъ единственную положительную его сторону; все остальное—отрицательно, и именно это отрицаніе обу-

словливаетъ ядовитость и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательность ученія,—по крайней мѣрѣ привлекательность для того, кто самъ никогда не положилъ своихъ силъ на дѣло положительной вѣры и потому съ радостію подчиняется тому, кто избавляетъ его отъ всякихъ стремленій, объявивъ разъ навсегда, что нашъ идеалъ лежитъ позади насъ. Размягченіе человѣческой энергіи,—вотъ разлагающій элементъ ученія. Новѣйшія общества (сословія, государства, церкви), въ тѣхъ формахъ, въ какія они сложились, объявляются негодными, грѣховными; и вотъ, всякій, у кого было хотя слабое колебаніе чувства долга, хватается за новое ученіе, какъ за избавленіе: къ чему намъ трудиться, когда осуществленіе нашихъ лучшихъ стремленій зависитъ отъ такого положенія вещей, которое само по себѣ грѣховно? Всякій актъ благотворительности, всякое увлеченіе, сразу пресѣкаются; нигилистическій смѣхъ развѣнчиваетъ самые лучшіе порывы: человѣкъ основалъ больницу,—да, но больница зависитъ отъ правительства, а всѣ правительства «безнравственныя» учрежденія, слѣдовательно, основатель больницы приложилъ руку къ безнравственному дѣлу; другой пожертвовалъ часть состоянія на бѣдныхъ,—еслибы онъ былъ христіаниномъ, говорятъ на это, онъ отдалъ бы все,—это не считается. Здѣсь, повторяемъ, мы не судимъ ученіе, мы лишь подчеркиваемъ результаты его воздѣйствія. Люди исходятъ изъ того, что предъ лицемъ Евангелія мы всѣ неоплатные

должники, и вотъ, тѣ, кто стараются расплатиться хотя бы съ частью своихъ долговъ, вызываютъ смѣхъ и состраданіе. Умственное вліянія не менѣе разслабляющее, чѣмъ нравственное: просвѣщеніе объявляется вреднымъ,—и невѣжда, въ силу лишь своего невѣдѣнія, считаетъ себя выше другихъ. Авторитеты опрокинуты, всѣ прошлые борцы за просвѣщеніе низвержены; люди никогда, ни одной книги по философіи не читавшіе, думаютъ, что они «открыли Америку» и объявляютъ съ знаніемъ дѣла, что только одинъ философъ существуетъ на землѣ, это Левъ Толстой [1]). Религіозное вліяніе еще хуже. Толстой строитъ свое ученье на евангельскихъ текстахъ (онъ и его послѣдователи считаютъ, что они имѣютъ исключительную монополію правильнаго пониманія Евангелія)—и вотъ, люди, никогда ни во что не вѣровавшіе, берутся за Евангеліе,—не для того чтобы поучиться и совершенствоваться, но для того чтобы осудить тѣхъ, кто по немощи людской не можетъ выполнить закона: на почвѣ христіанскаго ученія встаетъ секта, замѣняющая милосердіе и любовь осужденіемъ и презрѣніемъ.

---

[1]) Всѣ критики, которые приступали къ философскимъ трудамъ Толстого съ научнымъ критеріемъ, отмѣчаютъ неточность его терминологіи и туманность его логическихъ методовъ. А. Козловъ «Письма о книгѣ Гр. Льва Толстого—«О жизни». («Вопросы философіи психологіи» 1-й годъ №№ 5, 6, 7. Москва 1890). Б. Юзефовичъ «О философскомъ ученіи Гр. Л. Толстого».

И какой маякъ свѣтитъ въ концѣ этого пути? какой положительный свѣтъ? Толстой самъ говоритъ, что онъ не можетъ предвидѣть, что́ станетъ съ міромъ, когда всѣ люди послѣдуетъ его ученію; положимъ, онъ утверждаетъ, что идеалъ нашъ позади насъ, только онъ не опредѣляетъ хронологическаго момента: разумѣетъ-ли онъ желѣзный вѣкъ или бронзовый (ужъ не «золотой» ли?). Онъ скажетъ, что онъ разумѣетъ отдѣльную человѣческую жизнь, что онъ хотѣлъ обозначить возрастъ человѣка, не человѣчества,—«позади насъ» должно обозначать чистоту дѣтства. Опять не указанъ моментъ: когда начинается порочность? Чтобы быть вполнѣ свободными отъ всякой скверны, мы должны вернуться къ тому времени, когда насъ не было на свѣтѣ,—и дѣйствительно, въ «Сонатѣ Крейцера» человѣчеству преподается совѣтъ, равносильный самоубійству [1]). Теорія, исходная точка которой было раздробленіе, не могла привести иначе какъ къ смерти [2]).

Раздробленіе обществъ значитъ возвращеніе лич-

---

[1]) Холодна, жестока, неумолимая черствость ученія, которое во имя любви преподаетъ самоуничтоженіе рода человѣческаго ради торжества отвлеченной теоріи.

[2]) Разчлененіе составляетъ не только цѣль ученія Толстого, но повидимому—особенное свойство его мышленія. Вотъ что говоритъ вышеупомянутый нами генералъ Драгоміровъ по поводу взглядовъ Толстого на элементы войны: «Не напоминаетъ ли это химика, который, съумѣвъ разложить воду и не зная какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ея и нѣтъ

ности къ первобытному состоянію; и гдѣ же намъ остановиться въ этомъ постепенномъ отступленіи? Будемъ ли мы уходить въ глубь вѣковъ, пока не «обратимся въ землю»? Но земля сама живетъ и развивается. Жизнь не мыслима безъ борьбы соревнованія: растенія борются и выталкиваютъ другъ друга,—общества направляютъ и обуздываютъ личную борьбу. Если общества несовершенны въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ вообще надо разрушить, или что самое начало общественности, присущее природѣ человѣка, должно быть искоренено. Какъ долго пришлось бы графу Толстому ждать, пока личное самосовершенствованіе упразднило-бы крѣпостное право? Рабства бы не было, скажетъ онъ, еслибы человѣчество не сложилось въ общественныя формы. Очень можетъ быть, однако мы не можемъ упразднить прошлое, мы должны работать на данномъ основаніи, мы не можемъ начать заново новый міръ; рабство было даннымъ фактомъ, и еще разъ—долго ли бы пришлось намъ ждать, чтобы этотъ данный фактъ исчезъ самъ собою? И міръ такой же дан-

---

въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и не имѣющіе между собой ничего общаго?» Интересно въ данномъ случаѣ то, что приведенныя слова были написаны въ то время, когда романъ «Война и Миръ» только появлялся, слѣдовательно—задолго до того, когда Гр. Толстой вступилъ на путь исключительно философскаго писателя.

ный фактъ,—не мертвая буква, которую можно стереть и замѣнить другой; и пока міръ существуетъ, онъ будетъ жить,—и ничто не остановитъ его дальнѣйшаго развитія по законамъ прошлаго. Дѣло будущихъ вѣковъ блюсти за правильнымъ ростомъ человѣчества, а не останавливать его; вотъ почему грядущія поколѣнія будутъ работать надъ развитіемъ, а не надъ уничтоженіемъ того, что выработано предшествующими вѣками. Ибо прошлое существуетъ точно такъ же, какъ и будущее, и не можетъ быть вытѣснено въ небытье. Графъ Толстой говоритъ, что простой народъ не знаетъ Пушкина, и потому, заключаетъ онъ, Пушкины не нужны. Но *онъ* знаетъ Пушкина, и онъ не можетъ себя заставить забыть его, а разъ онъ его помнитъ, онъ долженъ желать, чтобы другіе его узнали, ибо лишь только они его узнаютъ, они его возжелаютъ.

Нѣтъ, Графъ Толстой не остановитъ роста вселенной; какъ бы силенъ ни былъ мыслитель, онъ никогда никого не убѣдитъ, что авторъ «Войны и міра» не нуженъ, потому что невѣжды о немъ не слыхали; философъ не вытѣснитъ художника и не воспрепятствуетъ ему стать, даже вопреки собственной волѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ воспитателей грядущихъ поколѣній; раскаявшемуся писателю не удастся вычеркнуть свое имя изъ списка благодѣтелей человѣческаго рода, ибо слишкомъ много великихъ истинъ воплотилъ художникъ въ красотѣ, а «красота, или воплощенная идея, сказалъ нашъ

философъ, есть лучшая часть нашего реальнаго міра, та, которая нетолько существуетъ, но заслуживаетъ существованія» [1]).

Мы прослѣдили исторію физическаго роста Русскаго государства отъ самаго его зарожденія и исторію русскаго духовнаго развитія съ зачатковъ умственной дѣятельности до разцвѣта нашей литературы. Вы видѣли, какъ возникла нынѣшняя Россія, какъ изъ мрака варварскаго ига зардѣлась Московская заря [2]); вы видѣли, какъ раздвигались границы маленькаго княжества, какъ изъ своей континентальной замкнутости оно рвалось къ открытому морю, проталкивалось къ берегамъ, чтобы соприкоснуться съ другими народами земли и примкнуть къ великому движенію вселенской жизни. Затѣмъ мы покинули физическую исторію Россіи. Утвердившись на берегахъ Ледовитаго, Каспійскаго, Чернаго и Балтійскаго морей, она направляетъ свое движеніе къ востоку; путемъ мирнаго посту-

---

[1]) Вл. Соловьевъ «Красота въ природѣ» («Вопросы философіи и психологіи». 1-й годъ. № 1. Москва 1889.).

[2]) Если мы древнюю Москву называемъ «зарею», то, конечно, лишь по отношенію къ мраку татарщины, въ силу тѣхъ историческихъ надеждъ и обѣщаній, которыхъ она явилась носительницей въ глазахъ гибнувшаго прошлаго. Впрочемъ, изъ всего курса, кажется, достаточно явствуетъ, что мы не раздѣляемъ византійско-московскихъ симпатій тѣхъ, кто (неожиданны бываютъ странности совпаденій) подобно Л. Толстому находятъ, что идеалъ нашъ позади насъ.

Прим. къ русск. изд.

панія, съ плугомъ пахаря, не съ мечемъ завоевателя, пройдетъ она чрезъ степи и горы Азіатскаго материка, чтобы твердою пятой стать на Тихомъ океанѣ. Во второй половинѣ нашего курса мы перешли къ исторіи русскаго духовнаго развитія. Вы видѣли, что, въ XVIII столѣтіи русскій умъ приходитъ въ соприкосновеніе съ западной культурой, — соприкосновеніе чисто внѣшнее, поверхностное, дающее въ результатѣ безпочвенное подражаніе. Вы видѣли, что въ первую четверть нашего вѣка въ Россіи совершается сознательное присоединеніе къ общеевропейскому движенію; путемъ сентиментализма и романтизма русская литература вливается въ общее море европейской умственной жизни, но уже духъ народный находитъ себѣ самостоятельнаго выразителя въ мощномъ образѣ Пушкина. Во второй четверти нашего столѣтія русскій умъ, какъ будто, уклоняется отъ общаго пути, вырабатываетъ свои особенности, и, въ то время какъ въ западной Европѣ романтизмъ достигаетъ своего зенита, Гоголь полагаетъ начало русскому натурализму. Наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ наше умственное движеніе снова примыкаетъ къ общеевропейскому, но теперь уже не для того, чтобы заимствовать или учиться, даже не для того, чтобы сотрудничать,—а для того чтобы воздѣйствовать и вліять: имена сегодня разобранныхъ нами авторовъ принадлежатъ эволюціи не русской, но всемірной литературы.

Мы кончили нашу задачу. Предоставляю вамъ

судить, по тому немногому, что я успѣлъ вамъ сообщить, интересный ли предметъ изученія представляютъ русская исторія и русская литература; предоставляю вамъ рѣшить, принадлежатъ ли духовныя силы русскаго народа, какъ онѣ сказались въ его исторіи и въ твореніяхъ его писателей, къ числу тѣхъ силъ, которыя ведутъ человѣчество по пути совершенствованія; предоставляю вамъ опредѣлить, съ какими ожиданіями взирать человѣчеству на этого гиганта, который послѣ восьмисотлѣтняго дѣтства, двухсотлѣтняго отрочества и юношества, вступаетъ въ возрастъ мужества и на порогѣ двадцатаго столѣтія встаетъ могучимъ посредникомъ въ судьбахъ народныхъ, держателемъ мира и войны. Мнѣ же остается поблагодарить васъ. Не знаю, придется ли намъ когда-нибудь снова сойтись, но позвольте выразить надежду, что интересъ, выказанный вами по поводу нашихъ бесѣдъ, не оскудѣетъ и впредь. Другіе, можетъ быть, замѣнятъ меня на этой каѳедрѣ, другіе развернутъ предъ вами тѣ самыя картины, которыя мы обозрѣвали, другіе принесутъ вамъ сказанія, пѣсни и думы нашей земли; не сомнѣваюсь, что они будутъ и болѣе свѣдущи и болѣе опытны, чѣмъ я, но въ одномъ могу васъ увѣрить: ни одинъ изъ нихъ не будетъ движимъ большею любовью къ своему предмету и большимъ уваженіемъ къ своимъ слушателямъ.

Biblioteka Kriovo Vidaslavlia

ностей этого ума заключается въ разницѣ между объединяющей силой его художественнаго дарованія и раздробленіемъ, проповѣдуемымъ его философіей. Раздробленіе начинается съ него самого. Мыслитель отдѣляется отъ художника и становится его судьей; авторъ «Моей вѣры» произноситъ приговоръ надъ авторомъ «Войны и мира». Искусство объявляется игрой недостойной тѣхъ, кто дѣйствительно занятъ благомъ ближняго. Развѣ народъ знаетъ Пушкиныхъ, Гоголей, Тургеневыхъ? развѣ онъ чувствуетъ въ нихъ потребность? Высшіе классы должны сосредоточить свою дѣятельность только на томъ, что приноситъ непосредственную пользу массамъ; все, что не клонится къ этой цѣли—излишество, а мы обязаны отъ всякаго излишества воздерживаться. Мыслитель заставляетъ художника писать сказки для народа; и художникъ до того универсаленъ, до того недоступенъ всякимъ сословнымъ соображеніямъ, что эти сказки, написанныя для крестьянъ, становятся любимымъ чтеніемъ всякаго. Мыслитель заставляетъ художника бросить кисть и сдѣлаться писателемъ-философомъ. Съ этой минуты духъ разъединенія переходитъ изъ его личности въ его произведенія и, наконецъ, во мнѣнія тѣхъ, кто были такъ единодушны въ оцѣнкѣ художника. Въ нѣсколькихъ словахъ ученіе Толстого сводится къ слѣдующему. Его основаніе—непротивленіе злу; его догматъ—вредъ цивилизаціи, какъ результатъ коллективности; его заповѣдь—раздробленіе обществъ въ пользу лица.

Мы не будемъ останавливаться на хорошихъ сторонахъ ученія, которыя въ общемъ могутъ быть сведены къ походу противъ неискренности во всѣхъ ея проявленіяхъ,—авторъ достаточно хорошо самъ себя защищаетъ. Мы скорѣе прослѣдимъ его недостатки, и даже нестолько внутренніе недостатки ученія, сколько отрицательныя стороны его вліянія.

Истинные послѣдователи Толстого, настоящіе «толстовцы» немногочисленны; это люди, заслуживающіе всякаго уваженія за выполненіе, въ предѣлахъ возможнаго, заповѣди воздержанія отъ всего лишняго, хотя, конечно, грань, между тѣмъ, что дѣйствительно необходимо и тѣмъ, что только кажется такимъ, довольно трудно опредѣлима. Самъ графъ, въ своемъ имѣніи, даетъ довольно странные примѣры практическаго примѣненія своихъ правилъ. Авторъ «Анны Карениной» погружаетъ руки въ глину и выводитъ печи, которыя, послѣ того, переправляются настоящими печниками; затѣмъ, онъ беретъ плугъ, пропахиваетъ положенное число бороздъ, послѣ чего испытываетъ рѣдкое преимущество обѣдать въ потѣ лица своего. Изъ всего этого,—что́ необходимо, что́ излишне? можетъ быть, плугъ и печи необходимы, можетъ быть обѣдъ представляется подлежащимъ упраздненію какъ излишество?..

И со всѣмъ тѣмъ, эта практическая сторона ученія при всей наивности своей представляетъ единственную положительную его сторону; все остальное—отрицательно, и именно это отрицаніе обу-

словливаетъ ядовитость и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательность ученія,—по крайней мѣрѣ привлекательность для того, кто самъ никогда не положилъ своихъ силъ на дѣло положительной вѣры и потому съ радостію подчиняется тому, кто избавляетъ его отъ всякихъ стремленій, объявивъ разъ навсегда, что нашъ идеалъ лежитъ позади насъ. Размягченіе человѣческой энергіи,—вотъ разлагающій элементъ ученія. Новѣйшія общества (сословія, государства, церкви), въ тѣхъ формахъ, въ какія они сложились, объявляются негодными, грѣховными; и вотъ, всякій, у кого было хотя слабое колебаніе чувства долга, хватается за новое ученіе, какъ за избавленіе: къ чему намъ трудиться, когда осуществленіе нашихъ лучшихъ стремленій зависитъ отъ такого положенія вещей, которое само по себѣ грѣховно? Всякій актъ благотворительности, всякое увлеченіе, сразу пресѣкаются; нигилистическій смѣхъ развѣнчиваетъ самые лучшіе порывы: человѣкъ основалъ больницу,—да, но больница зависитъ отъ правительства, а всѣ правительства «безнравственныя» учрежденія, слѣдовательно, основатель больницы приложилъ руку къ безнравственному дѣлу; другой пожертвовалъ часть состоянія на бѣдныхъ,—еслибы онъ былъ христіаниномъ, говорятъ на это, онъ отдалъ бы все,—это не считается. Здѣсь, повторяемъ, мы не судимъ ученіе, мы лишь подчеркиваемъ результаты его воздѣйствія. Люди исходятъ изъ того, что предъ лицемъ Евангелія мы всѣ неоплатные

должники, и вотъ, тѣ, кто стараются расплатиться хотя бы съ частью своихъ долговъ, вызываютъ смѣхъ и состраданіе. Умственное вліянія не менѣе разслабляющее, чѣмъ нравственное: просвѣщеніе объявляется вреднымъ,—и невѣжда, въ силу лишь своего невѣдѣнія, считаетъ себя выше другихъ. Авторитеты опрокинуты, всѣ прошлые борцы за просвѣщеніе низвержены; люди никогда, ни одной книги по философіи не читавшіе, думаютъ, что они «открыли Америку» и объявляютъ съ знаніемъ дѣла, что только одинъ философъ существуетъ на землѣ, это Левъ Толстой [1]). Религіозное вліяніе еще хуже. Толстой строитъ свое ученье на евангельскихъ текстахъ (онъ и его послѣдователи считаютъ, что они имѣютъ исключительную монополію правильнаго пониманія Евангелія)—и вотъ, люди, никогда ни во что не вѣровавшіе, берутся за Евангеліе,—не для того чтобы поучиться и совершенствоваться, но для того чтобы осудить тѣхъ, кто по немощи людской не можетъ выполнить закона: на почвѣ христіанскаго ученія встаетъ секта, замѣняющая милосердіе и любовь осужденіемъ и презрѣніемъ.

---

[1]) Всѣ критики, которые приступали къ философскимъ трудамъ Толстого съ научнымъ критеріемъ, отмѣчаютъ неточность его терминологіи и туманность его логическихъ методовъ. А. Козловъ «Письма о книгѣ Гр. Льва Толстого—«О жизни». («Вопросы философіи психологіи» 1-й годъ №№ 5, 6, 7. Москва 1890). Б. Юзефовичъ «О философскомъ ученіи Гр. Л. Толстого».

И какой маякъ свѣтитъ въ концѣ этого пути? какой положительный свѣтъ? Толстой самъ говоритъ, что онъ не можетъ предвидѣть, что́ станетъ съ міромъ, когда всѣ люди послѣдуетъ его ученію; положимъ, онъ утверждаетъ, что идеалъ нашъ позади насъ, только онъ не опредѣляетъ хронологическаго момента: разумѣетъ-ли онъ желѣзный вѣкъ или бронзовый (ужъ не «золотой» ли?). Онъ скажетъ, что онъ разумѣетъ отдѣльную человѣческую жизнь, что онъ хотѣлъ обозначить возрастъ человѣка, не человѣчества,—«позади насъ» должно обозначать чистоту дѣтства. Опять не указанъ моментъ: когда начинается порочность? Чтобы быть вполнѣ свободными отъ всякой скверны, мы должны вернуться къ тому времени, когда насъ не было на свѣтѣ,—и дѣйствительно, въ «Сонатѣ Крейцера» человѣчеству преподается совѣтъ, равносильный самоубійству [1]). Теорія, исходная точка которой было раздробленіе, не могла привести иначе какъ къ смерти [2]).

Раздробленіе обществъ значитъ возвращеніе лич-

---

[1]) Холодна, жестока, неумолимая черствость ученія, которое во имя любви преподаетъ самоуничтоженіе рода человѣческаго ради торжества отвлеченной теоріи.

[2]) Разчлененіе составляетъ не только цѣль ученія Толстого, но повидимому—особенное свойство его мышленія. Вотъ что говоритъ вышеупомянутый нами генералъ Драгоміровъ по поводу взглядовъ Толстого на элементы войны: «Не напоминаетъ ли это химика, который, съумѣвъ разложить воду и не зная какъ составить ее, вздумалъ бы утверждать, что ея и нѣтъ

ности къ первобытному состоянію; и гдѣ же намъ остановиться въ этомъ постепенномъ отступленіи? Будемъ ли мы уходить въ глубь вѣковъ, пока не «обратимся въ землю»? Но земля сама живетъ и развивается. Жизнь не мыслима безъ борьбы соревнованія: растенія борются и выталкиваютъ другъ друга,—общества направляютъ и обуздываютъ личную борьбу. Если общества несовершенны въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ вообще надо разрушить, или что самое начало общественности, присущее природѣ человѣка, должно быть искоренено. Какъ долго пришлось бы графу Толстому ждать, пока личное самосовершенствованіе упразднило-бы крѣпостное право? Рабства бы не было, скажетъ онъ, еслибы человѣчество не сложилось въ общественныя формы. Очень можетъ быть, однако мы не можемъ упразднить прошлое, мы должны работать на данномъ основаніи, мы не можемъ начать заново новый міръ; рабство было даннымъ фактомъ, и еще разъ—долго ли бы пришлось намъ ждать, чтобы этотъ данный фактъ исчезъ самъ собою? И міръ такой же дан-

---

въ природѣ, а что есть только кислородъ и водородъ—газы совершенно по своимъ свойствамъ различные и не имѣющіе между собой ничего общаго?» Интересно въ данномъ случаѣ то, что приведенныя слова были написаны въ то время, когда романъ «Война и Миръ» только появлялся, слѣдовательно—задолго до того, когда Гр. Толстой вступилъ на путь исключительно философскаго писателя.

ный фактъ,—не мертвая буква, которую можно стереть и замѣнить другой; и пока міръ существуетъ, онъ будетъ жить,—и ничто не остановитъ его дальнѣйшаго развитія по законамъ прошлаго. Дѣло будущихъ вѣковъ блюсти за правильнымъ ростомъ человѣчества, а не останавливать его; вотъ почему грядущія поколѣнія будутъ работать надъ развитіемъ, а не надъ уничтоженіемъ того, что выработано предшествующими вѣками. Ибо прошлое существуетъ точно такъ же, какъ и будущее, и не можетъ быть вытѣснено въ небытье. Графъ Толстой говоритъ, что простой народъ не знаетъ Пушкина, и потому, заключаетъ онъ, Пушкины не нужны. Но *онъ* знаетъ Пушкина, и онъ не можетъ себя заставить забыть его, а разъ онъ его помнитъ, онъ долженъ желать, чтобы другіе его узнали, ибо лишь только они его узнаютъ, они его возжелаютъ.

Нѣтъ, Графъ Толстой не остановитъ роста вселенной; какъ бы силенъ ни былъ мыслитель, онъ никогда никого не убѣдитъ, что авторъ «Войны и міра» не нуженъ, потому что невѣжды о немъ не слыхали; философъ не вытѣснитъ художника и не воспрепятствуетъ ему стать, даже вопреки собственной волѣ, однимъ изъ важнѣйшихъ воспитателей грядущихъ поколѣній; раскаявшемуся писателю не удастся вычеркнуть свое имя изъ списка благодѣтелей человѣческаго рода, ибо слишкомъ много великихъ истинъ воплотилъ художникъ въ красотѣ, а «красота, или воплощенная идея, сказалъ нашъ

философъ, есть лучшая часть нашего реальнаго міра, та, которая нетолько существуетъ, но заслуживаетъ существованія» [1]).

Мы прослѣдили исторію физическаго роста Русскаго государства отъ самаго его зарожденія и исторію русскаго духовнаго развитія съ зачатковъ умственной дѣятельности до разцвѣта нашей литературы. Вы видѣли, какъ возникла нынѣшняя Россія, какъ изъ мрака варварскаго ига зардѣлась Московская заря [2]); вы видѣли, какъ раздвигались границы маленькаго княжества, какъ изъ своей континентальной замкнутости оно рвалось къ открытому морю, проталкивалось къ берегамъ, чтобы соприкоснуться съ другими народами земли и примкнуть къ великому движенію вселенской жизни. Затѣмъ мы покинули физическую исторію Россіи. Утвердившись на берегахъ Ледовитаго, Каспійскаго, Чернаго и Балтійскаго морей, она направляетъ свое движеніе къ востоку; путемъ мирнаго посту-

---

[1]) Вл. Соловьевъ «Красота въ природѣ» («Вопросы философіи и психологіи». 1-й годъ. № 1. Москва 1889.).

[2]) Если мы древнюю Москву называемъ «зарею», то, конечно, лишь по отношенію къ мраку татарщины, въ силу тѣхъ историческихъ надеждъ и обѣщаній, которыхъ она явилась носительницей въ глазахъ гибнувшаго прошлаго. Впрочемъ, изъ всего курса, кажется, достаточно явствуетъ, что мы не раздѣляемъ византійско-московскихъ симпатій тѣхъ, кто (неожиданны бываютъ странности совпаденій) подобно Л. Толстому находятъ, что идеалъ нашъ позади насъ.

Прим. къ русск. изд.

панія, съ плугомъ пахаря, не съ мечемъ завоевателя, пройдетъ она чрезъ степи и горы Азіатскаго материка, чтобы твердою пятой стать на Тихомъ океанѣ. Во второй половинѣ нашего курса мы перешли къ исторіи русскаго духовнаго развитія. Вы видѣли, что, въ XVIII столѣтіи русскій умъ приходитъ въ соприкосновеніе съ западной культурой, — соприкосновеніе чисто внѣшнее, поверхностное, дающее въ результатѣ безпочвенное подражаніе. Вы видѣли, что въ первую четверть нашего вѣка въ Россіи совершается сознательное присоединеніе къ общеевропейскому движенію; путемъ сентиментализма и романтизма русская литература вливается въ общее море европейской умственной жизни, но уже духъ народный находитъ себѣ самостоятельнаго выразителя въ мощномъ образѣ Пушкина. Во второй четверти нашего столѣтія русскій умъ, какъ будто, уклоняется отъ общаго пути, вырабатываетъ свои особенности, и, въ то время какъ въ западной Европѣ романтизмъ достигаетъ своего зенита, Гоголь полагаетъ начало русскому натурализму. Наконецъ, въ шестидесятыхъ годахъ наше умственное движеніе снова примыкаетъ къ общеевропейскому, но теперь уже не для того, чтобы заимствовать или учиться, даже не для того, чтобы сотрудничать,—а для того чтобы воздѣйствовать и вліять: имена сегодня разобранныхъ нами авторовъ принадлежатъ эволюціи не русской, но всемірной литературы.

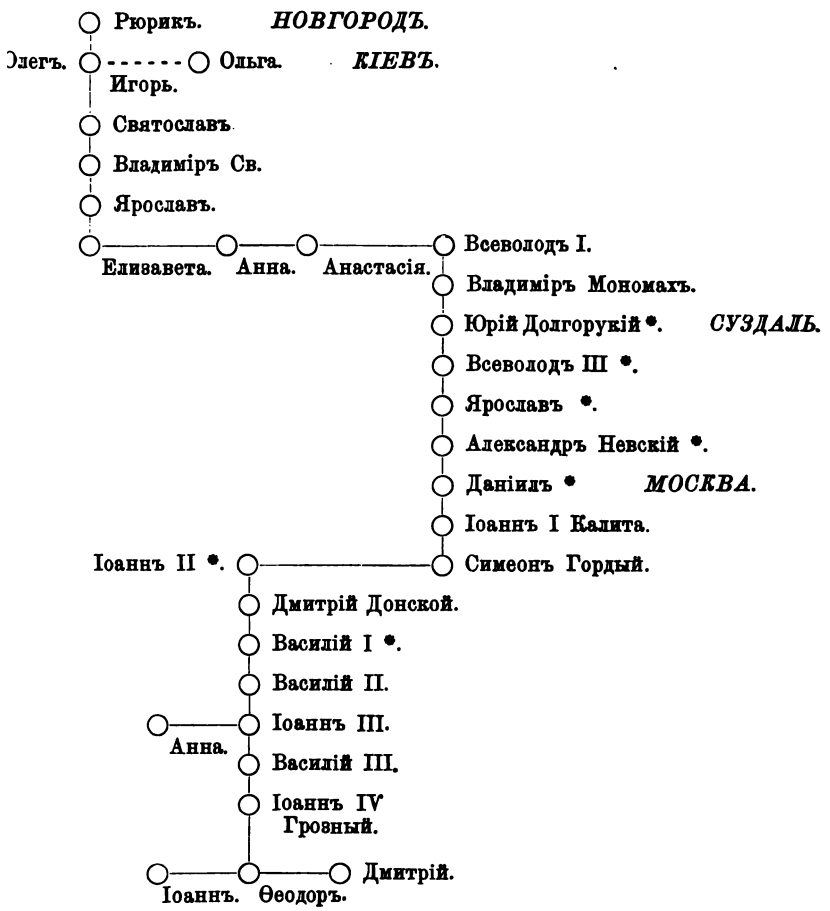
Мы кончили нашу задачу. Предоставляю вамъ

судить, по тому немногому, что я успѣлъ вамъ сообщить, интересный ли предметъ изученія представляютъ русская исторія и русская литература; предоставляю вамъ рѣшить, принадлежатъ ли духовныя силы русскаго народа, какъ онѣ сказались въ его исторіи и въ твореніяхъ его писателей, къ числу тѣхъ силъ, которыя ведутъ человѣчество по пути совершенствованія; предоставляю вамъ опредѣлить, съ какими ожиданіями взирать человѣчеству на этого гиганта, который послѣ восьмисотлѣтняго дѣтства, двухсотлѣтняго отрочества и юношества, вступаетъ въ возрастъ мужества и на порогѣ двадцатаго столѣтія встаетъ могучимъ посредникомъ въ судьбахъ народныхъ, держателемъ мира и войны. Мнѣ же остается поблагодарить васъ. Не знаю, придется ли намъ когда-нибудь снова сойтись, но позвольте выразить надежду, что интересъ, выказанный вами по поводу нашихъ бесѣдъ, не оскудѣетъ и впредь. Другіе, можетъ быть, замѣнятъ меня на этой каѳедрѣ, другіе развернутъ предъ вами тѣ самыя картины, которыя мы обозрѣвали, другіе принесутъ вамъ сказанія, пѣсни и думы нашей земли; не сомнѣваюсь, что они будутъ и болѣе свѣдущи и болѣе опытны, чѣмъ я, но въ одномъ могу васъ увѣрить: ни одинъ изъ нихъ не будетъ движимъ большею любовью къ своему предмету и большимъ уваженіемъ къ своимъ слушателямъ.

Klaipėdos Krašto Vidaus Reikalų

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА I.

ДОМЪ РЮРИКА.

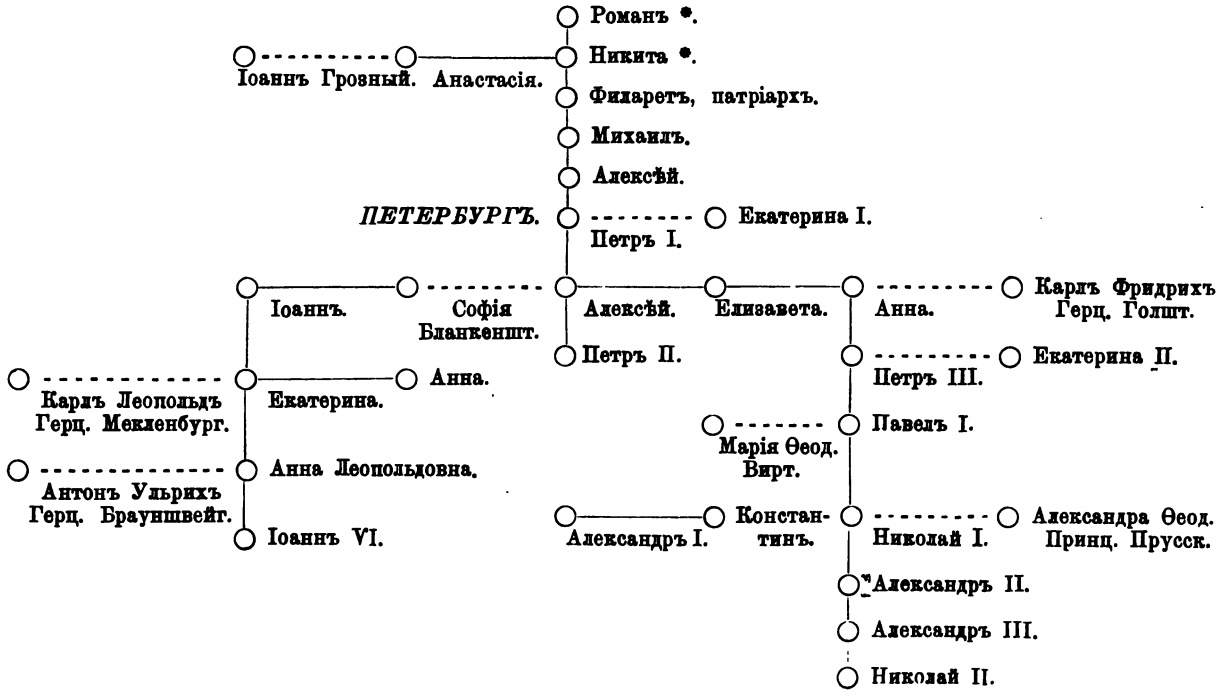


---

* Звездочкой обозначены имена, въ текстѣ не упомянутыя; остальныя могутъ быть отысканы при помощи указателя.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА II.

ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ.



Хронологическая таблица.

862. Основаніе Руси.
911. Договоръ Олега съ Греками.
988. Крещеніе Руси.
1015. † Владиміръ Св.
1054. † Ярославъ Мудрый.
1056. Остромирово Евангеліе.
1125. † Владиміръ Мономахъ.
1147. Первое упоминаніе Москвы.
1224. Татарское нашествіе.
1240. Разрушеніе Кіева татарами.
1328. Іоаннъ I Калита—великій князь.
1380. Куликовская битва.
1439. Флорентійскій соборъ.
1505. † Іоаннъ III.
1547. Вѣнчаніе на царство Іоанна IV.
1584. † Іоаннъ IV.
1613. Избраніе Михаила Ѳеодоровича.
1645. † Михаилъ Ѳеодоровичъ.
1672. Рожденіе Петра.
1700—1721. Сѣверная война.

1703. Основаніе Петербурга.
1711. Учрежденіе Сената.
1718. † Царевичъ Алексѣй Петровичъ.
1721. Ништадтскій миръ.
1725. † Петръ I.
1725. Академія Наукъ.
1727. † Екатерина I.
1730. † Петръ II.
1740. † Анна Іоанновна.
1741. Воцареніе Елизаветы Петровны.
1744. † Кантемиръ.
1755. Московскій университетъ.
1661. † Елизавета Петровна.
1762. † Петръ III.
1765. † Ломоносовъ.
1781. Дружеское Ученое Общество.
1796. † Екатерина II.
1801. † Павелъ I.
1811. Царскосельскій Лицей.
1812. Отечественная война.
1816. † Державинъ.
1819. Петербургскій университетъ.
1823. «Горе отъ ума».
1823—1830. «Евгеній Онѣгинъ».
1825. † Александръ I.
— Декабристы.
1826. † Карамзинъ.

1833. Кіевскій университетъ.
1835. «Ревизоръ».
1837. † Пушкинъ.
1841. † Лермонтовъ.
1842. «Мертвыя души».
1847. «Записки охотника».
1848. † Бѣлинскій.
1855. † Николай I.
1853—1856. Крымская война.
1861. Освобожденіе крестьянъ.
1862. Новороссійскій университетъ
— «Отцы и дѣти».
1864. Земскія учрежденія.
1865. «Война и миръ».
1875. «Анна Каренина».
1881. † Александръ II.
— † Достоевскій.
1883. † Тургеневъ.
1890. Сибирскій университетъ.
1891. Сибирская желѣзная дорога.
1894. † Александръ III.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Адріанъ, патріархъ, 128.
Азія,—и Европа, 68—70.
Академія Наукъ,—указъ объ основаніи. 152.
Аксаковъ, Ив.,—«пора домой», 142; о Пушкинѣ, 219.
Аксаковъ, К.,—и Іоаннъ Грозный, 93; о язычествѣ древнихъ славянъ, 277.
Аксаковъ, Сергѣй,—269.
Александра Ѳеодоровна, императрица, супруга Николая I, 254.
Александръ I,—двѣнадцатый годъ, 27; литературное движеніе, 28;—172, 207; общество того времени, 222—225; конецъ царствованія, 250—251.
Александръ II, — освобожденіе крестьянъ (сопоставленіе), 29—30; воцареніе, 279; шестидесятые года, 281—283; освобожденіе крестьянъ въ Россіи и освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, 284—285; исторія возникновенія крѣпостного права, 285—286; реформа и ея нравственное значеніе, 287.
Александръ III, 26, 31.
Александръ, императоръ византійскій, 65.
Александръ Македонскій, 69.
Алексѣй Михаиловичъ, 104, 105, 107, 108, 112, 113.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 135—137, 150.
Альдусъ Мануцій, 98.
Анастасія Романова, 88, 89.
Анастасія Ярославна, княжна, 65.
Андрей I, король венгерскій, 65.
Анна Ярославна, княжна, 65.
Анна, княжна, дочь Василія Темнаго, 83.
Анна Іоанновна, императрица, 150.
Анна Леопольдовна, герц. Брауншвейгская, 150, 151.
Анна Петровна, герц. Голштинская, 139, 151.
Анна, царевна византійская, 41, 65.
Анна, королева англійская, 116.
Антонъ Ульрихъ, герц. Брауншвейгскій, 150.
Апокрифы, 46.
Аракчеевъ, гр., 251.
«Арзамасъ», 224.
Арина Родіоновна, няня Пушкина, 223.
Аристотель,—см. Фіоравенти.
Археографическая комиссія, 278.
Археологическое общ., 278.

Б.

Байеръ, академикъ, 153.
Байрейтская, маркграфиня, ея мемуары, 140.
Байронъ, 201; — и Пушкинъ, 230.
Балашевъ,—и Наполеонъ, 124.
Батюшковъ, 223.
Бестужевъ-Рюминъ, 278.
Боденштедтъ,—о Лермонтовѣ, 244, 245.
Бомарше,—и Екат. В., 175.
Буало,—о Ронсарѣ, 186.
Буслаевъ, 278.
«Бѣдная Лиза», 204—205.
Бѣлинскій,—объ Іоаннѣ Грозномъ, 94; о Державинѣ, 182; о «Недорослѣ» 187; о «Письмахъ русскаго путешественника», 204; объ «Исторіи Карамзина», 208; о Жуковскомъ, 212; о «Русланѣ и Людмилѣ», 215; о Пушкинѣ, 216, 218, 236, 238, 268;—какъ критикъ, 271—272;—какъ публицистъ, 273; — и послѣдующая критика, 297.

В.

Валуевъ, 277
Варяги, 39.
Василій Темный, 83.
Василій Іоанновичъ, в. кн. М., 76, 84.
Василій, императоръ византійскій, 41.
Веневитиновъ, 270.
Винкельманъ, 201.
Владиміръ Св., в. кн.,—крещеніе Руси, 41;—въ эпической поэзіи, 53—54.
Владиміръ Мономахъ, в. кн., 62—64, 65.
Владиславъ, королевичъ по
скій, 17.
Vogüé, V-te M. de,—о Пу
кинѣ, 238.
Вольтеръ,—отзывъ о Полта
ской битвѣ, 124;—и Ека
рина В, 167, 170;—173, 20
«Вольтерьянство», 177.
Вольфъ, Христіанъ, 158.
Всеволодъ I, отецъ Владимі
Мономаха, 64.
Вяземскій, кн.,—иностран
и Россія, 6; о комедія
Екат. В., 185;—224, 254.
Вѣче, 57, 58.

Г.

Галаховъ,—о Державинѣ, 1
о Карамзинѣ, 209.
Гарольдъ, король англійск.,
Гарольдъ, король норве
скій, 65.
Гастинская, княжна, 16.
Гегель, 269, 275.
Генкель, 158.
Генрихъ I, король францу
скій, 65.
Географическое общ., 278.
Герберштейнъ, 84.
Геродотъ,—въ Крыму, 33
34; мнѣніе персовъ о троя
ской войнѣ, 69.
Гёте,—182, 194, 201; объ общ
человѣчности искусства, 24
о Шевыревѣ, 268.
Гильфердингъ, 54.
Гоголь, 29,—о Жуковском
213; о Пушкинѣ, 238, 241;—24
первые шаги, 253—254,—
Пушкинъ, 255—256;—смысл
появленія, 256—258; VII гл
ва «Мертвыхъ Душъ», 258-
261;—его смѣхъ, 262—26
«Ревизоръ» и цензура, 26

сатирикъ и народъ, 265—266;—и Достоевскій, 304.
Голицынъ, кн., Вас. Вас., 114.
Головкинъ, канцлеръ, 132.
Голубиная книга, 52.
Голубинскій,—о «словѣ» Иларіона, 45.
Грановскій, 268.
Грегори, Готфридъ,—и театральныя представленія при дворѣ царя Алексѣя Михаиловича, 113.
Грибоѣдовъ, 243.
Григоровичъ, 291.
Григорьевъ, Аполлонъ,—о западныхъ и восточныхъ направленіяхъ, 142;—309.
Гриммъ, 172, 174; о Екатеринѣ В., 184.
Гумбольдтъ,—о Россіи, 1.

Д.

Давидъ, живописецъ, 211.
Д'Аламберъ, 170, 172.
Даніилъ, игуменъ, — «Хожденіе въ Іерусалимъ», 45—46.
Данилевскій,—о красотѣ, 9; о Петрѣ В., 140.
Дантэсъ Геккернъ, бар., 215.
Дашкова, кн.,—и воцареніе Екатерины, 169; письмо Державина, 180.
«Двоевѣріе», 50.
Джаншіевъ, — о «Запискахъ охотника», 295.
Декабристы, 251.
De la Neuville, польскій посланный—о кн. В. В. Голицынѣ, 114.
Де ла Шетарди, 150.
Дельвигъ, баронъ, 242.
Державинъ — пѣвецъ Екатерины, 178; поползновенія на реализмъ, 179—181; литературное значеніе, 181—182; встрѣча съ Пушкинымъ, 189; конецъ псевдоклассицизма,—194; о заслугѣ Екатерины В. предъ литературой, 213.
Дидро, 170, 172.
Дмитрій Донской, 73, 74, 77.
Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, переписка съ И. Ванъ деръ-Бургомъ, 111.
Дмитрій,—самозванцы, 30, 95.
Добролюбовъ, 298.
Достоевскій, — о Пушкинѣ, 239; характеръ направленія, 292; разоблаченіе души, 303—304; вліяніе, 304—306;— и Тургеневъ, 307; націонализмъ и общечеловѣчность 308—309; «Дневникъ Писателя», 309;
Драгоміровъ,—о Львѣ Толстомъ, 311, 318
«Дружеское Ученое Общество», 195—198.
Духовныя завѣщанія московскихъ князей 77.

Е.

Евгеній IV, папа, 83.
«Евгеній Онѣгинъ»,—см. Пушкинъ.
Европа,—и Азія, 68—70; эпоха возрожденія, 100—101; литературный горизонтъ въ началѣ XIX вѣка, 199—201; политическая Евр. въ половинѣ XIX вѣка, 251—252.
Екатерина I, 139, 150, 153.
Екатерина, II, Великая,—и Петръ В., 118, 147—148. «Вѣкъ Екатерины», 147—149; воцареніе, 168—169; портретъ, 170—171; французская философія въ Россіи, 171—177;—

и литература, 177—179;—и сатира, 182—185, значеніе XVIII вѣка, 188.
Екатерина Іоанновна, герц. Мекленбургская. 150.
Елизавета Ярославна, княжна, 65.
Елизавета Петровна, 139; воцареніе, 151; и Ломоносовъ, 159; дворъ, 166—167.
Елизавета, королева англійская, 16, 86.

Ж.

Жубэръ, 25.
Жуковскій, — и «Дружеское Общ.», 197; литературная заслуга, 210—212; новый смыслъ поэзіи, 213—224.

З.

«Задонщина», 99.
Западничество, 29, 273—274.

И.

Иванюковъ, о рабствѣ въ Россіи, 283—284.
Иларіонъ, епископъ, — слово «О законѣ и благодати», 45.
Илья Муромецъ, 53.
Исидоръ, митрополитъ Московскій, 83.
Историческое Общ., 278.

І.

Іеремія, патріархъ Константинопольскій, 107.
Іоаннъ Калита, — первый в. кн. Московскій, 72.
Іоаннъ III,—сверженіе та скаго ига, 70, 74; единодер віе, 78, 80—81; бракъ 79-
Іоаннъ IV, Грозный,—сно нія съ Англіей, 84—86; в чаніе на царство, 88; хар теръ, 91—93;—и Петръ В кій, 93, 141; оцѣнка хар тера, 93—96;—въ искусс 96—97.
Іоаннъ, царевичъ, стар сынъ Іоанна Грознаго, 9
Іоаннъ V, Алексѣевичъ, Петра В., 116, 120, 150.
Іоаннъ VI, 150, 151.
Іовъ, первый патріархъ сковскій, 107.
Іосифъ II,—и Екат. В., 17

К.

Кавелинъ, 278.
Канова, 211.
Кантемиръ, 155—156.
Карамзинъ, — о Сумароко 165; о Тредьяковскомъ, 16 и «Дружеское Обществ 197; литературная дѣяте ность, «Московскій Ж налъ», «Письма русск. тешественника», 203 — 2 «Бѣдная Лиза»; 204 — 2 «Исторія Государства Р сійскаго», 207—208; «Кар зинисты», 223;—и Шишко 223; объ общечеловѣчно литературы, 240.
Карлъ Великій, 35.
Карлъ V, императоръ, 84,
Карлъ XII, король шведск 123, 124.
Карлъ-Леопольдъ, герц. Ме ленбургскій, 150.
Карлъ-Петръ-Ульрихъ, ге Голштинскій, 151.
Карлъ I, король англійскій,

предсказаніе Екатерины Великой, 174.
Катковъ,—о Карамзинѣ, 208—209;—и эпоха реформъ, 289.
Керченскій музей, 34.
Кириловъ, составитель первой географической карты Россіи, 155.
Кириллъ, св., первоучитель, 43.
Кирѣевскій, 276.
Клингеръ, нѣмецкій поэтъ,—о русскихъ, 35.
Ключевскій, — о Русской Правдѣ, 60, 62; о первыхъ Московскихъ князьяхъ, 72.
Кольцовъ, 29,—литературное значеніе, народная рѣчь въ поэзіи, 248—249.
Константинъ Павловичъ, В. Кн., 172.
Константинъ, императоръ византійскій, 41.
Константинъ Мономахъ, императоръ византійскій, 65.
Константинъ Багрянородный, императоръ византійскій, 65.
Константинъ Палеологъ, императоръ византійскій, 79, 83.
Космополитизмъ, — и націонализмъ, 12.
Костомаровъ, 278.
Котошихинъ, 111.
Кремль московскій, 83, 112—113.
Крижаничъ,—восточный вопросъ, 105.
Крюденеръ, Г-жа, 251.
Крыловъ, 224.
Крѣпостное право,—холопы и крѣпостные, 61; право перехода, 77;—и кн. В. В. Голицынъ, 114;—и Екатерина В., 176; историческое развитіе, 285—286.
Куликовская битва, 73—74.
Курбскій, кн., 91, 99.

Л.

Лагарпъ, 172, 250.
Лафайетъ,—и Екатерина Вел. 174.
Лафатеръ,—переписка съ Карамзинымъ, 202.
Лейбницъ,—и Петръ В., 130.
Лермонтовъ, 29;—и Пушкинъ 243—248.
Leroy Beaulieu,—о русскомъ движеніи въ Азію, 81.
Лессингъ, 201.
Лефортъ, 127.
Лобачевскій, 278.
Ломоносовъ,—и норманская теорія, 39;—157; Академія Наукъ, 158—159;—какъ ученый, 159—160,—какъ поэтъ, 160 — 163; русскій псевдоклассицизмъ, 163 — 164; — и Вольтеръ, 173; о русскомъ языкѣ, 162, 164;—194, 247.
Лопухина, **Евдокія**, первая жена Петра В., 135.
Лудовикъ XV,—встрѣча съ Петромъ Великимъ, 22.
Лудовикъ XVI, — предсказаніе Екатерины В., 174.
Любимовъ, Н.,—о Ломоносовѣ, 160.
Лѣтописи, 47—49.

М.

Магометъ II, 69.
Макарій, митрополитъ Московскій, 98, 99.
Макдональдъ, 25.
Максимильянъ, императоръ 82, 84.
Максимъ Грекъ, 98.
Мамай, 73.
Маратъ, 172.

Марія Ѳеодоровна, императрица, супруга Павла I, 224.
Марія, королева англійская, 85.
Марія Терезія, императрица, 167.
Марчелло, дожъ, 82.
Массэна, 25.
Матвѣевъ, Арт. Серг., 115.
Матвѣевъ, Серг. Арт., 116.
Менделѣевъ, 278.
Меншиковъ, кн., 119, 139.
Метернихъ, 252.
Меѳодій, св. первоучитель, 43.
Миллеръ, академикъ, 153.
Миллеръ, О. Ѳ.,—о Достоевскомъ, 306.
Мильтонъ, «Исторія Москвы», 144.
Мининъ, Кузьма, 17.
Михаилъ Черниговскій, 71.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, 17, 104, 105.
Мольеръ, — въ палатахъ царевны Софіи, 114;—и Гоголь, 264.
Монастыри,—роль въ древней Руси, 43—44.
Монголы, см. Татары.
Мордовцевъ,—о Екат. В., 171.
Моро, 25.
Морозовъ,—о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, 154.
Москва,—первое упоминаніе, 70; ростъ Москвы, 74—76;—въ поэзіи Пушкина, 232.
«Московскій журналъ» Карамзина, 203.
Мопертюи, 172.

Н.

Надеждинъ, 267.
Наполеонъ I, 26, 113;—и Балашевъ, 124; предсказаніе Екатерины В., 174;—199, 222.
Наполеонъ III, 252.
Нарышкина, Нат. Кир., портретъ, 23; встрѣча, 1 письмо Петра В., 119.
Націонализмъ, — и космо литизмъ, 12;—у Карамзи 208—209:—у Пушкина, 238; у Достоевскаго, 308—309.
«Недоросль», 185—188.
Незеленовъ, — о «Записка охотника», 295.
Некрасовъ, 249.
Несторъ, 47.
«Нигилизмъ», 300.
Никитинъ, 249, 251.
Николай I,—и Карамзинъ, 20 воцареніе, 251; характе европейской политики, 251 252; литературный арист кратизмъ того времени, 249 250, 252—253.
Николай II,—Е. И. В. бытность Наслѣдникомъ п лагаетъ первыя рельсы С бирскаго желѣзнаго пути, 8
Никонъ, патріархъ,—избран и паденіе, 107—108; пер смотръ книгъ, 108—109;— реакція, 111.
Новиковъ, 195—197.
Норманская теорія, 39.
Нѣмецкая Слобода, 19; — иноземное вліяніе, 110.

О.

Олегъ, в. кн., 65.
Ольга, св., великая княгин 41, 65.
Опричники, 90.
Ордынъ Нащекинъ, 115.
Освобожденіе крестьянъ, см. Александръ II.
Ослябъ, 73.
«Остромирово Евангеліе», 4

Оттонъ Великій, императоръ 65.
Оттонъ II, императоръ, 65.

П.

Павелъ I, 25;—и Новиковъ, 197.
Павелъ II, папа, 79.
Павловъ, 267.
Паскаль,—о рѣкахъ, 40.
Пересвѣтъ, 73.
Петербургъ,—основаніе 123;—въ поэзіи Пушкина, 231.
Петръ Великій, — историческій образъ, 20, 103, 118; внѣшнее сопоставленіе двухъ эпохъ, 21—23; предшественники, 114 — 116; подготовительная эпоха, 117; дѣтство, воцареніе, 119—120; походы, 121—124; «Завѣщаніе Петра В.», 124—125; преобразованія, 126—131; Ништадтскій миръ, императорскій титулъ, 132; отношеніе современниковъ къ преобразованію, 132 — 136; смерть, 138; отношеніе потомства къ преобразованію, 139—143;—и Екатерина В., 147—148;—и нѣмецкія маркграфини, 166.
Петръ II, 137, 150.
Петръ III, 139, 151; воцареніе, 167; смерть, 169.
Петръ, митрополитъ Московскій, 72.
Пироговъ, 278.
Писаревъ,—278; объ «Отцахъ и дѣтяхъ», 301.
«Письма русскаго путешественника», 202—204.
«Плачъ Адама», 52.
Погодинъ,—объ «Исторіи Карамзина», 208;—277.
Пожарскій, кн., 17.
Полтава, 124.
Помпадуръ, маркиза, 167.
«Поученіе» Влад. Мон., 63, 64.
Потемкинъ, кн.—и Фонъ-Визинъ, 187.
Почвенники, 277, 308, 309.
Пушкинъ,—о Петрѣ В., 19, 151; о Ломоносовѣ, 159; «Кишиневская записка», 171; о сподвижникахъ Екат. В., 181; встрѣча съ Державинымъ, 189;—194;—и «Дружеское Общество», 197;—198; объ «Исторіи» Карамзина, 208; первые литературные шаги, 214—215; литературная карьера, 215—216;—и критика, 216 — 218; красота въ поэзіи, 219; жизнь въ поэзіи, 220—221; «Евгеній Онѣгинъ», содержаніе, 225—230, характеръ прелести, 230—234; лирика, 234—236; народность и общечеловѣчность, 238—240; о Веневитиновѣ, 271; объ освобожденіи крестьянъ, 287.
«Pouschkiniana», 217.
Пыпинъ,—по поводу обвиненій противъ Петра В., 140; о Екат. В., 177; о Новиковѣ, 196; о Карамзинѣ, 207; о Бѣлинскомъ, 268, 273.

Р.

Радищевъ, 287.
Ричардсонъ, 200.
Романовы, династія, 89.
Россетъ, фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны, 254.
Ростовцевъ, гр., 30.
«Русская Правда», 59—62.
«Русланъ и Людмила», 214, 215.
Руссо, 200, 203.
Рюрикъ, 13, 39.

С.

Самаринъ, Ю., — о западникахъ и славянофилахъ, 273.
Святославъ, в. кн., 41.
Священный Союзъ, 252.
Сентиментализмъ, 199—200, 204—207.
Сенъ-Симонъ.—о Петрѣ В., 22.
Сергій Радонежскій, св., 73.
Сигизмундъ, король польскій, 17, 86.
Сикстъ IV, папа, 79.
Сильвестръ,—«Домострой»,99.
Симеонъ Гордый, 72.
Симеонъ Полоцкій,—«Блудный Сынъ», 113.
Скавронская, Марѳа, — см. Екатерина I.
Славяне, — происхожденіе, языкъ, 35—36.
Славяно-Греко-Латинская Академія, — основаніе 109; Ломоносовъ, 158.
Славянофилы, 29;—и Петръ В., 142; начало, 223; ученіе, 274—276; заслуги, 276—277.
«Слово о Полку Игоревѣ», 55—57.
Смутное время, 16—18, 95.
«Собираніе земли русской», 72, 75—78.
Соловьевъ, Вл., — «международный каннибализмъ», 8; «зоологическій патріотизмъ», 143; о Достоевскомъ, 304; о красотѣ, 321.
Соловьевъ, С. М.,—о древнихъ славянахъ, 36; Европа и Азія, 70; о Петрѣ В., 118;—269, 278; о крѣпостномъ правѣ, 286.
«Сороковые года», Московскій университетъ, 267—271.
Софія, царевна, сестра Петра В., 109, 114, 116, 120.
Софія, принцесса Бланкенштейнская, супруга царевича Алексѣя, 137.
Софія Палеологъ, 79—80.
Срезневскій, 278.
Staël, M-me de, 249.
Стернъ, 200.
Страховъ, 309.
Струве, 278.
Суворовъ, гр., 25.
Сумароковъ, 165; Августъ и Горацій. 181; «Трудолюбивая Пчела», 185.

Т.

Татары,—иго, 67; зависимость князей, 71—72; сверженіе ига, 73—74; Казань, Астрахань, 74, 89;—крымскіе, 74.
Татищевъ, 155.
Тацитъ,—о славянахъ, 35.
«Театральный разъѣздъ», 264.
Тиммерманъ, 127.
Толстой, гр., Алексѣй, 95, 97.
Толстой, гр., Левъ, 194; характеръ направленія, 293; о правдѣ, 293; о Достоевскомъ, 308; соперничество мыслителя и художника, 311—312; литературный образъ, 312—313; философское ученіе, 313—315; «Толстовцы», 315; отрицательное вліяніе, 315—318; общество и личность, 318—321.
Тредьяковскій,—о поэзіи, 164, 211;—165.
Тургеневъ, ректоръ Моск. Университета, — и «Дружеское Общ.,» 197.
Тургеневъ, — характеръ направленія, 292; художникъ, 294; «Записки охотника», 295—296;—и критика шестидесятыхъ годовъ, 296—300; «Отцы и дѣти», 300—301; «На канунѣ», 302.

У.

Уваровъ, 224.
«Удѣльный періодъ», 57—59.
Устряловъ, 278.

Ф.

Фердинандъ Католикъ, король Испанскій, 70, 80.
Филаретъ, патріархъ, 18.
Филиппъ, король англійск., 85.
Фіоравенти, 82.
Флетчеръ, 85.
Флорентійскій Соборъ, 83-84.
Фонъ-Визинъ, 179, 185—188.
Франклинъ,—и Екат. Велик., 174—175.
Фридрихъ IV, императоръ, 82.
Фридрихъ Великій, 167, 169, 172, 175;—и Вольтеръ, 173.
Фридрихъ-Вильгельмъ Бранденбургскій, 141.

Х.

Херасковъ, 197.
«Хожденіе Богородицы по мукамъ», 46.
Хомяковъ, 276.
Храповицкій, секретарь Екат. В., 175.

Ч.

Чаадаевъ, — о преобразованіи Петра, 140.
Чайковскій, 234.
Чанселоръ, англійскій капитанъ, 85.
Чернышевскій, 297.
Чертовъ мостъ, 25.
Чингизъ-Ханъ, 69.

Ш.

Шатобріанъ, 201.
Шевыревъ,—о лѣтописяхъ, 49; о «Словѣ о Полку Игоревѣ», 56;—268, 276, 277, 309.
Шекспиръ,—и космополитичность искусства, 11.
Шеллингъ, 267, 275.
Шенье, 201.
«Шестидесятые года», 281—283.
Шлецеръ, академикъ, 49, 153.
Шишковъ, 223, 251.

Э.

Эдуардъ IV, король англійск., 85.
Эней, 40.
Эпическая поэзія,—духовная; 51—52; свѣтская, 52—55.
Эрмитажъ, 34; представленія при дворѣ Екатерины В., 182—183.

Я.

Ярославъ Мудрый, в. кн., 59.

Ѳ.

Ѳеодоръ Іоанновичъ, 95.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, 105, 109, 114, 116.
Ѳеофано, царевна византійск., 65.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, — о Петрѣ В., 139;—и просвѣщеніе, 154.
Ѳома Палеологъ, 79.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе.

Лекція I (вступительная) 1

Иностранныя понятія о Россіи. Наша цѣль—изложеніе, не полемика.

Красота, какъ проводникъ общественности. Націонализмъ, или космополитизмъ?

Русская исторія съ птичьяго полета.

Лекція II (862 - 1224) 33

Два голоса изъ древности (Геродотъ и Тацитъ). Востокъ и западъ въ судьбѣ европейскихъ народовъ.

Начало Россіи. Норманская теорія. Кіевъ и Византія. Владиміръ Св. и крещеніе Руси.

Роль монастырей. Духовная литература. Несторъ и лѣтописи. Народная литература. Духовные стихи. Эпическая поэзія. «Слово о Полку Игоревѣ».

Вѣче. Князь. Ярославъ Мудрый и «Русская Правда». Владиміръ Мономахъ и его «Поученіе». Сношенія съ Европой въ до-монгольскій періодъ.

Лекція III (1224—1613) 67

Татарское иго. Европа и Азія,—вѣковая борьба двухъ континентовъ.

Возникновеніе Москвы. Политика первыхъ Московскихъ князей и «собираніе земли Русской». Внутреннія теченія общественныхъ слоевъ.

Іоаннъ III, первый государь единой Россіи. Дипломатическія и торговыя сношенія съ западной Европой.

Іоаннъ IV, Грозный, первый царь. Характеристика. Іоаннъ Грозный въ памяти потомства.

Просвѣщеніе. Безотрадное сопоставленіе.

Лекція IV (1613—1725) 103

Время первыхъ Романовыхъ. Патріархъ Никонъ и пересмотръ церковныхъ книгъ. Пробужденіе критической мысли. Внѣшнія вліянія и внутренняя реакція.

Московскій дворъ. Предшественники.

Петръ Великій. Его историческій образъ. Преобразованіе, его пріемы и духъ. Потомство и современники. Царевичъ Алексѣй. Смерть Петра.

Раздвоеніе народной оцѣнки. Къ чему междоусобная полемика на чужеземной почвѣ?

Лекція V (1725—1796) 147

XVIII вѣкъ. Краткій очеркъ отъ Петра I до Екатерины II.

Академія Наукъ. Духовные исполнители Петра Великаго. Татищевъ. Кантемиръ.

Ломоносовъ,—ученый, поэтъ. Русскій псевдоклассицизмъ. Сумароковъ. Тредьяковскій. Петровская реформа при императрицѣ Елизаветѣ.

Восшествіе Екатерины Великой. Автографическій портретъ. Французская философія въ Россіи. Литература. Державинъ. Сатира, — императрица, Фонъ-Визинъ. «Недоросль».

На порогѣ нашего столѣтія.

Лекція VI (1779—1837) 191

Внезапность и многосторонность умственнаго роста въ XIX вѣкѣ. Источники новыхъ литературныхъ движеній. Новиковъ и Московскій кружокъ.

Литературный горизонтъ западной Европы въ началѣ нашего столѣтія. Сентиментализмъ въ Россіи. Карамзинъ. Романтизмъ въ Россіи. Жуковскій. Поэзія получаетъ новый смыслъ.

Пушкинъ. Его литературное значеніе. Поэзія жизни. Русское общество въ первыя десятилѣтія нашего вѣка.

«Евгеній Онѣгинъ». Сюжетъ романа, характеръ его прелести.

Лирика Пушкина. Отличительныя черты—гармонія, многострунность. Народность и общечеловѣчность.

Лекція VII (1837—1861) 241

Лермонтовъ, романтическій пессимизмъ. Лермонтовъ и Пушкинъ. Кольцовъ, народная рѣчь въ поэзіи. Литературный и иной аристократизмъ того времени.

Гоголь. Смыслъ его появленія. Смѣхъ Гоголя. Мѣсто сатиры въ эволюціи народа.

«Сороковые года». Московскій Университетъ. Бѣлинскій и его вліяніе. Славянофилы и «западники». Пробужденіе національныхъ интересовъ. Восшествіе Александра II.

Лекція VIII (1861—...) 281

«Шестидесятые года». Освобожденіе крестьянъ. Паденіе рабства въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Россіи. Нравственное вліяніе преобразованія.

Роль литературы. Три главныхъ представителя натуралистической школы.

Тургеневъ—мыслитель заслоненъ художникомъ. Критика шестидесятыхъ годовъ. Нигилизмъ.

Достоевскій — художникъ заслоненъ мыслителемъ. Достоевскій и Тургеневъ. Общечеловѣческія и національныя черты Достоевскаго.

Левъ Толстой, мыслитель и художникъ—соперники. Литературный обликъ Толстого. Философское ученіе и его вліяніе. Отрицательныя начала и духъ раздробленія.

Заключеніе.

Родословныя таблицы 325

Хронологическая таблица 329

Указатель 333

Valstybinė Kristaus Vidaus Biblioteka

2196
V

18/98/

DK 42 .V62
Ocherki russkoi istorii i russ
Stanford University Libraries
3 6105 041 442 257

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.